

АЙЗЕК АЗИМОВ

ФАНТАСТИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ II

БГ БЕСТСЕЛЛЕРЫ
ГОЛЛИВУДА

ФАНТАСТИЧЕСКОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ II

2

БГ

ФИЛЬМ
СТИВЕНА СПИЛБЕРГА И ДЖО ДАНТЕ
«ВНУТРЕННЕЕ ПРОСТРАНСТВО»
ПО

АЙЗЕК АЗИМОВ

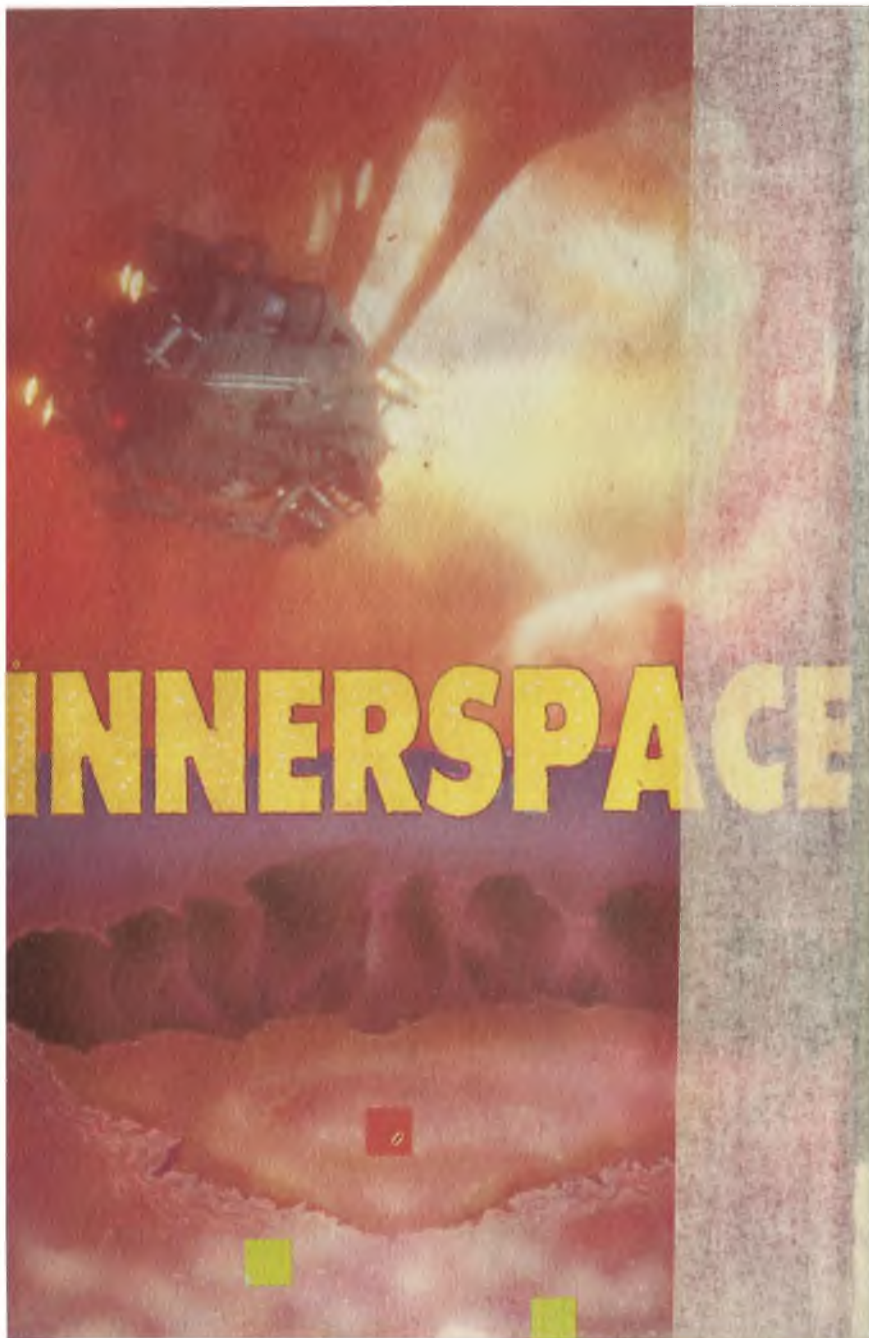

ФАНТАСТИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ II

БГ БЕСТСЕЛЛЕРЫ
ГОЛЛИВУДА

PHOTOGRAPH

БГ БЕСТСЕЛЛЕРЫ
ГОЛЛИВУДА

Айзек Азимов

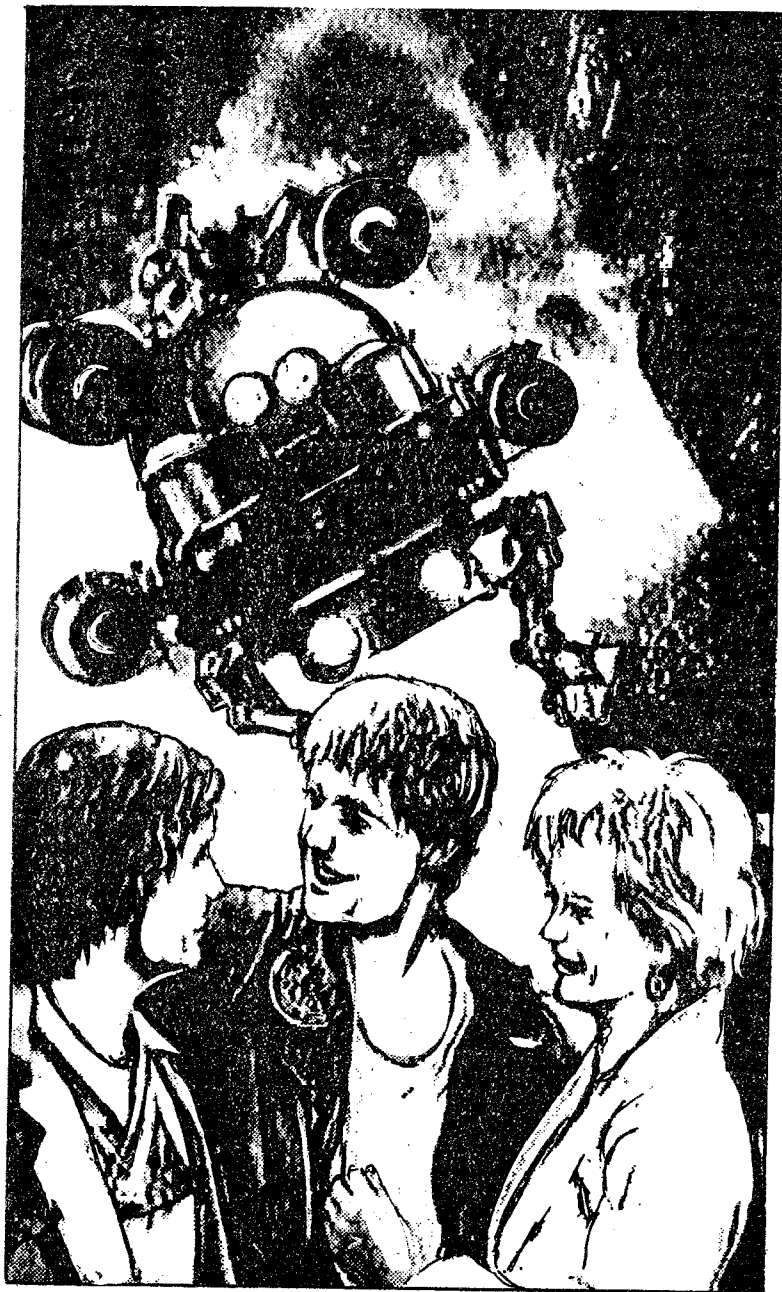
«ФАНТАСТИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ»

В 2-х книгах

ствие двух романов Айзека Азимова разворачи-
в микромире. Уменьшенные до размеров атома
по своей воле или вынужденно проникают во
ннее пространство человеческого тела. И ока-
ся, что, несмотря на крошечные размеры, их
овсе нешуточные испытания, подлинные при-
ния, реальные опасности, роковые страсти, —
и все, что обеспечило книгам огромный успех
м мире.

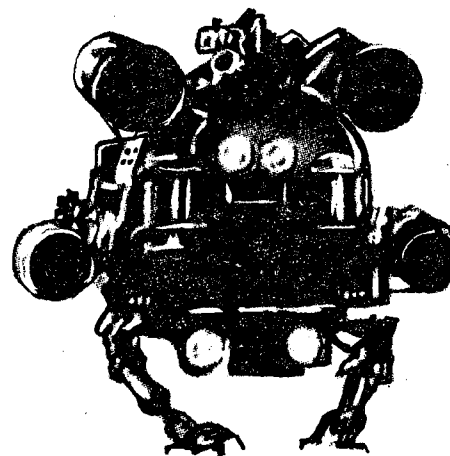
рвый роман был написан Азимовым в 1966
го оригинальному киносценарию Харри Клай-
по заказу компании «Twentieth Century-Fox»
блестящего выхода на экран одноименного
а режиссера Ричарда Флейшера с участием
Уэлш и других.

рой, в свою очередь, был экранизирован под
ием «Внутреннее пространство» в 1987 году
ном Спилбергом и режиссером Джо Данте.
на «Внутреннее пространство» была удостоена
ра» за лучшие зрительные эффекты. В главных
снимались Дэннис Куэйд, Мартин Шорт, Мег
и другие.)

АЙЗЕК АЗИМОВ
**ФАНТАСТИЧЕСКОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ II**

ПРОДОЛЖЕНИЕ

КНИГА ВТОРАЯ

МОСКВА
«ЭРИКА»
1994

Эта книга продолжает популярную серию «БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА», в которую вошли получившие мировую известность лучшие произведения в жанрах детектив, фантастика, мистика, приключения, авантюрный и любовный роман, одновременно ставшие литературной основой либо созданные по мотивам самых популярных кино- и видеофильмов.

По вопросам приобретения книг серии оптовых покупателей просим обращаться по адресу:
129090, г. Москва, ул. Гиляровского, 29
(проезд — метро «Проспект Мира»)
Тел. (095) 288-39-77. 971-38-78

Перепечатка входящих в данную книгу произведений, полная или частичная, **ЗАПРЕЩЕНА**.

Всякое коммерческое использование может быть осуществлено исключительно с разрешения издателя.

Знак серии защищен и охраняется авторским правом.
Использование данного знака без согласования с правообладателем преследуется по закону

ISBN 5-85775-040-7

© Nightfall, Inc.,
«Fantastic Voyage II: Destination Brain», 1987
© «ЭРИКА», оформление, 1994
© «ЭРИКА», знак серии, 1993
© «ЭРИКА», 1994

АЙЗЕК АЗИМОВ

ФАНТАСТИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ II

Isaac Asimov

**«FANTASTIC VOYAGE II:
DESTINATION BRAIN»**

Перевод с английского.

Айзек Азимов

**«ФАНТАСТИЧЕСКОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ II:**

МЕСТО НАЗНАЧЕНИЯ — МОЗГ»

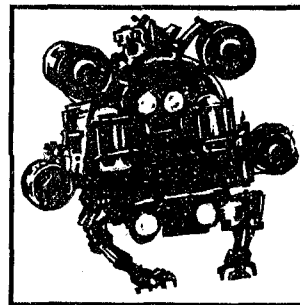
ГЛАВА ШЕСТАЯ

РЕШЕНИЕ

*«Мы всегда уверены,
что принятое нами решение неверно».*

Дежнев Старший.

23.

После этого вопроса Моррисон поднялся. 'Он чувствовал, что не совсем уверенно стоит на ногах — возможно, от водки или от общей напряженности, или же от этого последнего откровения, о котором лишь догадывался. Он потопал немного ногами, как бы проверяя их прочность, затем не спеша прошелся по комнате.

Глядя прямо в лицо Барановой, он хрипло произнес:

— Вы можете уменьшить кролика, и с ним может

ничего не произойти. Но разве до вас не доходит, что мозг человека — это самая сложная из всех известных субстанций. И там, где другие примитивные системы выживают, человеческий мозг чаще всего гибнет?

— Доходит, — бесстрастно заметила Баранова, — но наши исследования показали, что минимизация не оказывает ни малейшего влияния на внутренние процессы, происходящие в подвергнутом уменьшению объекте. Теоретически, даже на человеческий мозг она не оказывает пагубного воздействия.

— Теоретически! — передразнил ее презрительно Моррисон. — Как можно было, опираясь только на теорию, проводить эксперимент на Шапирове, интеллекте, который вы, кажется, так высоко ценили? Но, потерпев неудачу на нем, при такой невосполнимой для вас утрате, просто безумие предлагать провести подобный эксперимент на мне. Вы что, за счет меня хотите восполнить свои потери? Так ведь со мной произойдет то же самое. И поэтому я не могу согласиться.

Дежнев возразил ему:

— Не говорите чепухи. Никакое это не безумие. Мы все делали правильно. Вся вина лежит на Шапирове.

— В какой-то мере, да, — поддержала его Баранова. — Шапиров был весьма эксцентричен. Я знаю, что у вас его называли «Crazy Peter», и это недалеко от истины. Он был одержим экспериментом по минимизации. Говорил, что старость не за горами,

и поэтому он вовсе не собирается уподобиться Моисею, достигшему земли обетованной, но так на нее и не ступившему.

— Но ведь можно было запретить ему делать это.

— Кому? Мне? Я запрещаю Шапирову? И вы это серьезно?

— Ну не вы, так правительство. Если уж Советский Союз так дорожит этой минимизацией...

— Шапиров грозился вовсе прекратить работу над проектом, если не сделаем так, как он хочет, и мы уступили ему. Да и у правительства теперь не такие длинные руки, как раньше, когда оно расправлялось с неугодными учеными. После всего, что было, оно теперь прислушивается к мнению мировой общественности, так же, впрочем, как и ваше правительство. Такова цена международного сотрудничества. Не мне судить: хорошо это или плохо. Короче говоря, кончилось тем, что Шапирова минимизировали.

— Абсолютное безумие, — пробормотал Моррисон.

— Не совсем, — возразила Баранова, — мы выполнили все предосторожности. Несмотря на то, что каждый эксперимент по минимизации стоит огромных денег (а от этого всегда бросает в дрожь членов Центрального Координационного Комитета), мы настояли на его постепенном проведении. Дважды мы подвергали минимизации шимпанзе и дважды возвращали их в нормальное состояние, не отмечая при этом никаких изменений: и когда наблюдали за

их поведением, и когда расшифровывали показания энцефалографа.

— Шимпанзе — это все же не человек, — заметил Моррисон.

— Нам это тоже известно, — помрачнела Баранова. — И тем не менее, следующий эксперимент мы провели на человеке. Нашелся доброволец. Юрий Конев, если говорить прямо.

— Я вынужден был пойти на это, — заметил Конев. — Именно я доказывал, что мозг не страдает. Я нейрофизик и поэтому выполнял в данном проекте все необходимые расчеты. Не мог же я просить кого-то еще рисковать здравомыслием при моих расчетах и моей уверенности. Жизнь — это одно. Мы все ее потеряем рано или поздно. А здравый смысл — совсем другое.

— Какие мы храбрые, — прошептала Калныня, разглядывая свои ногти, — поступок настоящего советского человека.

Ее рот скривился, и на лице появилось что-то вроде усмешки.

Глядя в упор на Моррисона, Конев проговорил:

— Да, я — советский гражданин, но пошел на это не из патриотических соображений. Мне кажется, в данном случае они даже не совсем уместны. Я сделал это из соображений порядочности и научной этики. Я был уверен в своих расчетах, но чего стоит такая уверенность, если я не готов испытать ее результаты на себе? В этом заключалось для меня еще и нечто больше. После того, как минимизацию навечно за-

несут в книгу истории, меня назовут первым человеком, подвергшимся ее воздействию. Это затмит даже подвиги моего великого прадеда-генерала, воевавшего против немецких фашистов во время Великой Отечественной войны. Я прославлюсь. И вовсе не из тщеславия, а лишь потому, что я считаю мирные завоевания в науке всегда превыше любых военных побед.

Баранова прервала его:

— Ладно, отложим речи об идеалах и поговорим лучше о фактах. Так вот, мы подвергали Юрия минимизации дважды. В первый раз уменьшили его в два раза и затем вернули в обычное состояние. Потом мы довели его до размеров мыши и снова успешно вернули в норму.

— И после этого взялись за Шапирова? — спросил Моррисон.

— Да, следующим стал Шапиров. Он был к тому времени уже трудно управляем. Отстаивал до хрипоты право быть первым минимизированным человеком. После первого рискованного опыта на Коневе едва удалось уговорить его дожидаться следующей, уже более основательной попытки. Позже он стал просто невыносим. Он не просто настаивал уменьшить его, но припугнул, что бросит работу над проектом и вообще каким-нибудь образом постарается покинуть страну и возобновить свои исследования по минимизации за границей, если мы не минимизируем его до гораздо меньших размеров, чем Конева. У нас не было выбора. Представляете,

вы, называясь ученым-нейрофизиком, устоите перед такой возможностью?

— Да. Устою. Запросто. Я отказываюсь...

Баранова все же не хотела сдаваться:

— Но у нас ваше программное обеспечение! Ваша драгоценная программа! Она у вас была с собой когда вас доставили сюда. На борту будет компьютер такой же модели, как и в вашей лаборатории. отправимся мы туда ненадолго. Мы все подвергаем такой же опасности, как и вы. Вы произведете свой анализ при помощи компьютера, зафиксируете свои сенсационные открытия, после этого нас сразу деминимизируют, и ваша миссия на этом закончится! Скажите, что вы поможете нам! Скажите же, вы согласны!

Моррисон, сжав кулаки, упрямо повторил:

— Я не помогу вам. Я не согласен.

Баранова печально вздохнула:

— Сожалею, Альберт, но такой ответ нас устраивает. Мы не принимаем его...

24.

Моррисон снова ощутил участившееся сердцебиение. Ситуация стала напоминать откровенное столкновение их позиций и характеров. Он вовсе не был уверен, что сумеет противостоять женщине, которая несмотря на кажущуюся мягкость, была прочно легированной стали. Более того, за нею сейчас стояла вся мощь советского аппарата. Он же был оди-

Однако сам бросился вперед с отчаянием погибающего:

— Я уверен, вы понимаете, что все это не более чем раздутая романтическая фантазия. Откуда вам известно о взаимосвязи между постоянной Планка и скоростью света? Все, чем вы располагаете, — это утверждения Шاپирова. А вы уверены в их правильности? Он знакомил вас с деталями? Представлял доказательства? Обоснования? Математический анализ... Это всего лишь голословные утверждения, своего рода размышления. Не правда ли?

Моррисон всюду старался, чтобы его аргументы звучали убедительно. В любом случае, если бы Шاپиров сообщил им нечто уникальное, они не стали бы теперь предпринимать эту авантюру с копанием в его мозгах. Он отдышался, приготовившись услышать ответ.

Бросив взгляд на Коневу, Баранова ответила как бы нехотя:

— Мы продолжаем следовать принятым на себя обязательствам, говорить прямо и откровенно. У нас нет ничего, кроме нескольких высказываний Шاپирова, как вы и сами догадались. Он обожал держать свои мысли при себе до тех пор, пока у него не появится полное представление о чем-либо. И тогда уж он обрушивал на нас поток информации со всеми выкладками. В этом отношении Шاپиров был даже ребячлив. Возможно, из-за своей эксцентричности — или гениальности... Или из-за того и другого.

— Так как же, при всем этом, вы беретесь

утверждать, что его предположение имеет под собой какие-то основания?

— Если академик Шапиров говорил: «Чувствую, что здесь будет так и так», то его предположения обычно всегда подтверждались.

— Сомневаюсь. Так уж и всегда?

— Почти всегда.

— А, «почти»... Может, это и есть как раз тот самый случай?

— Я готова и это допустить. Может, это и так...

— Кроме того, даже если его предположение и имеет под собой основания, где уверенность в том, что оно не было локализовано именно в разрушенной части мозга?

— Да, и это звучит убедительно.

— Или же... Мысли его находятся в нетронutom состоянии, но где гарантия, что мне удастся их интерпретировать?

— И это тоже возможно.

— Следовательно, дело обстоит таким образом: во-первых, предположение Шапирова может оказаться просто ошибочным, во-вторых, оно может оказаться вне пределов досягаемости, или же, наконец, мне удастся его интерпретировать. С учетом всего этого, каковы наши шансы? И неужели нам следует подвергать свою жизнь опасности, будучи заранее обреченными на неудачу?

— Если подойти ко всему, сказанному вами, объективно, — ответила Баранова, — то, действительно, шансы очень незначительны. Но если же мы

не предпримем вообще ничего, не подвергая себя риску, то шансы наши будут равняться нулю. Голому нулю. Если же рискнем и пойдем на эксперимент, то шансов на успех тоже немного... Но это все же не ноль. При сложившихся обстоятельствах надо рисковать. Даже при единственном утешении — мизерной надежде на успех.

— Что касается меня, — не сдавался Моррисон, — то я считаю: риск слишком велик, а шансы на успех слишком малы.

Баранова положила руку на плечо Моррисона:

— Уверена, это не окончательное ваше решение.

— А я уверен в обратном.

— Подумайте хорошенько. Подумайте, что это значит для Советского Союза. Подумайте о пользе для вашей собственной страны, которая будет вам потом признательна. Подумайте о глобальной науке и о вашей собственной славе и репутации. Все говорит «за». «Против» — только ваши страхи. Они, конечно, понятны, но все великие достижения в этой жизни происходили через преодоление страха.

— Ваши размышления не изменят моего решения.

— В любом случае, вы еще можете подумать до утра. А это — целых пятнадцать часов. Но большего мы вам предоставить не можем. Балансировать между страхами и надеждами и не решаться на риск можно всю жизнь, а нам, к сожалению, дорога каждая минута.

Бедняга Шапиров в коме может протянуть еще лет

десять, но где уверенность, что нужные нам идеи продержатся в уцелевшей части его мозга?

— Я не могу и не хочу брать на себя решение ваших проблем.

Баранова будто не слышала его. Она продолжала увещевать своим неизменно ласковым голосом:

— Мы сейчас не будем вас больше уговаривать. Вы расслабитесь, пообедайте. Если хотите, можете посмотреть наши головизионные программы, полистать наши книги, подумать, поспать... Аркадий проводит вас до отеля. И если у вас возникнут еще какие-нибудь вопросы, он на них тут же ответит.

Моррисон кивнул.

— Но, помните, Альберт, завтра утром мы ждем вашего решения.

— Можете получить его и сейчас. Оно не изменится.

— Так не пойдет. Вы должны будете сказать, что последуете с нами и поможете нам. Подумайте, как вам прийти к такому решению — а вы должны к нему прийти... И всем нам будет легче, если вы сделаете это добровольно и с радостью...

25.

Обед прошел в покое и размышлениях, но Моррисон обнаружил, что не наелся, да и аппетит у него пропал. Дежнев, казалось, наоборот, никогда не страдал отсутствием аппетита. Его компаньон энер-

гично поглощал пищу, непрестанно при этом балагурия.

Героем всех баек был его отец. Дежнев наслаждался тем, что может пересказывать их перед новым слушателем.

Моррисон рассеянно улыбнулся одной или двум его шуткам, но не от того, что оценил их, а просто в «ударных» моментах Дежнев срывался на крик.

Их обслуживала Валерия Палерон, накрывавшая на стол и во время завтрака. Выходило, что она здесь работала целый день: или за дополнительную плату, или таков был ее график. Каждый раз, подходя к столику, она бросала на Дежнева сердитые взгляды (равнодушно отметил про себя Моррисон), возможно, потому, что не одобряла его историй, которые отдавали неуважением к советскому режиму.

Не особенно вдохновляли Моррисона и собственные мысли. Теперь, когда он, казалось, решил и нашел возможность выбраться из Грота, из Малграда и вообще из Союза, он испытывал даже некоторое разочарование, что не увидит и не узнает продолжения событий. Он вдруг непроизвольно поймал себя на мыслях о минимизации, ее использовании для доказательства его собственных теорий, о победе над этими ограниченными дураками, которые наконец-то отстали от него.

Он вдруг понял, что из всех аргументов Барановой его тронул только личностный. Все ссылки на великие цели науки, на пользу для человечества или только для русских, все это пустая риторика. Для

него имело значение только его собственное место в науке. Все его помыслы были только об этом.

Когда официантка вновь проходила мимо их столика, он решил спросить:

— Сколько же времени вы проводите на работе, девушка?

Официантка окинула его недобрый взглядом:

— Да вот, приходится торчать здесь до тех пор, пока такие великие графья, как вы, не позволят покинуть заведение.

— Не спешите, — проговорил Дежнев, опустошая стакан. Его речь стала слащавой, а лицо покраснелось. — Мне так нравится товарищ официантка, что, кажется, мог бы сидеть здесь столько, сколько Волга будет течь, только бы ее лицезреть.

— Глаза б мои вас не видели, — пробормотала Палерон.

Моррисон, наполнив стакан Дежнева, поинтересовался:

— Что вы думаете о мадам Барановой?

Дежнев, посмотрев осоловело на стакан, решил пока до него не дотрагиваться. Пытаясь придать голосу серьезность, он проговорил слегка заплетающимся языком:

— Не хватает звезд с неба, как говорят, но отличный админис... министратор. Жесткая, быстро принимает решения и совершенно неподку... подкупная. Прямо гвоздь в заднице, я бы сказал. Если администратор непод... дьявольски честен, то это слишком усложняет жизнь в мелочах. Шапиров бо-

готворит ее, а она считает его неподкуп... нет, непостижи... нет, непостижимым. Вот.

Моррисон не совсем понял последнее слово:

— Вы имеете в виду, что он всегда прав?

— Именно. Если он намекнул, что знает, как удешевить процесс минимизации, то она уже уверена в окончательном результате. Так же, впрочем, как и Юрий Конев. Это еще один из боготворителей. Но в мозг Шапирова вас посылает именно Бара... Баранова. Так или иначе, но она добьется своего. У нее есть различные способы. Что касается Юрия, этого маленького соплика, он — единственный настоящий ученый в группе. И блестящий ученый.

Дежнев важно кивнул и осторожно маленькими глотками стал вливать в себя очередную порцию.

— Меня интересует Конев, — сказал Моррисон, глядя на руку Дежнева со стаканом, — и эта девушка. Софья Калныня.

Дежнев бросил на него хитрый взгляд:

— Лакомый кусочек.

И добавил, печально качая головой:

— Но совершенно без чувства юмора.

— Она замужем, по-моему?

Дежнев вдруг решительно затряс головой, что в данный момент показалось нелепым.

— Нет, нет.

— Она сказала, что у нее есть ребенок.

— Да, крошечная девочка. Но ведь беременеют не от записи в брачной книге. Эти эксперименты про-

водятся в постели, без различия — замужем вы или нет.

— И как это расценивается вашим пуританским правительством?

— Оно не одобряет подобного, но думаю, что его одобрения никто никогда и не спрашивает.

Он расхохотался:

— Кроме того, как ученая из Малграда, она пользуется особыми привилегиями. Правительство относится к нам несколько иначе.

— Меня удивляет, — продолжал Моррисон, — что Софья так интересуется Коневым.

— Вы это тоже заметили? А вы проницательны. Она проявляет такой интерес, что сразу становится понятным, что ее ребенок появился в результате их совместного сотрудничества с Юрием, после тех самых экспериментов в постели, о которых я уже упоминал.

— О-о?

— Но он ведь это отрицает. И уж больно решительно. Ситуация довольно комичная и одновременно печальная. При том, что он вынужден работать вместе с ней. Никого нельзя теперь вывести из проекта, поэтому ему остается только делать вид, что ее не существует.

— Я заметил, что он никогда даже не смотрит в ее сторону, но ведь когда-то они, должно быть, очень дружили.

— Дружили... глядя на нее, можно в такое поверить? Если это и было, то они, видимо, сильно это

скрывали. Да и какая разница? Он только ей и нужен. Зарплата у нее высокая. А в детском центре с любовью заботятся о ее дочери, пока она на работе. Для нее это все только область чувств.

— Что же могло их поссорить?

— Кто знает? Любовники всегда воспринимают свои ссоры всерьез. Я никогда не позволял себе влюбляться... в возвышенном смысле. Если девчонка нравится, я с ней позабавлюсь. Если она мне надоест, я с ней расстанусь. Фортуна мне пока улыбалась: все женщины, с которыми я до сих пор имел дело, праг... прагматичны. Хорошее слово, да? Как и я, они не ссорились из-за пустяков. Как бывало говаривал мой папаша: «Женщина, избегающая ссор, лишена недостатков». Иногда, правда, я надоедал им раньше, чем они мне... ну если и так, то что? Если она от меня устала, значит, не так уж она и хороша. Ну и ради бога, кругом полно других!

— Подозреваю, что и Юрий придерживается таких же взглядов.

Дежнев справился с остатками стакана, но отвел руку Моррисона, пытавшегося наполнить его снова.

— Достаточно! Достаточно!

— Достаточно не бывает никогда, — спокойно возразил Моррисон. — Вы рассказывали о Юрии...

— А что тут рассказывать? Он не тот человек, который перелетает от женщины к женщине, но я слышал...

Дежнев взглянул на Моррисона мутными глазами:

— Ну, знаете... Откуда слухи — один сказал

другому, а тот — еще кому-то. А кто потом разберет, вылетело ли из трубы то, что сначала туда влетело? Так вот, ходят слухи, что когда Юрий был в Штатах, получал там ваше западное образование, то познакомился с американкой. В его сердце вошла La Belle Americaine и вытеснила оттуда бедную советскую Софью. Возможно, все дело в этом. И он вернулся оттуда другим и, возможно, до сих пор еще мечтает о потерянной заокеанской любви.

— Не поэтому ли Софье так ненавистны американцы?

Дежнев снова поднял стакан с водкой и сделал небольшой глоток.

— Наша Софья, — сказал он, — всегда не любила американцев. Ничего в этом удивительного нет.

Он наклонился к Моррисону, обдав его ядреным запахом водки.

— Американцы не те, кого следует любить, не в обиду будь сказано...

— Я и не обижаюсь, — заметил Моррисон спокойно, наблюдая, как голова Дежнева клонится все ниже, пока не замерла на согнутой правой руке. Его дыхание становилось все более хриплым.

Моррисон смотрел на него с минуту, а потом махнул официантке.

Она тотчас же подошла, покачивая роскошными бедрами. И глядя на бесчувственного Дежнева, не могла удержать презрительной усмешки:

— Не желаете ли вы, чтобы я пригнала сюда

подъемник и с его помощью перенесла нашего принца в кровать?

— Пока не стоит, мисс Палерон. Вы знаете, что я американец?

— Все здесь об этом знают. Вы еще и трех слов не успели сказать, а все столики и стулья в этой комнате переглянулись и, кивнув друг другу, проговорили: «Американец».

Моррисон поморщился. Он всегда гордился своим чистым русским говором, и вот уже во второй раз женщина посмеялась над этим.

— В любом случае, — продолжил он, — меня доставили сюда силой, против воли. Я уверен, что советское правительство ничего не знает, иначе бы не одобрило их действий и предотвратило бы эту провокацию. Эти люди — и прежде всего доктор Баранова, которую вы называли Царицей, — действовали на свой страх и риск. В правительстве должны узнать об этом. И я не сомневаюсь, что сразу же после этого меня вернут в Штаты во избежание международного скандала, который вряд ли кому-нибудь нужен. Вы со мной согласны?

Официантка, уперев руки в бока, проговорила:

— И какое же это кому дело: здесь ли, в Штатах ли, согласна я или нет? Я что — дипломат? Я что — возродившая дух царя Петра, великого Поддавалы?

— Вы можете, — нерешительно попросил Моррисон, — сообщить об этом своему правительству как можно быстрее?

— И что это ты себе навывдумывал, американец? Что стоит мне рассказать об этом своему любовнику из Президиума, как все тут же по-твоему желанию уладится? Какие у меня могут быть дела с правительством? И кроме того, говорю вам со всей серьезностью, товарищ иностранец: я вовсе не желаю, чтобы вы разговаривали со мной в такой манере. Сколько прекрасных, преданных наших граждан были безнадежно скомпрометированы иностранными пустобрехами! Естественно, я доложу сейчас же товарищу Барановой, и уж она проследит, чтобы вы не оскорбляли больше меня таким же манером.

Она бросилась прочь с видом мегеры. Моррисон со страхом смотрел ей вслед. И вдруг... он просто подпрыгнул от изумления и неожиданности: у самого уха он услышал голос Дежнева:

— Альберт, Альберт... Ну, вы получили, мой малыш?

Дежнев приподнял голову. Глаза его выдавали чуть краснотой, но голос звучал вполне трезво.

— А я все удивлялся: вы так торопились наполнить мой стакан, чтобы я, значит, перебрал и отрубился. Это, конечно, интересная мысль.

— Так вы не пьяны? — удивился, в свою очередь, Моррисон.

— Ну, конечно, приходилось бывать и потрезвее, — заметил Дежнев, — но голова у меня абсолютно ясная. Вы, трезвенники, имеее несколько извращенное представление о том, сколько может выпить

закаленный советский человек. И здесь для вас, трезвенников, скрыта главная опасность.

Моррисон еще никак не мог поверить, что его попытка наладить контакт с официанткой провалилась:

— Вы же говорили, что она — сотрудница разведки.

— Я? — Дежнев пожал плечами. — Возможно, предположил это, но такие предположения чаще всего оказываются ошибочными. Кроме того, меня она знает лучше, чем вы, мой миленький. И не питает иллюзий относительно моих возможностей. Ставлю десять рублей против копейки: она знала, что я слушаю во все уши. И что вы ожидали от нее услышать-вообще?

— Ну-у... — перевел дыхание Моррисон, — она должна все-таки проинформировать ваше правительство о моей ситуации. А оно во избежание международного скандала должно освободить меня, возможно, даже извинившись. А вам придется потом долго объясняться. Поэтому вам лучше не дожидаться указаний свыше, а самим освободить меня и отправить в Штаты.

Дежнев расхохотался:

— Вы только зря тратите слова, мой разумный интриган. У вас слишком романтические представления о нашем правительстве. Возможно, они и захотят отправить вас когда-нибудь, но все же, несмотря на вероятные осложнения, не раньше, чем вы будете минимизированы и...

— Не могу поверить, что власти знают о моем похищении и ничего не предпринимают!

— Может, они и не знают... Будут потом скрежещать зубами. Ну и что? Правительство вложило в проект слишком много денег, чтобы позволить вам просто так отъехать, не окупив всех потраченных средств. До вас дошло? Вы не находите, что это логично?

— Не нахожу. Потому что не собираюсь помогать вам.

Моррисон снова почувствовал неуверенность в себе.

— Я не могу себе позволить быть минимизированным.

— Ну, это будет решать Наташа. В конце концов, это может взбесить ее, и она утратит к вам всякую жалость. Вы осознаете, что своим несогласием можете навлечь на всех участников проекта немилость со стороны правительства? Некоторым после провала, возможно, придется и совсем уйти, если не хуже. И это — плата за нашу доброту и откровенность?

— Вы украли меня.

— Но даже это мы сделали по-доброму и осторожно. Вам причинили боль? С вами невежливо обращались? А вы всячески вредите нам. Наталья вам за это оплатит.

— Как? Насилием? Пытками? Наркотиками?

Дежнев закатил глаза:

— Вы плохо ее знаете. Она на такое не пойдет. Я запросто, а вот она не может. У нее ведь такое

нежное сердце, как и у вас, мой несчастный Альберт. Но она сумеет вас заставить.

— Да? Но как?

— Не знаю. Я никогда не мог понять, как это ей удастся. Но она добивается своего. Сами увидите.

Улыбка Дежнева напоминала волчий оскал. И увидев эту улыбку, Моррисон понял: спасения нет.

26.

На следующее утро Моррисон и Дежнев вернулись в Грот. Они вошли в огромный, освещенный сверху, кабинет без окон. Здесь Моррисону бывать не приходилось. Одно было ясно: это не кабинет Барановой, поскольку слишком тяжелое впечатление он производил, как всякое просторное помещение без мебели.

За массивным столом сидела Баранова. На стене, за ее спиной висел портрет Советского Генерального, сурово глядящего в пространство. В углу слева стоял водоохладитель, справа — шкафчик для микрофильмов. На столе кроме небольшого диктофона ничего не было. Проще говоря, комната выглядела совершенно пустой.

Входя, Дежнев начал:

— Вот, привел. Этот шалун пытался вчера завербовать красотку Палерон. И с ее помощью и за нашей спиной плести интриги с советским правительством.

— Да, я получила докладную, — Баранова спокойно показала бумажку.

— Пожалуйста, оставь нас одних, Аркадий. Хочу поговорить с профессором Альбертом Моррисоном наедине.

— А это не опасно, Наташа?

— Думаю, нет. Альберт, по-моему, не похож на насильника. Я права, Альберт?

Моррисон не произнес за это утро еще ни одного слова.

— Давайте прекратим эти игры, — поморщился он. — Что вы от меня хотите?

Баранова властным жестом указала Дежневу на дверь. Тот вышел. Когда дверь за ним закрылась, она ответила:

— Зачем вы это сделали? Почему пытались войти с ней в контакт? Считаете ее секретным агентом, присматривающим за нами? Неужели мы так плохо с вами обращались?

— Да, — зло ответил Моррисон, — плохо. Неужели кому-то может понравиться, когда его крадут и тайно увозят в Советский Союз? С чего бы вам ждать от меня за это благодарности? Благодарить за то, что не проломили мне при этом голову? А возможно, вы бы так и поступили, если бы моя голова не была вам нужна целой.

— Да, в таком случае мы не стали бы вас трогать. Нам необходима именно ваша голова. В целости и сохранности. И вы это прекрасно знаете. И вы прекрасно понимаете, какая нужда движет нами. Мы

объяснили вам все предельно ясно, и если бы вы просто попытались отказаться, то я бы вас поняла. Но организованное таким образом бегство могло бы нанести непоправимый ущерб нашему проекту и навредило бы всем нам лично. Вы надеетесь, что правительству не известно обо всем и ваше сообщение напугает его? Даже если это было так, что, вы думаете, с нами бы сделали?

Моррисон, крепко сжав губы, угрюмо смотрел на Баранову.

— Я не смог найти никакого иного способа бегства. Вы говорите, вами движет нужда. Мною тоже.

— Альберт, мы испытали все возможные способы убеждения. Мы не применяли силу, не угрожали вам, не делали вам ничего неприятного. Разве я говорю неправду?

— Наверное.

— Наверное? Но ведь это действительно так. Но ничто не помогло. Вы отказываетесь помочь нам.

— Да, отказываюсь. И собираюсь продолжать отказываться.

— Тогда против своего желания я вынуждена предпринять следующий шаг.

Страх шевельнулся в груди у Моррисона, бешено заколотилось сердце. Собрав силы, он постарался проговорить как можно более вызывающе:

— Это какой же?

— Вы хотите домой, назад в Америку. Если все наши доводы окажутся недостаточны, вы вернетесь.

— Вы это серьезно?

— А вы удивлены?

— Да, удивлен, но я принимаю ваши условия и ловлю вас на слове. Так когда же я смогу улететь?

— Как только договоримся о том, что мы расскажем остальному миру об этой истории.

— В чем проблема? Расскажите правду.

— Это будет несколько затруднительно, Альберт. Мы поставим в одно неловкое положение наше правительство, которому придется отрицать свою причастность к этому делу. Мне предстоит потом серьезные неприятности. И неразумно с вашей стороны предполагать, что я пойду на такое.

— Какую же легенду выдумаете вы?

— Что вы прибыли сюда, к нам, по своей воле, из желания помочь нам в осуществлении проекта.

Моррисон неистово замотал головой:

— Мне это принесет такие же неприятности, как и вам признание в моем похищении. Возможно, времена сейчас и новые, но старые привычки живучи в сердцах американского обывателя. И американская общественность с большим недоверием отнесется к американскому ученому, отправившемуся на помощь Советскому Союзу. Старая конкуренция сохраняется, и мне боязно за свою репутацию.

— То, что вы сказали, не лишено логики, — согласилась Баранова, — но, с моей точки зрения, пусть уж лучше проблемы будут у вас, а не у меня.

— Ну, этого-то я не допущу... Неужели вы пред-

полагаете, что это удержит меня и я не выложу всей правды с мельчайшими подробностями?

— Альберт, — спокойно заметила Баранова, — неужели вы думаете, что кто-то вам поверит?

— Конечно. Американскому правительству известно, что вы уже просили меня приехать в Союз, но я отказался. И поэтому вам пришлось меня выкрасть.

— Боюсь, что такой расклад не устроит американское правительство. Неужели оно признает, что советским спецслужбам удалось утащить американца из комфортабельного номера отеля, провести его через полмира, в то время как силы американской безопасности совершенно об этом не ведали? Учитывая современную техническую оснащенность, которой вы так гордитесь, кое у кого могут зародиться подозрения в некомпетентности или предательстве каких-то подразделений разведки. Думаю, что американское правительство предпочтет согласиться с вашим «добровольным» приездом в Союз. Кроме того, оно ведь и вправду *хотело*, чтобы вы добровольно съездили в Союз, не так ли?

Моррисон промолчал.

А Баранова продолжала:

— Именно хотело. Они хотели, чтобы вы как можно больше узнали о минимизации. А вы собираетесь поведать, что отказались принять участие в эксперименте. Вы сможете доложить только об эксперименте с кроликом, который они сочтут обычным мошенничеством с нашей стороны. И решат, что мы просто ловко вас провели. А вы, таким образом, не

смогли выполнить их задание. И посчитают, что вовсе не обязаны вас выручать.

Моррисон подумал и сказал:

— Вы действительно собираетесь выставить меня шпионом и предателем? В этом и заключается ваш «следующий шаг»?

— Не совсем, Альберт. Мы честно расскажем все, что можем. В действительности, нам бы хотелось *защитить* вас, несмотря на то, что вы не сделали никаких встречных шагов, чтобы обезопасить нас. Мы объясним всем, что наш великий ученый Петр Шапиров находится в коме, что незадолго до этого несчастья он высоко оценивал ваши нейрофизические теории. После этого мы позвонили вам и попросили, на основе ваших исследований, попытаться вывести его из этого состояния. Вы не станете возражать против этого? И вы будете выглядеть в глазах мировой общественности, как великий гуманист. Ваше правительство, в свою очередь, постарается закрепить свое мнение о вас. Это спасет их от скандала, так же как, впрочем, и наше правительство. И все это будет почти правдой.

— А что вы будете говорить о минимизации?

— Здесь нам придется избегать честных признаний. Мы просто не станем о ней упоминать.

— Но как вы удержите от честных заявлений меня?

— А мы и не станем. Вам просто никто не поверит. Вы сами не допускали возможность минимизации до тех пор, пока не увидели все своими

глазами. А вашему правительству также не хочется распространяться о достижениях Советского Союза в этой области. Они не станут будоражить американскую общественность, пока не получат неопровержимых доказательств. А еще лучше, если и сами добьются к тому времени определенных успехов в этом вопросе. Теперь о вас, Альберт. Мы придумаем для вас безобидную легенду. В ней ни слова не будет о минимизации. Это позволит избежать неприятностей и вашей стране и нашей и освободит вас от всяких подозрений в предательстве. Вы удовлетворены?

Моррисон в нерешительности смотрел на Баранову, теребя редкие, песочного цвета волосы, пока они не стали торчать во все стороны.

— Но как вы объясните причину, по которой отослали меня назад? Ее ведь тоже придется обосновать. Вы, наверняка, не сможете сказать, что Шапиров выздоровел с моей помощью, пока он действительно не выздоровеет, это ведь придется доказать... Вам также не удастся объявить, что он умер до моего приезда. Да и вообще... До тех пор, пока он действительно не умрет. В противном случае придется объяснять, как он оказался в коме и почему до сих пор в ней находится, или же вышел из нее. Не сможете же вы скрывать сложившуюся ситуацию вечно?

— Это как раз та проблема, которая мучает нас, Альберт. Только такой умный человек, как вы, сумел ее разглядеть. Подумайте, мы отсылаем вас всего через пару дней после вашего приезда. Но почему?

Логика подсказывает единственную причину: вы — шарлатан. Мы возлагали на вас большие надежды. Но, доставив сюда, очень быстро раскусили, что все ваши исследования — чистой воды «липа». Мы горько разочарованы и решили отправить вас назад. Вреда вам от этого большого не будет, Альберт. Быть шарлатаном все же выгоднее, чем шпионом.

— Не играйте в святую невинность, Наталья. Вы не сможете этого сделать.

Моррисон побелел от ярости.

— Но это звучит правдоподобно, не так ли? Ваши научные мэтры не принимают вас всерьез. Они потешаются над вашими идеями. Они согласятся с нами, что все ваши предположения — просто выдумки и шарлатанство. Конечно, нам придется испытать некоторую неловкость за то, что мы оказались такими легковверными и отнесли к вам серьезно. Но ведь это благодаря высокой оценке вас Шапировым. А он — чего мы не могли знать — был на грани удара и полного умственного расстройства. Поэтому вряд ли стоит обвинять его за безумное восхищение вами.

У Моррисона задрожали губы:

— Но вы не смаете выставять меня клоуном! Вы не имеете права подрывать мою репутацию таким образом!

— О какой репутации вы говорите, Альберт? Ваша жена бросила вас. Некоторые думают, что последней каплей, переполнившей чашу ее терпения, была загубленная из-за ваших бредовых идей карьера. Мы

знаем также, что контракт с вами не возобновлен и вам не удалось пока подыскать себе путное место. В любом случае, на вас, как на ученом, поставлен крест. И наша история только подтвердит сложившееся о вас мнение. Возможно, вам удастся найти другой способ существования, не связанный с наукой. Да вам так и так пришлось бы искать его, даже если бы не произошло всего этого. Вот такие-то дела...

— Но ведь вы врете! И прекрасно знаете, что врете, Наталья. Как это сообразуется с вашим кодексом чести? Может ли уважающий себя ученый проделывать такое со своим же братом — ученым?

— Вчера вас не тронули наши абстрактные рассуждения, Альберт. Сегодня ваши оставили меня равнодушной полностью.

— Придет день, и другие ученые докажут правильность моих предположений. Как вы тогда будете себя чувствовать?

— Ну, мы все можем и не дожить до того дня. Вы же прекрасно знаете, как это бывает. Франца Антона Месмера, первооткрывателя гипноза, обозвали мошенником и шарлатаном. Когда потом Джеймс Брайд дал еще одно обоснование гипнозу, то все лавры достались ему. Месмера так и продолжали считать мошенником и шарлатаном. Да и вообще, так ли уж мы не правы, называя вас шарлатаном?

— А вы сомневаетесь?

— Давайте поразмышляем вообще. Почему вы отказываетесь от участия в эксперименте, который помог

бы вам утвердиться в своих исследованиях и расширил бы ваши познания о мозге во всех его аспектах? Причиной такого отказа может служить только ваша же неуверенность в реальности ваших же идей. От них может отказываться только дурак или мошенник. А может быть, вы являетесь и тем и другим одновременно и не хотите, чтобы во время эксперимента мы утвердились в своих подозрениях?

— Не говорите глупостей.

— Неужели вы думаете, мы верим, что вы не хотите минимизироваться просто из страха? Что вы отказываетесь от шанса получить известность, славу и доказательства своей правоты после стольких лет презрения и унижений лишь из-за сиюминутного страха? Разве вам все это к лицу, Альберт? Это лишний раз доказывает: вы — мошенник, и мы без промедления раструбим об этом всему миру.

— Американцы не станут верить советским бредням о соотечественнике-ученом.

— О, Альберт! Они непременно поверят. После того, как мы вас отпустим и объясним что к чему, это обязательно появится во всех американских газетах. Они будут заполнены статьями о вас. У вас же самая предприимчивая пресса в свободном мире. Вы же так любите повторять, что они живут по своим собственным законам. Они так собой гордятся и никогда не упустят момента покрасоваться перед нашей более консервативной прессой. О, они так раздуют эту историю: «Американский жулик надул тупых русских»! Я уже вижу, как ваши газеты пестрят

этими заголовками. А ведь, Альберт, вы можете заработать хорошие деньги, читая лекции на эту тему. Допустим, такие: «Как я уделал этих сопляков». Потом вы перескажете эти нелепицы, в которых пытались нас убедить, пока вас самих не раскусили. И публика будет смеяться до припадков, до иступления...

Моррисон проговорил полупшепотом:

— Наталья, почему вы хотите сделать подобное со мной?

— Я? Разве это я? Вы сами добиваетесь этого. Вы хотите уехать домой. Поскольку нам не удалось убедить вас поверить в минимизацию, нам ничего не остается, как согласиться на ваш отъезд. Ну, а за этим логически следуют все те шаги, которые мы вынуждены будем предпринять.

— Я не могу вернуться домой на таких условиях.

Я — не самоубийца.

— А кого это волнует, Альберт? Равнодушную к вам жену? Ваших детей, которые не хотят больше знать отца и могут даже поменять свою фамилию? Ваш университет, из которого вас выгнали? Ваших коллег, которые потешались над вами? Ваше правительство, которое забыло о вас думать? Наберитесь мужества и признайте, что никому до вас нет дела. Сначала всеобщий хохот страны, а через некоторое время вас оставят в покое и забудут навсегда. А когда вы умрете, вам не напишут некролога. Разве что какая-нибудь заштатная газетенка вытащит на-

последок этот старый анекдот, как последний плевок на вашу могилу.

Моррисон покачал головой и произнес тихо:

— Я не могу поехать домой.

— Но вам придется. Мы не можем оставить вас, коль вы не хотите нам помочь.

— Но я не могу вернуться домой на ваших условиях.

— А что, у вас есть выбор?

Моррисон взглянул на женщину, смотревшую на него с таким участием.

— Наверное, есть, — прошептал он.

Баранова долго смотрела ему в глаза:

— Боюсь ошибиться, Альберт. Выскажите более ясно.

— У меня два пути, не правда ли? Согласиться на минимизацию или на крах собственной жизни.

Баранова вытянула губы:

— Ну зачем же такие крайности? Я бы выразила это по-другому. Или вы еще до обеда соглашаетесь помочь нам, или в два часа дня вас доставляют на борт самолета, вылетающего в США. Что скажете? Сейчас почти одиннадцать. У вас есть час на размышления.

— Зачем? Что может изменить этот час? Я пойду на минимизацию.

— Мы пойдем на минимизацию. Вы будете не один.

Баранова нажала какую-то кнопку в столе. Вошел Дежнев.

— Ну что, Альберт? Судя по твоему унылому виду, сдается мне, ты согласился помочь нам.

Баранова остановила его:

— Обойдемся без твоих комментариев. Альберт поможет нам, и мы будем ему за это благодарны. Он принял решение добровольно.

— Кто в этом сомневается, — заметил Дежнев. — Как ты достала его, не знаю, но я ни минуты не сомневался, что у тебя получится. Должен и тебя поздравить, Альберт. На этот раз она потратила больше времени, чем обычно.

Моррисон смотрел на них пустыми глазами. У него было такое чувство, будто он проглотил целиком сосульку, но она не таяла внутри, а, наоборот, замораживала внутренности. Его всего колотило.

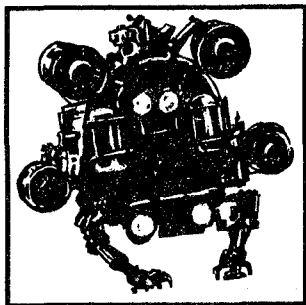
ГЛАВА СЕДЬМАЯ

КОРАБЛЬ

*«Путешествие не сулит никаких опасностей тому,
кто машет платком с берега».*

Дежнев Старший

27.

Хотя во время обеда Моррисон пребывал в каком-то оцепенении, но уже ощутил, что давление на него прекратилось. Он не слышал больше действовавших на психику голосов, энергичных объяснений и доводов, не замечал

навязчивых улыбок и склоненных к нему голов.

Они ясно и деловито дали ему понять, что он не покинет больше Грот до окончания эксперимента. А бежать из Грота было практически невозможно.

Время от времени он ловил себя на одной мысли: «Я действительно согласился на минимизацию!»

Они отвели его в предоставленную ему в Гроте комнату, где он мог просматривать через стереоскоп книги-фильмы, даже на английском языке. Видимо, чтобы какое-то время он мог ощутить близость дома. Он сидел с закрепленным на глазах стереоскопом. Пленка все шла и шла, но мысли его были заняты совершенно другим.

Он действительно согласился на минимизацию!

Ему сказали, что он может заниматься чем угодно, пока за ним не придут. Он может делать все, что захочет, кроме ухода из Грота. Повсюду расхаживали охранники. Чувство страха, как отметил про себя Моррисон, понемногу исчезало. Это, видимо, следствие его отрешенности от всего окружающего и присутствия всего одной мысли, которая уже начинает терять свой смысл. *Он действительно согласился на минимизацию!* Чем дольше, подобно стуку хронометра, слова звучали в его голове, тем безразличнее становился их смысл. И на его месте образовывался вакуум. Как-то отстраненно до него дошло, что кто-то открыл дверь комнаты. Этот кто-то, подумал он безразлично, пришел за ним. Сняв стереоскоп, он равнодушно поднял глаза. На какую-то секунду в них вспыхнула слабая искра интереса.

Это была Софья Калныня. Она показалась ему красавицей даже при нынешних неопределенных чувствах.

— A good afternoon to you, gentleman,— сказала она по-английски.

Он слегка поморщился: приятнее было бы слы-

шать русский, чем английский с таким кошмарным акцентом.

Он ответил ей сердито:

— Говорите, пожалуйста, по-русски, Софья.

Хотя его русский мог вызвать у нее такую же реакцию, как ее английский, но это мало его волновало. Благодаря им он оказался здесь, и если его несовершенства им неприятны, то это их проблемы.

Слегка пожав плечами, она продолжила уже по-русски:

— Конечно, конечно. Если это доставляет вам удовольствие.

Она посмотрела на него задумчиво. Он совершенно спокойно встретил ее взгляд. В этот момент его мало интересовало все окружающее. И она волновала ровно настолько, насколько все остальные предметы в комнате. И вовсе не казалась красавицей.

— Вы, кажется, согласились пуститься с нами в это «плавание»? — спросила, наконец, Софья.

— Согласился.

— Вот и хорошо. Мы все вам благодарны. Если честно, я не думала, что вы пойдете на это. Вы — американец... Теперь хочу извиниться.

Моррисон проговорил со сдержанной злостью, переходящей в интонацию раскаяния:

— Я не добровольно. Меня уговорил эксперт.

— Наталья Баранова?

Моррисон кивнул.

— О, это она умеет, — заметила Калныня. — Не

всегда по-доброму, но своего добивается. Меня тоже пришлось когда-то убеждать.

— Почему? — спросил Моррисон.

— По другой причине, очень для меня важной.

— В самом деле? И что это за причина?

— Это совершенно неважно для вас.

В комнате повисла напряженная пауза.

— Пойдемте, мне приказали показать вам корабль, — сказала Калныня.

— Корабль? Так вы это уже давно планировали? И у вас было время на его постройку?

— Не пугайтесь, не для изучения мозга Шапирова изнутри. Все совсем не так. Корабль предназначался для других, более простых целей, но им единственным мы можем сейчас воспользоваться. Пойдемте, Альберт. Наталья считает, что вы поступите мудро, если прямо сейчас познакомитесь с кораблем, почувствуете его изнутри. Возможно, вполне земное назначение этого аппарата примирит вас с поставленной задачей.

Моррисон откинулся на спинку стула.

— Зачем мне его сейчас видеть? Неужели нельзя дать время свыкнуться сначала с мыслью о предстоящем?

— Но это же глупо, Альберт. Чем дольше вы будете сидеть в этой комнате и предаваться мрачным размышлениям, тем больше будете чувствовать неуверенность. Кроме того, у нас совсем не осталось времени. Как долго еще мы можем наблюдать разрушение организма Шапирова и позволять постепен-

но отмирать его мозгу и мыслям? Корабль должен отправиться в «путешествие» завтра утром.

— Завтра утром, — пробормотал Моррисон. В горле у него пересохло. Он глупо уставился на часы.

— У вас еще достаточно времени, но теперь мы будем вести для вас обратный отсчет, поэтому вовсе не обязательно смотреть на часы. Завтра корабль войдет в тело. И вы будете на его борту.

Она вдруг, без предупреждения, залепила ему пощечину. А потом сказала:

— У вас глаза начали закатываться. Вы что, хотели упасть в обморок?

Моррисон потер щеку, морщась от боли.

— Ничего я не хотел, — пробормотал он. — Но вполне мог лишиться чувств. Неужели вы не знаете более осторожного способа сообщения новостей?

— А неужели это вас шокировало после того, как вы сами дали согласие на минимизацию, прекрасно понимая, что времени у нас в обрез? — Она решительно повела рукой. — Ну, а теперь пойдете.

И Моррисон, продолжая потирать щеку, кипя от ярости и унижения, последовал за ней.

28.

Они снова оказались в зоне. Здесь кипела работа. Каждый был занят своим делом, не обращая внимания на работающего рядом. Калныня шествовала гордо, как бы в ореоле аристократизма. Такая по-

ходка появляется автоматически, если человек пользуется всеобщим уважением.

Она обращала на себя внимание произвольно. Моррисон замечал (не отнимая руку от щеки, которая все еще горела), что все, кто встречался на их пути, почтительно опускали головы и делали шаг в сторону, чтобы даже случайно не задеть ее платья. Моррисона, наоборот, как будто не замечали.

Они шли все дальше и дальше, из одной комнаты в другую, и везде его преследовало ощущение рвущейся наружу энергии.

Калныня, по-видимому, испытывала сходное чувство. К тому же, она ориентировалась в происходящем, поэтому и прошептала Моррисону с явной гордостью:

— Вся энергия, используемая здесь, поступает с космической солнечной станции...

А потом они оказались там. Моррисон не сразу понял, что это именно то, к чему они шли. Они стояли в небольшой комнате. Находившийся здесь объект не впечатлил его своими размерами. Но Моррисон сразу понял, что перед ним произведение искусства, чудо технической мысли. Это был обтекаемый аппарат, размерами чуть больше автомобиля, но короче вытянутого лимузина, хотя и выше. Но самое любопытное — он был прозрачным!

Моррисону тут же захотелось подойти и потрогать его. Поверхность корабля не была холодной. Гладкая и как будто влажная на ощупь, она при этом оставалась совершенно сухой. Он повел еще раз

кончиками пальцев по поверхности. Она показалась слегка липкой, но пальцы не оставили на ней никаких следов. Поддавшись искушению, он даже подышал на нее. Образовавшееся влажное пятно быстро исчезло.

— Это пластик, — заметила Калныня, — но я не знаю составляющих материала. Знаю только, что он прочнее стали, плотнее и с повышенными противударными качествами на единицу массы.

— Наверно, на единицу веса? — поправил ее Моррисон, любопытство исследователя оттеснило на время тревогу. — Но пластмасса такой же плотности, как сталь, не может обладать такой же прочностью. Исходя из разницы объема.

— Вы правы. Но там, куда мы отправляемся, — улыбнулась Калныня, — не будет разницы в давлении внутри и снаружи. Там не будет метеоритов и даже космической пыли, от которой надо защищаться. Мы просто будем двигаться сквозь мягкое клеточное вещество. И этот прозрачный материал — вполне подходящая защита. Он такой легкий, что, если попробовать, можно легко его поднять. А это в нашем случае самое важное. Как вы понимаете, мы должны снизить массу до минимума. Ведь каждый лишний килограмм во время минимизации требует дополнительного количества энергии и выделяет большее количество тепла при деминимизации.

— А сколько человек он вмещает? — поинтересовался Моррисон, заглядывая внутрь.

— Он кажется очень компактным, но рассчитан

на шестерых. Нас будет пятеро. Кроме того, в кабине размещено неслыханное количество разных приспособлений. Конечно, нам хотелось бы иметь больше. В наши первоначальные планы входило... Впрочем, что мы можем поделать? Вечно должны экономить. Даже там, где это недопустимо.

Моррисон воскликнул, охваченный новым порывом беспокойства:

— И на чем же вам пришлось сэкономить? Будет ли в нем все соответствовать заданным параметрам?

— Уверяю вас, что все в порядке.

Ее лицо пылало. Расставшись на время со своей постоянно неприступной меланхолией, Калныня выглядела обворожительно.

— Все проверялось неисчислимое количество раз и в отдельности, и в системе. Невозможно, конечно, свести риск до абсолютного нуля, но мы надеемся, что нам удалось приблизиться к нулю. И в этом корабле нет фактически ни одной металлической детали. Все внутренние приспособления, включая микропроцессоры, световоды и соединения Мануильского, весят не более пяти килограммов. Поэтому-то нам и удалось сделать его таким компактным. Да и вообще, путешествия в микрокосм длятся всего несколько часов, поэтому нет необходимости оборудовать спальные места, велоэргометры, отсеки для запасов пищи и воздуха. Ничего — кроме простейших отстойников для нужд экипажа и тому подобного.

— Кто будет управлять полетом?

— Аркадий.

— Аркадий Дежнев?

— Чему вы удивляетесь?

— Да, действительно. Полагаю, он достаточно квалифицирован.

— Даже более чем. Он готовил все инженерные разработки, и в своем деле просто гений. Не следует судить о нем по тому, что он говорит. Да вам пришлось это испытать и на себе. Неужели вы думаете, что мы стали бы терпеть его дубовый юмор и чванство, не будь он в чем-то гением? Он проектировал этот аппарат до последней детали. Им придумана дюжина всяческих способов снижения массы. В Штатах, замечу, пока ничего подобного нет.

Моррисон жестко отрезал:

— Мне не представлялось случая узнать, какими аппаратами Штаты располагают, а какими нет.

— Уверена, что таких нет. Дежнев необычный человек еще и потому, что всю жизнь пытается представить себя неотесанным мужланом. Он — потомок Семена Ивановича Дежнева. Полагаю, вы слышали о таком?

Моррисон покачал отрицательно головой.

— В самом деле? — от голоса Калныни повеяло холодом. — Он — единственный известный исследователь времен Петра Великого, обследовавший каждый сантиметр Восточной Сибири и открывший пролив между Сибирью и Северной Америкой за несколько десятилетий до Витуса Беринга, этого датчанина, служившего у русских и открывшего Бе-

рингов пролив. А вы не знаете, кто такой Дежнев! Это вполне по-американски. Зачем о нем знать, раз он не с Запада.

— Не ищите амбиций во всем, Софья. Я не занимался географическими открытиями. Я даже не знаю многих американских исследователей, и вы, думаю, тоже ничего о них не слышали.

Он погрозил ей пальцем, вдруг снова вспомнил о пощечине и потер ушибленное место.

— Вот так-то. Вы придираетесь ко мне из-за не относящихся к делу мелочей, заставляя меня краснеть, а сами злорадствуете.

— Семен Дежнев был великим исследователем, и его никак не назовешь «мелочью».

— Охотно это признаю. Рад, что узнал о нем, и восхищаюсь его достижениями. Но все же не считаю, что моя дремучесть — подходящий повод для советско-американских разногласий. Имейте совесть!

Калныня опустила на секунду глаза. Потом, как бы вспомнив о чем-то, подняла их и посмотрела на его краснеющую щеку. «Может, там синяк?» — подумал Моррисон. Софья решила извиниться.

— Извините, что ударила вас, Альберт. Я слегка не рассчитала, но мне очень не хотелось, чтобы вы упали в обморок. Я тогда чувствовала, что у меня не хватит силы и терпения возиться с бездыханным американцем. Простите за несправедливый гнев.

— Уверен, что вы не хотели ничего плохого, но все же удар мог быть и полегче. Ну что делать, принимаю извинения.

— Тогда прошу в корабль.

Моррисон попытался улыбнуться. В некотором смысле с Калныней общаться было легче, чем с Дежневым, Коневым и тем более Барановой. Симпатичная женщина, довольно молодая, может рассеять тревоги мужчины быстрее, чем любое другое средство. Он пошутил:

— Вы не боитесь, что я там что-либо сломаю.

Калныня задержалась.

— Вообще-то нет. Мне кажется, что вы уважительно относитесь к предмету, предназначенному для научных исследований, и постараетесь не причинить ему никакого вреда. Но хочу, чтобы вы знали, Альберт, и это серьезно, что в Советском Союзе суровые законы. Любое неловкое обращение с приборами приведет в действие систему сигнализации, и через секунду здесь будут все охранники. У нас есть, конечно, санкции и против блюстителей порядка, например, избивающих задержанных. Но вы, понимаете, что они могут в порыве рвения потерять контроль над собой. Так что, пожалуйста, не пытайтесь даже прикасаться к чему-нибудь.

Положив руку на корпус, она, видимо, нажала на какую-то кнопку. Овальная дверь открылась. (Дверь казалась двойной, но была ли она герметичной?)

Вход оказался низким, и Калныне пришлось пригнуться. Она протянула руку Моррисону:

— Осторожнее, Альберт.

Моррисон не только нагнулся, но и протискивался боком.

Оказавшись внутри корабля, он обнаружил, что не может выпрямиться в полный рост. Слегка ударившись головой, в замешательстве посмотрел на потолок.

Калныня заметила:

— Большую часть работы нам придется выполнять сидя, поэтому не думайте о потолке.

— Думаю, страдающие клаустрофобией пришли бы в восторг.

— Надеюсь, вы не страдаете клаустрофобией?

— Нет.

Калныня вздохнула с облегчением:

— Вот и хорошо. Здесь тесновато, но пришлось сэкономить на комфорте. Так о чем вам рассказать?

Моррисон огляделся. В корабле было шесть мест, по два сиденья в ряд. Он сел на ближайшее к двери.

— Оно не слишком-то просторное.

— Да, — согласилась Калныня. — Тяжеловес в нем вряд ли разместится.

Моррисон заметил:

— Очевидно, корабль был построен задолго до того, как Шапиров оказался в коме?

— Вы правы. Мы планировали проводить эксперименты по минимизации живой материи еще долгое время. В этом была необходимость, ведь мы собирались заняться биологическим аспектом минимизации. Естественно, хотели начать работать с животными и наблюдать за изменениями в их системе кровообращения. Для этого и построили корабль. Никто не мог и предположить, что ко времени

первого микропутешествия объектом изучения станет не вообще человек, а сам Шапиров.

Моррисон продолжал изучать корабль. Стены казались голыми. Трудно было различить какие-либо приборы и приспособления, потому что они тоже были прозрачными и располагались на такой же прозрачной поверхности. Кроме того, они уже были как бы минимизированы.

Он продолжал спрашивать:

— Вы сказали, нас на борту будет пятеро: вы, я, Баранова, Конев и Дежнев?

— Так точно.

— И какая у каждого роль?

— Аркадий будет управлять кораблем. Нет сомнения, это его дело. Корабль — детище его ума и рук. Его место впереди слева. Справа от него — другой мужчина, у которого будет точная карта нейропроводящей системы шапировского мозга. Он будет выполнять роль штурмана. Я буду сидеть за Аркадием и контролировать систему улавливания электромагнитных колебаний за пределами корабля.

— Систему улавливания электромагнитных колебаний? А для чего она?

— Дорогой Альберт, вы различаете объекты благодаря отражающемуся от них свету, собака различает предметы по запаху, а молекулы различают друг друга по электромагнитным колебаниям. А поскольку мы собираемся прокладывать путь как минимизированное тело среди молекул, то нам понадобится эта система, чтобы они отнеслись к нам дружелюбно.

— Звучит уж больно сложно.

— Так и есть на самом деле. Я занимаюсь этим всю жизнь. Наталья будет сидеть за мной. На ней функции командира корабля. Она будет принимать решения.

— Решения какого рода?

— Какого только понадобятся. Вы же понимаете, что их нельзя предугадать заранее. Вы будете сидеть справа от меня.

Моррисон приподнялся, пытаясь протолкнуться по узкому проходу возле двери, и откинул для этого одно из кресел. Выходит, он сидел на месте Конева, а теперь перебрался на свое. Сердце его сильно забилося, как только он представил себя на этом месте утром, когда они начнут эксперимент.

Он заговорил, голос его прозвучал глухо:

— Пока только один человек — Юрий Конев — был минимизирован без каких-либо последствий...

— Вы правы.

— А он докладывал, что не испытывал никакого дискомфорта, недомогания или, возможно, умственного расстройства?

— Ни о чем таком он не докладывал.

— А может быть, он вообще не любит жаловаться? Возможно, это казалось ему недостойным героя советской науки?

— Не говорите ерунды. Мы вовсе не герои советской науки. А уж тот, о ком вы говорите, и давно. Мы простые люди, но при этом ученые, и если бы какой-нибудь дискомфорт имел место, он описал бы

его во всех деталях, чтобы при дальнейшем усовершенствовании процесса постараться от него избавиться. Скрывать что-либо настоящему ученому не подобает. Это не согласуется с этикой и, кроме того, опасно. Или вам это, как ученому, не известно?

— Да, но могут быть индивидуальные особенности. Юрий Конев вышел из всего этого невредимым. А Петр Шапиров — нет.

— Индивидуальные особенности здесь ни при чем, — терпеливо возразила Калныня.

— Но ведь мы не можем это однозначно утверждать, не так ли?

— Судите по себе, Альберт. Неужели вы думаете, что мы начнем опыт, не проведя контрольного испытания — без человека и с человеком на борту? Корабль уже минимизировали пустым прошлой ночью. Не намного, конечно, но вполне достаточно, чтобы проверить, что все нормально.

Моррисон попытался рывком подняться:

— В таком случае, Софья, если вы не против, я выйду до того, как вы начнете контрольное испытание с человеком на борту.

— Слишком поздно, Альберт.

— Что?!

— Посмотрите на стены комнаты. Вы не выглядывали отсюда с тех пор, как мы вошли. И это даже хорошо. Но посмотрите сейчас. Подойдите ближе. Стенки прозрачные, а процесс уже завершился. Ну, пожалуйста, посмотрите!

Моррисон подошел к стенке корабля, поражен-

ный: его колени медленно подогнулись и он упал в кресло.

Он поинтересовался, понимая, что вопрос звучит глупо: .

— А стенки корабля не обладают увеличивающим эффектом?

— Конечно, нет. Все, что осталось за бортом корабля — такое же, как и прежде. А вот корабль, я и вы — минимизированы до половины наших обычных размеров...

29.

Моррисон, почувствовав тошноту и головокружение, наклонил голову к коленям, попытался дышать медленно и глубоко. Когда он снова поднял голову, то увидел, что Калныня молча наблюдает за ним. Она стояла в узком проходе, держась за ручку кресла, головой едва не касаясь потолка.

— Вы могли и на этот раз упасть в обморок, — проговорила она. — Но это меня не беспокоит. Нас теперь уже деминимизируют, а это займет гораздо больше времени, чем первая стадия. Если для минимизации надо всего три-четыре минуты, то обратный процесс занимает около часа. Поэтому вам хватит времени, чтобы прийти в себя.

— Не очень порядочно с вашей стороны начать испытание, не предупредив меня об этом, Софья.

— Наоборот, — возразила Софья, — мы поступили гуманно. Вы бы могли войти в корабль легко и

свободно, как вы это сделали, если бы подозревали, что вас подвергнут минимизации? Вы бы осматривали корабль так же спокойно, знай все заранее? И если бы вы вошли сюда, испытывая предубеждение, не развились бы у вас во время процесса различные психогенные симптомы?

Моррисон молчал.

Калныня продолжала:

— Вы что-нибудь чувствовали? Вы даже не понимали, что минимизируетесь.

Моррисон согласно кивнул:

— Да, не понимал.

Затем, устыдившись, добавил:

— Вы ведь тоже впервые пошли на это, да?

— Да. До сегодняшнего дня Конев и Шапиров были единственными людьми.

— И вы не боялись?

— Я бы так не сказала, — ответила она. — Чувствовала беспокойство. И из опыта космических путешествий известно, как вы знаете, что у людей могут быть совершенно разные реакции, когда они попадают в непривычную среду. Например, при силе тяготения, равной нулю, одни астронавты испытывали тошноту и недомогание, а другие — нет. Я тоже не была уверена в своей реакции. А вас тошнило?

— Да нет, пока вы мне не сказали. Так что, думаю, мою реакцию на ваши слова не нужно брать во внимание. А кому же это пришло в голову?

— Наталье.

— Ну, конечно. Не стоило спрашивать, — сухо заметил он.

— На то были причины. Она считает, что во время миниатюризации с вами мог случиться приступ. А нам совсем ни к чему ваша истерика при эксперименте.

— Ну что же, думаю, я заслужил такие слова, — проговорил Моррисон, в смущении отведя глаза. — И поэтому она поручила вам войти со мной в корабль и отвлекать меня во время испытания.

— Нет. Эта идея моя. Она сама хотела пойти с вами. Но будь она сейчас на моем месте, мне кажется, вы вряд ли простили бы этот обман.

— Тогда как с вами я буду чувствовать себя совершенно спокойно?

— Ну, по крайней мере, как вы сами говорите, мне удалось вас отвлечь. Надеюсь, я достаточно молода, и у меня это, видимо, получается. — Затем, с некоторой горечью в голосе она добавила: — С большинством мужчин...

Моррисон посмотрел на нее с язвительным прищуром:

— Вы сказали, я вряд ли бы простил обман...

— Я имела в виду Наталью.

— А почему я должен верить вам? Все, что я вижу, — это увеличенную комнату за бортом корабля. А как вы докажете, что это не иллюзия, сотворенная вами, как убедите в безвредности минимизации лично для меня? Хотя бы для того, чтобы завтра я со спокойной душой вошел вместе с вами в корабль.

— Ну это же просто смешно, Альберт, но я все же приведу доказательства. Мы с вами утратили половину линейных размеров по всем параметрам. Сила наших мускулов изменяется обратно пропорционально их поперечному сечению. Они наполовину уменьшились в ширину и настолько же уменьшилась их плотность. Поэтому теперь их поперечное сечение составляет всего одну четвертую от прежнего, а сила их, вместе с тем, совершенно не изменилась. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Конечно, — раздраженно ответил Моррисон. — Это элементарно.

— Наше тело имеет теперь половину своей высоты, половину в обхвате, и половину своего веса. Поэтому общий объем как по массе, так и по весу — половина от половины половины, то есть — всего одна восьмая от нашего первоначального объема. Так должно быть, если мы действительно минимизированы.

— Да. Это по закону квадратуры куба. И известно еще со времен Галилея.

— Я знаю. Но вы ведь до сих пор об этом не думали. Так вот, если я попытаюсь вас сейчас поднять, то мне придется поднимать всего одну восьмую от вашего обычного веса и придется использовать силу своих мускулов всего на четверть. Мои мускулы относительно вашего веса будут в два раза сильнее, чем были бы, не подвергшись мы минимизации.

С этими словами Калныня подхватила его под

мышки и, слегка выдохнув, подняла. Он завис над сиденьем.

Она продержала его несколько секунд и затем опустила в кресло.

— Не так уж и легко, — проговорила она, отдуваясь, — но я смогла это сделать. Но поскольку вы можете подумать, что эта Софья, возможно, занималась тяжелой атлетикой, то, пожалуйста, проделайте то же самое со мной.

Калныня уселась в кресло перед ним, вытянула руки по швам и повторила:

— Ну, давайте встаньте и поднимите меня.

Моррисон приподнялся и вылез в проход. Сделав шаг вперед, он повернулся лицом к Софье. Стоять было неудобно из-за довольно низкого потолка. С минуту он колебался.

Калныня подбадривала его:

— Ну, возьмите меня под мышки. Не волнуйтесь, я пользуюсь дезодорантом. И не смущайтесь, что вам придется коснуться моей груди. До нее уже не раз дотрагивались. Давайте, я легче вас, а вы сильнее меня. Я же вас подняла, поэтому вам вообще это ничего не будет стоить.

Ему и не стоило. Из-за несколько полусогнутого положения он не мог применить всю силу, но чисто автоматически напрягся так, чтобы поднять вес именно такого размера. И Софья просто взлетела вверх, как пушинка. От обратного эффекта и неожиданности он чуть не выронил ее.

— Ну, вы все еще считаете это иллюзией?

— Верю, верю, — ответил Моррисон. — Но как это произошло? Я не заметил, чтобы вы предпринимали что-нибудь.

— А я ничего и не должна была делать. Испытанием руководят снаружи. На корабле тоже есть кое-какие приспособления для минимизации, но у меня не было необходимости ими пользоваться. Этим занимается Наталья.

— И деминимизацией управляют оттуда же?

— Да, вы правы.

— А если этот процесс слегка нарушится? Нашему мозгу будет причинен такой же ущерб, как и мозгу Шапирова, а то и хуже?

— В реальности это мало вероятно, — проговорила Калныня, вытягивая ноги в проход, — и нет никакой надобности все время думать о худшем. Почему бы вам не расслабиться и не закрыть глаза?

Но Моррисон продолжал:

— Но ведь неполадки возможны?

— Конечно, возможны. Все что угодно возможно. Через две минуты гору, в которой находится наш центр, может расплющить метеорит. Эта комната может взорваться вместе с нами и нашим кораблем. И весь проект в несколько секунд полетит в тартарары. Но это вовсе не обязательно должно произойти.

Моррисон обхватил голову руками. Он все тревожился: если корабль начнет нагреваться, ощутит он ожоги или не ощутит, прежде чем сварится белковая масса его мозга?

30.

Прошло добрых полчаса, прежде чем Моррисон убедился, что предметы за пределами корабля действительно как бы сжались и заметно уменьшились до своих нормальных размеров.

Моррисон первым нарушил молчание:

— Я думаю вот о каком парадоксе.

— О каком же? — поинтересовалась Калныня, сдерживая зевоту. Она явно последовала собственному совету о целесообразности релаксации.

— В то время когда мы как бы усыхали, окружающие нас за пределами корабля предметы будто бы увеличивались. Не кажется ли вам, что длина световых волн тоже должна увеличиваться вне корабля? Разве мы не должны были видеть окружающее в инфракрасном излучении, поскольку ультрафиолетовое излучение не может расширяться до таких пределов и визуально подменять более короткие световые волны?

Калныня ответила:

— Если бы мы могли видеть эти самые волны вне корабля, то они действительно были бы того самого цвета, о котором вы говорите. Но ведь мы же их не видим. Вы фиксируете глазом световые волны, только после того, как они попадают в корабль и соприкасаются с сетчаткой. Но, оказавшись в корабле, они также поддаются влиянию поля минимизации и автоматически сокращаются, поэтому-то вам

и представляется, что длина волны внутри корабля точно таже, что и снаружи.

— Но если сокращается длина волн, должна увеличиваться мощность.

— Да, при условии, что константа Планка остается неизменной внутри поля минимизации. Но и константа Планка в этом поле уменьшается. В чем и заключается сущность минимизации. Световые волны, попадая в это поле, сжимаются и приходят в соответствие с уменьшившейся постоянной Планка, поэтому-то они и не квантуются. Аналогичный процесс происходит и с атомами. Они также сжимаются. Уменьшается даже расстояние между ними, и поэтому мы внутри корабля не замечаем никаких изменений.

— Но ведь гравитационная сила изменяется. Она ослабевает внутри корабля.

— Сильное взаимодействие или слабое взаимодействие — это все понятия квантовой теории. Взаимодействие зависит от постоянной Планка. А что касается гравитации, — Калныня пожалала плечами. — На ее изучение затратили два века, но гравитационную силу так и не удалось квантовать. Честно говоря, думаю, что изменение гравитационной силы при минимизации и является достаточным доказательством того, что ее невозможно квантовать, что это вообще не присуще ее природе.

— Я не могу в это поверить, — возразил Моррисон. — Неудачи двух предшествующих веков означают всего лишь наше бессилие в глубоком изучении

этой проблемы. Общая теория относительности почти что представила нам единое поле для этой цели. (Он чувствовал облегчение от того, что все еще был способен обсуждать сложные проблемы. Если бы его мозг перегревался, он бы уже утратил эту способность).

— «Почти что» во внимание не принимается, — заметила Калныня. — Но, мне кажется, Шапиров согласился бы с вами. Он предполагал, что коль скоро мы привяжем постоянную Планка к скорости света, нам не только удастся проводить минимизацию и деминимизацию без энергозатрат, но это также даст толчок теоретическим изысканиям в определении связей между квантовой теорией и теорией относительности. А конечным результатом этого явится разработка теории единого поля. И, возможно, все это окажется гениально просто, так, он говорил, бывало.

— Возможно, — отозвался Моррисон. Он не мог возразить что-то определенное по этому вопросу.

— Шапиров также утверждал, — продолжала Калныня, — что при ультраминимизации гравитационный эффект будет близким к нулю, поэтому его вообще можно будет игнорировать, и что скорость света при этом будет настолько высокой, что ее можно будет считать безграничной. При массе, фактически равной нулю, инерция тоже будет фактически равняться нулю, и любой объект, хотя бы такой, как наш корабль, может получить любое ускорение при фактически нулевых затратах энергии. Мы по-

лучим практически безгравитационный полет со скоростью, превышающей скорость света. Овладение химическими процессами позволило нам передвигаться в пределах Солнечной системы, использование ионных устройств позволило бы добраться до ближайших звезд, в то время как релятивная минимизация положила бы у наших ног всю Вселенную, любил говорить он.

— Да, это звучит! — восхищенно воскликнул Моррисон.

— Теперь, надеюсь, вам понятно, какими поисками мы сейчас заняты?

Моррисон кивнул:

— И преуспеете, если нам удастся прочитать мысли Шапирова, которые все-таки могут оказаться только мечтами.

— Но ведь имеющийся шанс стоит риска?

— Я уже склонен поверить в это, — тихо проговорил Моррисон. — Вы ужасно убедительны. Почему бы Наталье не пользоваться аргументами такого же свойства, а не теми, которые она предъявила мне?

— Наталья есть Наталья. Она чересчур практична, в ней нет ни капли романтики. И она всегда добивается своего.

Моррисон разглядывал сидящую слева от него Софью, устремившую мечтательный взгляд куда-то вперед. В профиль она выглядела совершенно непрактичным романтиком, мечтающим, как Шапиров, завоевать Вселенную. С такими, как она, в это, вероятно, можно было поверить.

Он сказал:

— Ваша неудачная личная жизнь, возможно, не мое дело, Софья, как вы один раз заметили, но мне ведь говорили о Юрии.

Ее глаза сверкнули:

— Аркадий! Это, конечно же, он. Какой же он...

— Она покачала головой. — При всей образованности и даже гениальности он все-таки остается неотесанным крестьянином. Я всегда думаю о нем как о бородатом деревенщине с бутылкой водки.

— Думаю, он как-то по-своему равнодушен к вам, даже если и не выражает чувств высоким стилем. Многие, думаю, к вам равнодушны.

Калныня посмотрела на Моррисона несколько неприязненно, как бы сожалея, что разоткровенничалась с ним.

Он же продолжал осторожно подталкивать ее к разговору на болезную тему:

— Почему вы не хотите мне об этом рассказать? Думаю, вам стало бы легче. Мне ведь проще судить обо всем со стороны. И, уверяю вас, мне можно открыться.

Калныня снова посмотрела на него. Но на этот раз даже с некоторой благодарностью.

— Юрий! — фыркнула она. — Все равнодушны, кроме Юрия. Он вообще не знает, что такое чувства.

— Но он, должно быть, когда-то вас любил?

— Должно быть? Вот уж чему не могу поверить. Он, видите ли, обладает... — уставившись в потолок,

она щелкнула дрожащими пальцами, подыскивая подходящее слово, — дальновидностью.

— Но мы не всегда, увы, властны над своими эмоциями и страстями, Софья. Возможно, он встретил другую женщину и теперь думает только о ней.

— Нет никакой другой женщины, — возразила, нахмурившись, Калныня. — Никого! Он просто пытается укрыться за этой ложью! И меня он любил, если, конечно, любил, как-то отстраненно, просто потому, что я оказалась под рукой, удовлетворяла его нечастые физические потребности. А кроме того, тоже участвовала в проекте, поэтому ему не приходилось терять много времени на ухаживания. Занимаясь таким важным делом, он не придавал мне большого значения. Он иногда просто пользовался мной — спокойно, ненавязчиво — в минуты своего досуга.

— Работа для мужчины...

— ...Вовсе не должна занимать все его время без остатка. Я вам уже сказала о его дальновидности. Он собирается стать новым Ньютоном, еще одним Эйнштейном. Он хочет сделать открытие настолько фундаментальное, настолько великое, что на будущее просто ничего не останется. Он использует выкладки Шапирова и подведет под них твердую научную основу. Юрий Конев претендует на главный закон развития природы. Все же, что делают остальные, будет как бы комментариями к нему.

— Вам не кажется, что такие амбиции могут вызывать восхищение.

— Только в том случае, если в жертву им не приносится все остальное. И все остальные. И если они не заставляют отказываться от собственного ребенка. А я? Разве я ничего не значу? От меня можно отмахнуться и не замечать? Ну, хорошо, я взрослая. Я о себе позабочусь. Но как же ребенок? Отказать ей в возможности иметь отца? Не признавать ее существование? Она, видите ли, будет отвлекать его от работы, будет требовать его внимания, нескольких минут каждый день. Поэтому он настаивает, что не он отец ребенка.

— Но ведь генетический анализ...

— Ну, только не это. Неужели я поташу его в суд, чтобы там перед лицом закона его заставили это признать? Чтобы выяснить причины его отказа? Ребенок ведь не мог появиться от непорочного зачатия. Кто-то же должен быть его отцом. Так вот он предполагает... То есть нет, он утверждает, что я была не особенно разборчива в своих связях. Он ни минуты не колебался, когда высказывался о причине своего отказа. Он утверждал, что я сама не знаю, кто отец ребенка, поскольку мне надо вычислять его из большого количества возможных кандидатов. И вы думаете, что я способна настолько плохо думать о человеке, чтобы через суд заставлять его признать моего ребенка против его воли? Нет, пусть он придет ко мне, признает свое отцовство и попросит у меня прощения за все, что он сделал. И тогда, быть может, я разрешу ему изредка смотреть на ребенка.

— Тем не менее, у меня есть ощущение, что вы еще его любите.

— Если и да, — горько ответила Калныня, — пусть это останется моей болью, но не моей дочери.

— Именно поэтому вас тоже пришлось убеждать принимать участие в этом эксперименте?

— И работать рядом с ним? Да, поэтому. Но они сказали, что меня уже нельзя заменить и что работа во имя науки стоит превыше всех чувств, превыше гнева, превыше ненависти. Кроме того...

— Кроме того?

— Да, если я выйду из проекта, я могу потерять статус советского ученого. Я теряю многие привилегии и доплаты. Что, вроде, не так уж и важно. Но всего этого вместе со мной лишается и моя дочь — а это уже... извините.

— Юрия тоже пришлось уговаривать работать с вами?

— Его? Конечно, нет. Проект — единственное, чем он живет. Он даже не смотрит в мою сторону, просто не замечает. И если он погибнет во время эксперимента...

Она остановила рукой его возможные возражения.

— Ради бога, не подумайте, будто я верю, что такое может случиться. Я накручиваю это для сравнения, чтобы лишний раз помучить себя. Так вот, случись ему погибать, он даже и в этот момент не задумается, что я-то ведь погибаю вместе с ним.

Моррисон почувствовал себя неудобно.

— Не говорите так, — пробурчал он. — А что же

тогда будет с вашей дочерью? Наталья обещала вам что-нибудь?

— Ей нет необходимости это делать. Я все знаю и без нее. Ее будет воспитывать государство, как дочь пострадавшей во имя науки. И для нее это будет не худший вариант.

Софья на секунду замолчала и огляделась вокруг:

— Кажется, все уже пришло в норму. Нас скоро выпустят.

Моррисон пожал плечами:

— В оставшееся время сегодня вас подвергнут медицинскому и психологическому осмотру, Альберт. Как, впрочем, и меня. Это будет очень нудно, но без этого не обойтись. Как вы себя чувствуете?

— Я чувствовал бы себя еще лучше, — честно признался Моррисон, — если бы вы не вели этих разговоров о смерти. — Слушайте! До каких размеров нас завтра уменьшат, прежде чем отправить в тело Шапирова?

— Это решает Наталья. Очевидно, до размеров мельчайшей клетки. Или молекулы.

— А подобное уже на ком-нибудь проделывали?

— Не знаю.

— Ну, на кроликах? На каких-нибудь неодушевленных предметах?

Калныня покачала головой:

— Мне об этом неизвестно.

— Но откуда вы тогда знаете, что минимизация до таких пределов возможна? И что все мы при этом останемся живы?

— Это подтверждается расчетами. Вы же понимаете, что любой эксперимент в основе своей опирается на теорию.

— Да, но во всем надо знать пределы. Не лучше бы было испытать ультраминимизацию сначала на куске пластика. Затем на кролике, затем на...

— Да, конечно. Но нужно сначала убедить Центральный Координационный Комитет позволить нам тратить энергию на эти эксперименты. А это, уверяю вас, нелегкая задача. Кроме того, все это растянется на годы и месяцы. А у нас нет времени! Мы должны попасть в мозг Шапирова немедленно.

— Но ведь мы же готовимся к чему-то беспрецедентному, собираемся проникнуть в неизвестную область, имея в активе всего лишь теоретические предположения...

— Да, да, все так. Пойдемте, уже дали свет. Надо спешить к ожидающим нас физиологам.

Легкая эйфория, охватившая Моррисона по случаю удачной деминимизации, быстро улетучилась. То, что ему пришлось испытать сегодня, ни в коей мере не являлось доказательством завтрашнего успеха. Страх понемногу возвращался.

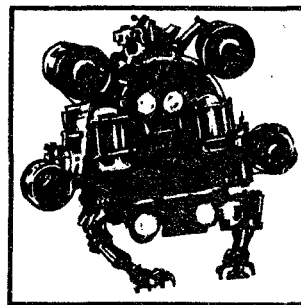
ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ГОТОВНОСТЬ

*«Самое трудное поджидает вас на старте.
То, что носит название "готовность"».*

Дежнев старший

31.

Поздним вечером, после долгого и утомительного медицинского осмотра, он сидел с четверьмя советскими исследователями за ужином. «Последний ужин», — мрачно думал Моррисон.

Присаживаясь к столу, он взорвался:

— Никто не ознакомил меня с результатами обследования!

И спросил, повернувшись к Софье:

— А вас обследовали?

— Да, конечно, Альберт.

— И сказали результаты?

— Нет. Поскольку не мы им за это платим, они, видимо, не чувствуют себя обязанными сообщать что-либо.

— Не берите в голову, — весело заметил Дежнев. — Мой старик, бывало, говорил: «У плохих новостей орлиные крылья, а у хороших — лапы ленивца». Если они вам ничего не сказали, значит, ничего страшного и нет.

— Даже плохие результаты, — проговорила Баранова, — сообщили бы мне, и только мне. Я одна уполномочена решать вашу судьбу.

— И что же они вам сказали обо мне? — поинтересовался Моррисон.

— Что ничего особенно страшного нет. Вы можете отправиться с нами. И через двенадцать часов наше «плавание» начнется.

— А есть ли что-нибудь не особенно страшное, Наталья?

— Ни о чем плохом в докладе не упоминалось, кроме того, как выразился один доктор, что вы «продемонстрировали типичную американскую привередливость».

— Ха! — воскликнул Моррисон. — Одна из наших американских свобод позволяет нам быть привередливыми, если врачи демонстрируют по отношению к нам типичное советское безразличие.

Тем не менее, опасения по поводу состояния его мозга и психики начали в нем потихоньку ослабе-

вать, неминуемо уступая место опасениям перед предстоящей минимизацией вообще.

Он погрузился в мрачное молчание и медленно, без особого аппетита, ел.

32.

Юрий Конев первым поднялся из-за стола. На какое-то время, стоя, он завис над столом. Его молодое лицо хмуро напряглось.

— Наталья, — произнес он, — я должен пригласить Альберта в свой кабинет. Нам необходимо обсудить завтрашние проблемы и подготовиться к ним.

— Помни, пожалуйста, — заметила Баранова, — что мы должны хорошенько выспаться. Не забывай о времени. Нужен тебе Аркадий?

— Он мне не нужен, — ответил Конев высокомерно.

— И все-таки, — сказала Баранова, — у твоих дверей будут два охранника. Если понадобится, позови их.

Конев нетерпеливо отвернулся от нее:

— Уверяю тебя, Наталья, они мне не нужны. Пойдемте, Альберт.

Моррисон, наблюдавший за ними исподлобья, встал:

— Это далеко? Я устал ходить взад и вперед по Гроту.

Он понимал, что ведет себя грубо, но это, казалось, не волновало Конева, который ответил тем же:

— Я думаю, что для профессора привычно носить-ся взад-вперед по университетскому кампусу.

Моррисон последовал за Коневым. Они вместе брели по коридору. Моррисон спиной почувствовал, как неожиданно за ними появились два охранника. Их шагам вторил звук двух пар чужих. Он оглянулся, Конев же даже не повернулся.

Моррисон спросил нетерпеливо:

— Еще долго, Юрий?

— Глупый вопрос, Альберт. Я не собираюсь вести вас дальше, чем следует. Когда мы придем, тогда придем. Если мы не остановились, значит, еще не пришли.

— Думаю, что в таких лабиринтах и коридорах можно было организовать тележки для гольфа или что-то вроде этого.

— У вас упадок сил, Альберт? А ведь вы не настолько стары, что не можете идти, хотя и не настолько молоды, чтобы вас нести.

Моррисон подумал: «На месте этой бедной женщины с ребенком я бы устроил фейерверк, чтобы отпраздновать его отречение от отцовства».

Наконец они пришли к кабинету Конева. По крайней мере Моррисон догадался об этом, когда тот рявкнул: «Открыть!» Дверь плавно раскрылась на звук голоса. Конев шагнул первым.

— Что, если кто-нибудь запишет ваш голос? —

спросил Моррисон с любопытством. — Знаете, он у вас не очень выразительный.

Конев ответил:

— Мое лицо тоже сканируется. Но на него отдельно дверь не открывается.

— А если вы простудитесь?

— Однажды, когда сильно простудился, я не мог в течение трех недель попасть в кабинет. В конце концов должен был открыть дверь механическим способом. Сложности могут быть, если на моем лице появятся ушибы и шрамы в результате несчастного случая. Такова цена секретности.

— Неужели люди здесь настолько любопытны, что могут посягнуть на ваши тайны?

— Люди есть люди. И не стоит переоценивать даже лучших из них. Здесь у меня есть уникальные вещи, которые можно увидеть, только когда я разрешу. Это, к примеру.

Его тонкая рука, очень ухоженная, с маникюром, лежала на необычайно большом и толстом томе. Тот, в свою очередь, стоял на подставке, явно специально сделанной для него.

— Что это? — спросил Моррисон.

— Это — академик Шапиров. Или, по крайней мере, его сущность. — Конев открыл книгу и шепселестнул страницами. Они были заполнены символами, составляющими диаграммы. У меня, конечно, есть микрофильм. Но в использовании печатного тома есть определенное удобство. — Он похлопал по страницам.

— Я не все понимаю, — сказал Моррисон.

— Это — структура мозга Шапирова, переведенная в символы. Используя ее в соответствующей программе, можно заново составить трехмерный подробный план мозга на экране компьютера.

— Если вы говорите серьезно, — задумался Моррисон, — это замечательно.

— Вполне серьезно, — ответил Конев. — Я потратил все свое время на перевод структуры мозга в символы и наоборот. Я изобрел и развил науку церебрографии.

— И вы использовали для этого Шапирова.

— По невероятно счастливой случайности. Возможно, и не счастливой, но это было неизбежно. Мы все немного тщеславны. А Шапирову казалось, что его мозг достоин того, чтобы его тщательно сохранить. С самого начала, когда я принялся за работу над проектом под его руководством (а мы только думали об использовании хотя бы мозга животных), он настаивал на церебрографическом анализе своего собственного мозга...

Внезапно разволновавшись, Моррисон спросил:

— Вы можете вывести его теории из записанной церебральной структуры его мозга?

— Конечно, нет. Эти символы записывают церебральное сканирование, произведенное три года назад. Это было до того, как он развил свою теорию. А здесь, к сожалению, всего лишь физическая структура, а не его мысли. Все же церебрография для нас будет бесценна в завтрашнем путешествии.

— Согласен, но я никогда не слышал об этом.

— Не удивительно. Я опубликовал материалы, но только в Гроте, и они остаются чрезвычайно секретными. Никто за пределами Грота, даже здесь, в Советском Союзе, не знает о них.

— Это плохая политика. Кто-нибудь напечатает их и получит приоритет.

Конев покачал головой,

— Это только кажется, что в этом направлении повсюду достигнут значительный прогресс. Чтобы получить приоритет, достаточно опубликовать цефалографию мозга собаки, например. Но это сейчас неважно. Суть в том, что мы можем руководствоваться схемой мозга Шапирова. А это — невероятная удача. Раньше мы не знали, что она может пригодиться нам в качестве путеводителя через джунгли головного мозга.

Конев повернулся к компьютеру и отработанным быстрым движением рук вставил пять больших дисков.

— Каждый из них, — заметил он, — может свободно вместить всю информацию центральной московской библиотеки. Все это — информация о мозге Шапирова.

— Вы хотите сказать, — возмутился Моррисон, — что смогли перенести всю информацию о мозге Шапирова в эту книгу?

— Ну нет, — Конев бросил взгляд на книгу. — По сравнению с полной программой, книга — только небольшая брошюра. Тем не менее, она действитель-

но содержит основной, так сказать, каркас нейроструктуры Шапирова, и я мог использовать ее в качестве руководства для программы компьютера, составившей его подробнейшую схему. Чтобы справиться с этой задачей, понадобились месяцы работы и самый современный компьютер. Однако, Альберт, мы смогли достичь лишь клеточного уровня. Чтобы составить схему мозга на молекулярном уровне и записать все перемещения и комбинации, все возможные мысли, которые могут возникнуть в таком необычном человеческом мозге, как у Шапирова, — творческие, актуальные и потенциальные — думаю, нам бы понадобился компьютер величиной со Вселенную и время не меньше, чем сама Вселенная. А для нашего эксперимента достаточно того, что есть.

Моррисон восторженно попросил:

— Покажите мне, как он работает, Юрий.

Конев осмотрел компьютер, послышался мягкий щелчок. Он нажал на нужные клавиши. На экране появилось изображение человеческого мозга в разрезе.

Конев заметил:

— Мы можем рассмотреть любой поперечный разрез. — Он нажал на клавишу, и мозг начал расслаиваться, как бы под воздействием ультратонкого микротока со скоростью тысяча срезов в секунду. С такой скоростью, — продолжал Конев, — нам понадобится час и пятнадцать минут, чтобы выполнить задачу, но я смогу остановить ее в любой момент. Я также могу сделать еще более тонкий слой

или моментально рассчитать и срезать слой любого поперечного сечения.

Объяснения он сопровождал демонстрацией.

— Кроме того, можно ориентировать его в другом направлении и поворачивать вдоль другой оси. Или увеличить до клеточного уровня с любой скоростью, медленной или, как видите, быстрой.

С этими словами изображение мозга растянулось от центра во всех направлениях с головокружительной скоростью, так, что Моррисон вынужден был закрыть глаза и отвернуться.

Конев продолжал:

— Сейчас перед нами изображение на клеточном уровне. Вы видите отдельные нейроны, и если я еще больше увеличу его, сможете разглядеть нейриты и дендриты. При желании мы можем проследить, как движется одиночный нейрит через клетку и сквозь синапс попадает в другой нейрон. И так далее. И все это — с помощью компьютера, дающего трехмерное изображение мозга. Но дело не только в трехмерном изображении. Компьютер имеет голографическое изображение и может давать абсолютно точное трехмерное изображение.

Моррисон спросил вызывающе:

— Тогда зачем вам нужна минимизация? К чему вам отправлять корабли в мозг?

На мгновение лицо Конева презрительно перекопилось

— Глупый вопрос, Альберт. Я полагаю, он — следствие вашего страха перед минимизацией. Вы

ищите любое оправдание, чтобы избежать ее. То, что вы видите здесь на экране, — трехмерная схема мозга. Но только трехмерная. Здесь, по существу, схвачено лишь мгновение. В результате мы видим неизменяемую материю — мертвую материю. Мы хотим открыть для себя жизненную активность нейрона, меняющуюся во времени. Нам нужно четырехмерное изображение колеблющегося электрического напряжения, микротечения в клетках и клеточных тканях. И мы хотим перевести их в мысли. Это — ваша задача, Альберт. Аркадий Дежнев проведет корабль по выбранному мною маршруту, а вы дадите нам мысли.

— На основании каких принципов вы выбрали маршрут?

— На основании ваших собственных работ, Альберт. Я выбрал те области, которые, по-вашему, вероятнее всего являются нейросхемой творческой мысли. А используя книгу с ее запрограммированным изображением мозга Шапирова в качестве начального руководства, я вычислил центры, которые более-менее напрямую ведут к некоторым частям этой схемы. Затем я поместил их с большой точностью в компьютер, и завтра мы проникнем в некоторые из них.

Моррисон покачал головой:

— Боюсь, что я не могу гарантировать возможность определить текущие мысли, даже если мы найдем центры, в которых проходит процесс мышления. Ведь когда люди говорят на языке, который

мы не знаем, мы слышим их голоса, но не понимаем смысла.

— Но мы не можем этого знать заранее. Изменяющееся электрическое напряжение в мозге Шапирова должно напоминать наше собственное, и мы очень просто сможем узнать его мысли, не зная механизма. В любом случае, мы ничего не сможем узнать, пока не пойдем на эксперимент.

— В таком случае, вы должны быть готовы к возможным разочарованиям.

— Никогда, — ответил Конев абсолютно серьезно. — Я собираюсь стать человеком, которому людской мозг отдаст, наконец, свои секреты. Я полностью раскрою конечную физиологическую тайну человечества. А возможно, и Вселенной. Если, конечно, мы являемся самыми совершенными, думающими устройствами, когда-либо существовавшими. Итак, завтра мы будем вместе работать. Я хочу, чтобы вы были готовы помочь мне в управлении, внимательно изучая импульсы мозга, которые встретятся на пути. Я хочу, чтобы вы объяснили мысли Шапирова и особенно его мысли о сочетании квантовой теории и теории относительности. Чтобы такие путешествия, как завтрашнее, стали обычными, и мы смогли бы начать изучать мозг со всей серьезностью. — Он замолчал и пристально посмотрел на Моррисона:

— Хорошо?

— Что хорошо?

— Разве вас это не заинтересовало?

— Да, конечно, но... Я хочу спросить. Вчера,

когда я наблюдал минимизацию кролика, на протяжении всего процесса было слышно завывание, и — громкий звук при деминимизации. Ничего подобного не наблюдалось, когда минимизации подвергся...

Конев поднял палец:

— А... Шум слышен, когда вы находитесь в нормальном пространстве, а не в минимизированном. Я первый осознал это, когда был минимизирован, и написал об этом отчет. Мы до сих пор не знаем, почему поле миниатюризации, похоже, не пропускает звуковые волны и пропускает световые. Но затем, по ходу работы, мы отбросили эту проблему и решили изучить другие аспекты процесса.

— Пока мы не откроем фатальные аспекты, — проворчал Моррисон. — Юрий, неужели вы ничего не боитесь?

— Я боюсь, что не смогу закончить работу. Это случится, если я умру завтра или откажусь пройти минимизацию. Маловероятно, что меня остановит смерть, но если я откажусь от участия в минимизации — это будет конец. Вот почему я предпочитаю риск первому и выбираю последнее.

— Вас беспокоит, что Софья подвергнется минимизации вместе с вами?

Конев нахмурился:

— Что?

— Если вы не помните ее имени, я помогу вам, назвав фамилию — Калныня.

— Она — член группы и будет на корабле.

— И вы не возражаете?

— С какой стати?

— В конце концов, она чувствует, что вы предали ее.

Конев зло нахмурился и слегка покраснел:

— Неужели ее безумие так далеко зашло, что она доверила свои абсурдные мысли чужому? Если бы ей не нужен был этот проект...

— Извините, но ее мысли не показались мне абсурдными...

Моррисон не знал, почему он затеял этот разговор. Возможно, он чувствовал себя пристыженным из-за боязни перед поставленной перед ними задачей, когда другие горячо этого желали? И поэтому хотел пристыдить других.

— Вы были когда-нибудь ее... другом?

— Другом? — на лице Конева отразилось презрение. — Какая дружба? Когда я приступил к работе над проектом, она уже вела тему. Мы вместе работали. Оба были новыми и неопытными людьми. Конечно, мы испытывали нечто, что можно назвать дружбой, физической потребностью, близостью. Что в этом такого? Мы были молоды и глупы. Но это пройденный этап.

— Но кое-что осталось. Ребенок.

— Не мой. — Он закрыл рот, лязгнув зубами.

— Она говорит...

— Нет сомнений, что она хотела бы взвалить на меня всю ответственность, но не выйдет.

— Вы сделали генетический анализ?

— Нет! О ребенке позаботятся должным образом.

И даже если генетический анализ вдруг определил бы, что я отец, я отверг бы все усилия привязать ко мне ребенка с помощью эмоций. И женщина ничего бы не получила.

— Неужели вы такой... бессердечный?

— Бессердечный! Вы вообразили, что я обманул молодую наивную девушку? Во всем проявляла инициативу она. Она случайно не упомянула в печальной истории, которую вам поведала, что была беременна и сделала аборт за несколько лет до встречи со мной? Я не знаю, кто был отец тогда и кто — сейчас. Возможно, она сама об этом не знает — и в том, и в другом случае.

— Вы жестоки к ней.

— Да. Но она сама к себе жестока. У меня есть любовница. У меня есть возлюбленная. Это моя работа. Это абстрактный человеческий мозг, его изучение, его анализ и все, что касается его. Женщина, в лучшем случае — развлечение, в худшем — разорение. Без сомнений, это она заставила вас завести этот разговор, о котором я не просил...

— Нет, не она, — прервал его Моррисон.

— Дело не в этом. Этот разговор может стоить мне бессонной ночи и завтра ослабит мое внимание, которое очень понадобится. Вы этого хотите?

— Нет, конечно, — спокойно ответил Моррисон.

— Значит, этого хочет она. Вы не представляете, какими только способами она ни пыталась вмешаться и как часто это получалось. Я не смотрю на нее. Не говорю с ней. И все равно она меня не оставляет.

Ее воображаемые обиды кажутся такими же свежими, как и тогда, когда я ушел первый раз. Да, я против, чтобы она была со мной на корабле. И я сказал об этом Барановой, но она ответила, что мы оба нужны. Вы довольны?

— Извините. Я не хотел вас так расстраивать.

— А что вы хотели? Просто спокойно поговорить? Скажите, а как насчет предательства и грязных шуточек, которыми вы апеллировали? Просто дружеская беседа?

Слегка наклонив голову, Моррисон молчал, чувствуя ярость собеседника. Трое из пяти на корабле — он и два бывших любовника — страдают от чувства невыносимой обиды. Интересно, можно ли таким образом в разговоре вывести из строя Дежнева и Баранову?

Конев вдруг грубо сказал:

— Вам лучше уйти. Я привел вас сюда, хотел помочь избавиться от страха перед проектом, поделившись с вами надеждой. Очевидно, мне не удалось. Вас больше интересуют похотливые сплетни. Идите. Охрана отведет вас в вашу комнату. Вам нужно поспать.

Моррисон вздохнул. Поспать?..

33.

В третью ночь пребывания в Советском Союзе Моррисон спал.

Дежнев ждал его рядом с комнатой Конева вместе

с охраной. Он широко ухмылялся, а большие уши весело шевелились. После мрачного напряжения у Конева Моррисон был рад болтовне Дежнева обо всем, кроме минимизации.

Дежнев настаивал, чтобы Моррисон выпил.

— Это — не водка, не алкоголь, — уговаривал он.

— Это — молоко с сахаром и ароматическими добавками. Я стащил это у интенданта. Думаю, они использовали напиток для животных, потому что для этих вояк человека заменить животным легче. Это проклятое перенаселение. Как говорил мой отец: «Чтобы появился человек, достаточно момента удовольствия, а чтобы получить коня, нужны деньги». Пейте же. Это полезно для желудка. Гарантирую.

— Моррисон вскрыл банку. Он перелил содержимое в чашку. Напиток был довольно приятный на вкус. Он поблагодарил Дежнева почти от души.

Когда они пришли к Моррисону, Дежнев посоветовал:

— А сейчас самое важное для вас — выспаться. Хорошенько. Давайте я вам покажу, где что находится.

Когда он суетился, то он напоминал большую и слегка растрепанную наседку. С сердечными пожеланиями: «Спокойной ночи. Обязательно поспите как следует», — Дежнев вышел из комнаты.

И Моррисон спал. Устроившись в своем любимом положении — вниз животом, подогнув левую ногу коленкой наружу, — он почти сразу начал засыпать. Конечно, он мало спал последние две ночи. И вдруг

его осенило: в чашке с напитком было сильное снотворное. Затем пришла мысль, что, возможно, Конев тоже примет снотворное. Потом — ничего... Когда он проснулся, то не мог вспомнить, снилось ли что-нибудь ему.

Он даже не сам проснулся. Его разбудил Дежнев — такой же бодрый, как и накануне вечером. Бодрый и подтянутый, насколько мог быть подтянутым этот ходячий стог сена.

— Просыпайтесь, товарищ Американец, пора. Вам нужно побриться и умыться. В ванной найдете свежие полотенца, расчески, дезодоранты, салфетки и мыло. Мне это хорошо известно, потому что я сам принес все это. А также новую бритву. И вдобавок — свежее белье, чтобы вы могли прикрыть лучше свое хозяйство и не чувствовать выставленным его напоказ. У них все есть, у этих бюрократов, если хорошенько попросить кулаками.

Он поднял кулак, а лицо его исказилось от злости.

Моррисон зашевелился и сел в постели. Он быстро пришел в себя и... остолбенел от осознания того, что наступило утро четверга и впереди его ждала минимизация.

Когда через полчаса Моррисон вышел из ванной, хорошо вымытый, высушенный, освеженный дезодорантом, побритый, причесанный и одетый в хлопчатобумажный костюм, в тапочках на ногах, — Дежнев спросил:

— Хорошо облегчился, мой мальчик? Нет запоров?

— Очень хорошо, — ответил Моррисон.

— Прекрасно! Я спросил не из праздного любопытства, конечно. Я не любитель эскрементов. Дело в том, что корабль — не идеальное место для таких вещей. Лучше, если мы отправимся облегченными. Сам я не доверяю организму. Я даже принял немного слабительного.

— Сколько времени мы будем находиться в состоянии минимизации? — спросил Моррисон.

— Возможно, недолго. Час — если все будет удачно, если нет — может быть, двенадцать часов.

— Но, послушайте, — сказал Моррисон, — я могу рассчитывать на натренированную толстую кишку, но не могу не мочиться двенадцать часов.

— А кто может? — спросил весело Дежнев. — У каждого сиденье оборудовано для всяких возможных случайностей. Там есть углубление со съемным чехлом. Так называемый встроенный туалет. Я сам его сконструировал. Но если вы чувствительны и застенчивы, от вас потребуется определенное усилие. Когда процесс минимизации без затраты энергии станет реальностью, мы построим океанские лайнеры для минимизации и будем в них жить, как цари в старые времена.

— Что ж, будем надеяться, что экспедиция не затянется без серьезных на то причин. (На мгновение ему показалось странным, что от страха перед смертью и сумасшествием он перешел к обдумыванию деталей обращения с крышкой туалета и самого процесса, который нужно было проделать как можно незаметнее. Ему пришло в голову, что во времена

великих исследовательских путешествий прошлого было много грязного и грубого, и такие вещи проходили незамеченными, так как никого не интересовали).

Моррисон, уже в одежде, надевал тапки, когда Дежнев сказал:

— А сейчас пойдемте позавтракаем. Еда будет вкусная и высококалорийная, но в небольшом количестве. На борту мы не будем есть. Кроме воды и фруктовых соков, там ничего не будет, даже никаких горячительных напитков. Наша дорогая Наташа сделала ужасное лицо, когда я предположил, что нам время от времени понадобится водка. Сколько всего, не требующего комментариев, было сказано о горьких пьяницах и алкоголиках! Альберт, Альберт, я тоже подвергался гонениям. И не справедливо.

Завтрак был обильный и не сытный. Им подали желе и сладкий крем, толстые куски белого хлеба с маслом и мармеладом, фруктовые соки и несколько видов пилюль, которые надо было запивать большим количеством воды.

За столом болтали большей частью о местном шахматном турнире. Никто не упоминал о корабле и минимизации. (Возможно, считалось плохой приметой говорить о предстоящем).

Моррисон слушал, сам вставлял реплики и даже вспомнил, как сам ездил на шахматные турниры и неплохо играл.

Со стола очень быстро убрали. Было пора... Они пошли на корабль.

34.

Они шли друг за другом, соблюдая расстояние. Дежнев первым, затем — Калныня, Баранова, Моррисон и последним — Конев.

Почти сразу Моррисон понял: каждый из них находился на виду и тщательно осматривался. Вдоль коридора стояли мужчины и женщины — очевидно, занятые в проекте — и внимательно следили за ними.

Дежнев энергично махал рукой людям направо и налево и походил на доброго и любимого народом монарха.

Толпа отвечала им криками, взмахами. Иногда произносились имена каждого, очевидно, знали о всех членах экипажа. Женщин узнавали мало. А Конев, насколько заметил Моррисон, обернувшись, шел, глядя вперед ничего не выражающими глазами.

Моррисон явно удивился, отчетливо услышав по-английски:

— Да здравствует американец!

Он посмотрел, откуда кричали, и автоматически помахал рукой, на что ответили громким и энергичным криком:

— Да здравствует американец!

Моррисон не мог больше сохранять прежнее мрачное спокойствие. Он никогда не был объектом ликования толпы, но воспринял это быстро и легко, начав размахивать руками и весело скалить зубы. На лице Барановой он уловил выражение мрачного

удивления. Дежнев, указывая на него пальцем, всем видом подчеркивал, что он — американец. Моррисон не мешал ему.

Оставив позади толпу, они вошли в большую комнату, где в психическом коконе комы находился Шапиров. Здесь же находился корабль. Моррисон в изумлении огляделся. Он заметил:

— Вон там группа кинооператоров.

Калныня шла рядом с ним. «Как прекрасна ее грудь», — подумал он. Грудь была прикрыта, но тонкая бумажная ткань не полностью скрывала ее.

Он понял, почему Конев говорил, что она отвлекает. Калныня объяснила:

— Да, нас будут показывать по телевидению. Каждый значительный эксперимент тщательно фиксируют, и каждый раз их описывают присутствующие при этом репортеры. Даже вчера, когда я и вы подвергались минимизации, все снималось, но скрыто, поскольку вам не следовало знать всего.

— Но этот проект секретный...

— Не навсегда. Когда-нибудь мы достигнем полного успеха, наш народ и весь мир узнают об уникальном достижении. Даже раньше, если мы узнаем, что в этой области достигла прогресса другая страна.

Моррисон покачал головой:

— Это плохо, когда в первую очередь беспокоятся о приоритете. Прогресс шел бы гораздо быстрее при участии дополнительных умов и ресурсов.

Калныня спросила:

— А вы охотно отказались бы от приоритета в своей области исследования?

Моррисон промолчал. Это было тонкое возражение.

Заметив это, Калныня покачала головой и добавила:

— Я так и думала. Легко быть щедрым за чужой счет.

Баранова тем временем разговаривала, как понял Моррисон, с репортером, который очень внимательно ее слушал. Моррисон подошел, ее слова очень заинтересовали его.

— Это американский ученый Альберт Джонас Моррисон, профессор нейробиологии, области, которой занимается академик Конев. Здесь он находится в качестве наблюдателя и как помощник академика Конева.

— На корабле будут пятеро?

— Да. И вряд ли в истории найдутся люди такие же знаменитые, как эти пятеро, если минимизация будет существовать миллионы лет. Академик Конев — самый первый человек, который подвергся минимизации. Доктор Софья Калныня — первая женщина, а профессор Альберт Моррисон — первый американец, прошедший через это. Калныня и Моррисон — первые, кто неоднократно подвергались уменьшению, и первые испытали это на корабле. Что касается сегодняшнего эксперимента. Это первая минимизация одновременно пятерых и первый случай, когда уменьшенный корабль с экипажем будет

введен в человека. Этим человеком будет, конечно, академик Петр Шапиров, второй в истории человек, подвергшийся минимизации, и первый, кто стал жертвой процесса.

Дежнев, внезапно оказавшись рядом с Моррисоном, хрипло прошептал ему на ухо:

— Вот, Альберт. Вы стали неизгладимым следом истории. Возможно, до сих пор вы представляли себя неудачником. Теперь это не так. Никто не сможет отрицать факт, что вы — первый американец, который подвергся минимизации. Даже если ваши соотечественники сами разработают процесс и уменьшат какого-нибудь американца, он будет не более чем вторым.

Моррисон не думал об этом. Он оценивал новообретенные — и уже навсегда — статистические данные, касающиеся его лично (если русские когда-нибудь опубликуют утверждение Натальи, неискаженное и непереписанное). Ему это понравилось.

Все же оставался какой-то осадок.

— Я хочу, чтобы обо мне помнили не по этой причине.

— Поработайте хорошенько во время эксперимента и вы прославитесь надолго, — ответил Дежнев. — Кроме того, как говорил мой старый отец: «Хорошо сидеть во главе стола, даже если вас только двое и перед вами одна тарелка щей».

Дежнев отошел. Рядом с Моррисоном опять оказалась Калныня. Она дернула его за рукав и позвала:

— Альберт.

— Да, Софья?

— Вы оставались с ним вчера вечером после ужина, правда?

— Он показал мне схему мозга Шапирова. Удивительно!

— Он что-нибудь говорил обо мне?

Моррисон, смутившись, спросил:

— С какой стати?

— Потому, что вы — любопытный человек, который пытается бороться с дьяволами, сидящими внутри. Вы наверняка спрашивали.

Моррисон поморщился от такого эпитета в свой адрес.

— Он оправдывался.

— Как?

— Он вспоминал о первой беременности и аборте. Я бы не поверил, Софья, если бы вы не согласились с этим.

Глаза у Калныни заблестели от слез.

— Он... он хоть рассказал об обстоятельствах?

— Нет, Софья. И я не спрашивал.

— Но ведь мог рассказать. Я была вынуждена, потому что мне исполнилось всего семнадцать лет. А это, сами понимаете, — последствия. И мои родители прибегли к законным мерам.

— Понимаю. Возможно, Юрий желает не верить в это.

— Он думает, что я хотела этого. Но все записано на пленку, и насильник до сих пор в тюрьме. Советский закон суров по отношению к таким пре-

ступникам. Но только тогда, когда случай полностью доказан. Я признаю: женщины могут несправедливо обвинять в изнасиловании. Но со мной все было не так. И Юрий знает. Это малодушие с его стороны — констатировать факт, не принимая во внимание смягчающие обстоятельства.

— Но сейчас не время говорить об этом. Хотя я понимаю, как глубоко это вас задевает. Нам предстоит выполнить сложную работу на корабле, и для этого понадобится полная концентрация и все наше умение. Тем не менее, уверяю вас, что я на вашей стороне, а не на его.

Калныня кивнула головой и сказала:

— Спасибо. За доброту. Не бойтесь за меня. Я сделаю свою работу.

В этот момент Баранова прокричала:

— Сейчас мы войдем на корабль в таком порядке, в каком я буду называть имена: Дежнев — Конев — Калныня — Моррисон — и я.

Баранова встала за ним и прошептала:

— Как себя чувствуете, Альберт?

— Ужасно, — ответил Моррисон. — Вы ждали другого ответа?

— Нет, — сказала Баранова. — И все же, я надеюсь, вы выполните свою работу, не чувствуя себя вошью. Понимаете?

— Я постараюсь, — ответил Моррисон сквозь зубы и последовал за Калныней. Он второй раз входил в корабль.

Один за другим они заняли свои места в том

порядке, о каком за день до этого говорила Калныня. Дежнев — впереди и слева, у пульта управления, Конев — рядом, справа от него, Калныня и Моррисон — за ними, а Баранова — позади, слева.

Моррисон заморгал и высморкался в бумажный носовой платок, который обнаружил в одном из карманов. Что, если ему понадобится больше салфеток, чем у него есть? (Об этом было глупо волноваться, но гораздо спокойнее, чем думать о чем-либо другом). Лоб покрылся испариной. Может, оттого что они сидели близко друг к другу? Возможно, дыхание пятерых человек повышало влажность в сжатом пространстве до максимума? Была ли здесь достаточная вентиляция?

Внезапно он подумал о первых астронавтах прошлого столетия. Еще более зажатые и беспомощные, они отправились в космос, который был уже чем-то знакомым и понятным. Его же ждал совершенно нетронутый микрокосмос.

Заняв свое место, Моррисон чуть успокоился, страх притупился. В конце концов, он побывал на корабле раньше. Он даже подвергался минимизации и деминимизации, и ему от этого не стало хуже. Это не принесло ему никакого вреда.

Он осмотрелся. Хотелось узнать состояние остальных. Калныня, слева от него, казалась холодно беспристрастной. У нее была, скорее, ледяная красота. Но все-таки складывалось впечатление, что несмотря на внешнее спокойствие и бесстрашие, в ней явно шла душевная борьба с внутренним дыханием.

Дежнев смотрел назад. Возможно, подобно ему, он пытался оценить реакцию всех. Но, очень похоже, по другим причинам. Моррисон пытался найти поддержку своему маленькому внутреннему мужеству в других. Дежнев оценивал обстановку, соразмеряя с возможным успехом эксперимента.

Конев смотрел прямо вперед.

Моррисон мог видеть только его затылок. Баранова сидела спокойно, приводя в порядок свой тонкий костюм.

Дежнев начал:

— Друзья! Спутники! Перед тем как мы отправимся в путь, каждый из нас должен тщательно проверить свое оснащение. После старта даже не подумайте шутить, что что-то не работает. Как говорил мой отец: «Умный акробат не проверяет страховку во время прыжка». В мои обязанности входит обеспечение управления корабля, в котором я лично уверен, так как сам его разработал и наблюдал за его созданием.

— Что касается тебя, друг мой Юрий. Твой так называемый мозг, или твоя мозговая схема, как назвал бы это разумный человек, — тщательно трансформирован в программу компьютера, который находится перед тобой за диском. Пожалуйста, удостоверься, что ты умеешь управлять им, и затем проверь по всем параметрам работу мозговой схемы.

— Софья, моя маленькая голубка, не знаю, чем ты можешь заняться, кроме электричества. Но все-таки убедись, все ли находится в должном порядке.

— Наталья, — его голос слегка повысился, — как ты себя чувствуешь там, сзади?

Ответила Баранова:

— Я в полном порядке, пожалуйста, проверь Альберта. Он больше всех нуждается в твоей помощи.

— Конечно, — сказал Дежнев. — Я оставил его напоследок, чтобы уделить ему все свое внимание. Альберт, вы знаете, как работать со щитом управления, который находится перед вами?

— Конечно, нет, — огрызнулся Моррисон. — Откуда мне знать?

— Через две секунды вы научитесь. Этот контакт, чтобы открывать, а этот — закрывать. Альберт, включайте! Видите, он бесшумно открывается? А сейчас закройте! Отлично. Теперь вы умеете. А вы видели, что находится внутри?

— Компьютер, — ответил Моррисон.

— Опять отлично. Но будьте так любезны, посмотрите, эквивалентен ли он вашему. Ваша программа находится сбоку в выемке. Пожалуйста, проверьте, подходит ли она к компьютеру и работает ли должным образом. Я уверен, что именно так оно и есть. Пожалуйста! Если есть какие-то сомнения, подозрения, малейший намек, что что-то не так, как надо, мы задержимся, чтобы все уладить для полного вашего удовлетворения.

Баранова попросила:

— Пожалуйста, Аркадий, не нагнетай. У нас нет времени.

Дежнев не обратил на нее внимания.

— Но если вы по ошибке скажете, что что-то не в порядке, мой дорогой Альберт, Юрий все поймет. Уверяю, он, я и все будут недовольны. Поэтому, если вам придет в голову выдумать проблему, чтобы задержать или даже отменить плавание, лучше сразу откажитесь.

Лицо Моррисона вспыхнуло. В действительности, склонившись над своим компьютером, он вновь просчитывал, додумывал, дочувствовал. Иногда его последние замыслы рождались на основе чувств. Это было нечто, что он не мог объяснить, но создавалось впечатление прямого воздействия на его собственные мыслительные центры импульсов мозга, которые он-то и изучал. Он не отдавал себе в этом отчета, но иногда это проявлялось во время случайных разговоров. Поэтому Шапиров назвал его программу ретранслятором, если верить Юрию. Но тогда, как он мог проверить ее работу? Ведь у него, в лучшем случае, было всего несколько ощущений. И то совершенно случайных.

Или это было просто сильное желание поверить, желание, подобное желанию Персиваля Лоуэла увидеть каналы на Марсе?

И как это ему даже не пришло в голову помешать совершиться полету, сказав, что программа не работает! Дорого бы он дал, чтобы избежать риска. Но уже не мог это сделать, потому что не хотел подвергать сомнениям свою программу.

И вдруг опять в сердце Моррисона появилась искра уже нового страха. Что если программа каким-

то образом была повреждена в дороге? Как он сможет убедить их в том, что действительно что-то не в порядке и что он не притворяется?

Однако все прекрасно работало. Хотя и без контакта с черепом, в котором находился живой мозг.

Дежнев наблюдал, как мелькают руки Моррисона:

— Мы поставили новые батарейки. Американские.

— Все работает, — произнес Моррисон, — насколько я вижу.

— Хорошо. Ни у кого нет претензий к оборудованию? Тогда оторвите ваши прелестные задницы от сидений и поверьте открывающиеся панели. Нормально? Поверьте, у вас будут крупные неприятности, если не так.

Моррисон проследил, как Калныня открыла и закрыла панель, покрытую тонкой обивкой, на которой она сидела. Его собственная сработала также, когда он повторил ее действия.

Дежнев сказал:

— Будут также твердые отбросы по определенным причинам. Но, надеюсь, у нас не будет случая проверить это. В худшем случае, прямо под краем сиденья находится небольшой рулон салфетки. Вы легко ее найдете. Так как мы уменьшимся, все потеряет массу, поэтому выделения будут держаться на поверхности. Хотя этому может помешать поток воздуха, идущий вниз. Не пугайтесь. Сбоку под сиденьем в крошечном холодильнике находится вода. Она предназначена только для питья. Если вам будет неприятно от грязи, пота и запаха, постарайтесь

выдержать. Не мойтесь, пока не выйдем. И не ешьте. Если мы немного похудеем, тем лучше.

Баранова сухо заметила:

— Если вы, Аркадий, потеряете семь килограммов, вам будет на пользу. А мы сэкономим энергию во время минимизации.

— Иногда мне в голову приходят умные мысли, — холодно ответил Дежнев. — Сейчас я проверю управление. И если все в порядке, в чем я уверен, мы будем начинать.

Моррисон почувствовал напряженное ожидание в полной тишине, которую нарушал тихий свист Дежнева, склонившегося над пультом управления.

Дежнев выпрямился, вытер лоб рукавом и проговорил:

— Все в порядке. Товарищи леди, товарищ джентльмен и товарищ американец, начинается фантастическое путешествие... — он закрепил наушник на правом ухе, у рта поправил крохотный микрофон и произнес: — Внутри все работает. Снаружи все готово? Что ж, очень хорошо, пожелайте нам счастливого пути, товарищи.

Казалось, ничего не произошло.

Моррисон бросил короткий взгляд на Калныню. Она все так же была неподвижна, но, казалось, заметила, что он смотрит на нее, и проговорила:

— Да, мы уменьшаемся.

Кровь зашумела в ушах Моррисона.

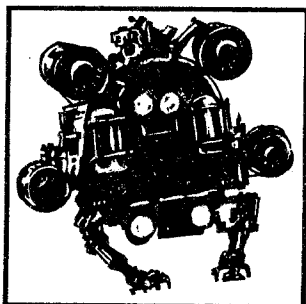
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

АРТЕРИЯ

*«Если поток несет тебя туда,
куда ты хочешь, не сопротивляйся».*

Дежнев Старший.

36.

Взгляд Моррисона сосредоточился на углублении, где находился компьютер с его программой. Программа — единственный материальный объект, который оставался от давнего прошлого.

Давнего прошлого? Прошло менее ста часов с тех пор, как он, борясь со сном, пытался слушать скучное выступление в последний день конференции и размышлял, каким образом можно спасти свое положение в университете. За сто объективных часов прошло сто субъективных лет. Он больше не мог ясно представить себе уни-

верситет или свою жизнь, полную грустного разочарования, до конца. Сто часов назад он бы многое отдал, чтобы вырваться из однообразной бесполезной борьбы. Еще больше, гораздо больше он отдал бы, чтобы сейчас опять туда вернуться. Проснуться и узнать, что никогда не было этих последних ста часов (или лет).

Он посмотрел направо через прозрачную стену корабля, полузакрыв глаза и как бы не желая ничего видеть. Он все делал без желания. Он не хотел видеть, как все вокруг увеличивается. Это противоречило его необузданной надежде, что процесс минимизации прервется и что все, каким-то образом, окажется иллюзией.

Но ему на глаза попался человек. И он был высотой более двух метров. Появились и другие. Неужели все такие высокие?

Он откинулся на сиденье и больше не смотрел наружу. Этого было достаточно. Он понял, что процесс минимизации неумолимо продолжался. Тишина внутри была гнетущей и невыносимой. Моррисон почувствовал, что ему необходимо услышать чей-нибудь голос. Хотя бы свой собственный.

Калныня слева от него — одна из всех, с кем проще всего заговорить. Возможно, из всего трудного выбора она являлась лучшим вариантом. Моррисона не устраивали неуместные шутки Дежнева, сосредоточенность Барановой в одном направлении и мрачная напряженность Конева. Он выбрал холодную грусть Калныни.

Он спросил:

— Как мы попадем в тело Шапирова, Софья?

Казалось, Калныня не сразу услышала его. Запоздало ее губы шевельнулись, и она ответила шепотом:

— С помощью инъекции.

Затем, как будто напрягшись, она решила быть общительной. Повернувшись к нему, сказала:

— Когда мы достигнем нужных размеров, нас поместят в шприц и введут в левую сонную артерию академика Шапирова.

— Нами играют, как в кости, — ужаснулся Моррисон.

— Вовсе нет. Будет сложно, но все тщательно продумано.

— Откуда вы знаете? Это делается первый раз. В корабле. В шприце. В человеческом теле.

— Верно, — ответила Калныня, — но все проблемы — конечно, более простые — прорабатывались долгое время. И накануне проводились семинары, посвященные данной миссии. Вы ведь не думаете, что слова Аркадия перед началом минимизации о туалетной бумаге и тому подобном были новостью для нас, не так ли? Мы знали об этом и раньше. Это делалось ради вас, так как вы не посещали семинаров, и ради самого Аркадия тоже, так как он любит покрасоваться.

— Объясните мне, что будет происходить.

— Хорошо. Пока мы не уменьшимся до сантиметра, работать не будем. Понадобится еще двадцать

минут, но не все будет так медленно проходить. Чем меньших размеров мы достигнем, тем, соответственно, быстрее будем уменьшаться. Вы пока себя плохо не чувствуете?

Моррисон просчитал скорость ударов сердца, скорость дыхания и ответил:

— Нет. — Заметив, что сказал это чрезмерно оптимистично, он добавил: — По крайней мере, пока.

— Что ж, ладно. — Калныня закрыла глаза, как бы показывая, что устала от разговора.

Моррисон решил, что это неплохая идея, и тоже последовал ее примеру.

Возможно, он действительно уснул или просто впал в защитное состояние полудремы. Он не заметил, как прошло время, пока не почувствовал толчок.

Широко раскрыв глаза, он обнаружил, что находится примерно на сантиметр над сиденьем. С каждым движением воздуха он чувствовал странное свое перемещение.

Баранова задвигалась на заднем сиденье и, положив руки ему на плечи, предупредила:

— Альберт, наденьте пристежные ремни. Софья, покажи ему. Извините, Альберт, мы должны были все это проделать перед стартом, но у нас было мало времени. Да и вы нервничали. Мы не хотели доводить вас до состояния полной беспомощности, обрушив на вас такой поток информации.

К своему удивлению, Моррисон не чувствовал себя

беспомощным. Он, скорее, испытывал удовольствие от ощущения невесомости.

Калныня нажала на край своего сиденья между колен, и ремень вокруг ее талии расстегнулся. Моррисон был уверен, что ремня на ней не было. Она повернулась к нему и сказала:

— Здесь, слева, ваше устройство, выпускающее ремень.

Моррисон не мог не почувствовать, как, освободившись от ремня, она слегка приподнялась с сиденья и прильнула к нему. Софья нажала на устройство. С легким свистом выстрелил гибкий ремень, плетенный из светлого пластика, и обернулся вокруг него, спрятав тройной наконечник в кресле с другой стороны. Он оказался как бы в упругой сети.

— Если вы хотите освободиться, здесь, прямо между колен, — расцепляющий механизм.

Калныня наклонилась к нему ближе, чтобы показать место, и Моррисон почувствовал удовольствие от прикосновения ее тела.

Казалось, она не заметила этого. Справившись со своей задачей, она откинулась на сиденье и заново застегнула ремень.

Моррисон быстро оглянулся вокруг, вытягиваясь вверх и вперед, насколько позволял ремень, и выглядывая с трудом через плечо Конева. Все пятеро были пристегнуты.

Он сказал:

— Мы уменьшились до такой степени, что стали очень мало весить, не так ли?

— Вы сейчас весите всего лишь двадцать пять миллиграмм, — заметила Баранова, — так что вы даже можете чувствовать себя невесомым. К тому же, корабль поднялся.

Моррисон посмотрел на Калныню осуждающе. Она слегка пожала плечами и сказала:

— Я помню, что обещала вам все объяснять по ходу, но вы, кажется, заснули, и я подумала, что лучше оставить вас в покое. Качка при движении разбудила вас и вытряхнула из кресла.

— Качка? При движении?

Он посмотрел в сторону. Ему показались какие-то тени, но стены уже были непрозрачными, и он уже было выбросил это из головы. Но вдруг вспомнил, что стены корабля прозрачные, опять догадался, что свет снаружи выключен.

Калныня кивнула головой:

— Движение крепко держит нас и помогает сохранять равновесие, поэтому нас излишне не трясет. Оно кажется ужасным, но это очень незначительное и искусно смягченное обивкой движение. А мы уже помещены в маленький резервуар с соляным раствором. Мы также сохраняем равновесие, благодаря потоку воздуха, всасываемому верхней насадкой. Нас толкает в сторону насадки. Таким образом, нас удерживает сила, действующая в трех направлениях.

Моррисон опять взглянул наружу. Предметы за стенами корабля, не скованные движением и потоком воздуха вверх, могли бы быть видимы, но Моррисон их не видел. Он уловил отрывочные блики

света и тени и понял, что все, что находится снаружи, настолько велико, что его просто невозможно рассмотреть. Если фотоны, достигающие корабль, не подвергаются минимизации, попадая в поле, они будут вести себя как длинные радиоволны, совершенно невидимые.

Он почувствовал, как корабль опять внезапно пошатнулся и даже двинулся назад, хотя в действительности движение происходило незаметно. Каждый момент все менялось. Движение — в его масштабе — невозможно было рассмотреть.

Затем его слегка приподняло вверх, и сдерживающий его ремень натянулся, корабль пошел вниз. За этим последовало ощущение медленного приседания.

Дежнев указал на темную горизонтальную линию, которая медленно двигалась вверх и вниз по стене корабля, и произнес с удовлетворением:

— Это поверхность воды. Я думал, что сейчас буду двигаться сложнее. Очевидно, здесь почти такие же хорошие инженеры, как я.

Баранова заметила:

— Собственно говоря, мастерство инженеров здесь ни при чем. Нас удерживает давление поверхности. Оно оказывает свое действие, только когда мы находимся на поверхности потока. Как только мы попадем в тело Шапирова, его воздействие на нас прекратится.

— Но этот эффект волны, Наташа? Это движение вверх-вниз? Разве оно совсем не влияет?

Баранова внимательно следила за приборами и

особенно за маленьким экраном, на котором горизонтальная линия, казалось, застыла навсегда, не смещаясь от центра. Моррисон старался рассмотреть ее, поворачиваясь и приподнимаясь до боли.

— Она непоколебима, — сказала Баранова, — как твоя рука, когда ты трезвый, Аркадий.

— Лучше не бывает, а? — громко рассмеялся Дежнев.

«Он выглядит оживленным», — подумал Моррисон тревожно, — и что это на него подействовало?»

— А что сейчас происходит? — спросил Моррисон.

Насколько помнил Моррисон, Конев заговорил впервые с начала минимизации:

— Вы все хотите знать?

Моррисон сердито ответил:

— Да! Вам все объяснили. Почему мне нельзя знать всего?

Баранова успокоила всех:

— Альберт абсолютно прав. Юрий, пожалуйста, будь благоразумным. Достаточно скоро тебе понадобится его помощь, и я надеюсь, он не настолько невоспитан, чтобы огрызаться.

Конев передернул плечами, но ничего не ответил.

Баранова объяснила:

— Мы попадем в цилиндр шприца, Альберт. Это произойдет с помощью дистанционного управления.

И, как будто дождавшись ее слов, сзади опустилась тень, которая почти моментально поглотила их. Какое-то время впереди маячил свет, но потом и он исчез.

Баранова опять спокойно заметила:

— Игла уже готова. А сейчас нам нужно подождать немного.

Корабль изнутри, где было совершенно темно, вдруг наполнился белым светом, пожалуй, более мягким и спокойным, чем раньше, и Баранова сказала:

— С этого момента и до конца эксперимента не будет внешнего света. Мы должны полагаться только на наше внутреннее освещение, Альберт.

Пораженный Моррисон начал искать источник света вокруг. Казалось, что свет излучали сами прозрачные стены. Калныня, поняв его взгляд, объяснила:

— Электролюминесценция.

— Но где источник?

— У нас имеется три двигателя из микросплава.

— Она гордо на него посмотрела. — Самые лучшие в мире. — И повторила: — В мире.

Моррисон промолчал. Он захотел вдруг рассказать об американских двигателях из микросплава на последних космических кораблях, но какой в этом был смысл? Когда-нибудь мир освободится от национальной лихорадки, но этот день еще не пришел. И пока эта лихорадка не выливалась в насилие или в угрозу насилия, ее можно было переносить.

Дежнев, откинувшись на кресле, подложив руки за шею и, очевидно, обращаясь к мягко светящейся стене, проговорил:

— Когда-нибудь мы увеличим шприц, поместим в

него корабль нормальных размеров и все это уменьшим. Тогда нам не надо будет маневрировать в маленьких масштабах.

Моррисон спросил:

— А можете вы делать другое? Как вы это называете? Максимализация? Гигантизация?

— Мы никак это не называем, — резко ответил Конев, — потому что это невозможно сделать.

— Может, все-таки придет время.

— Нет, — сказал Конев, — никогда. Это физически невозможно. Для минимизации требуется огромное количество энергии, а уж для максимализации — просто бесконечное.

— Даже если рассматривать это с точки зрения теории относительности?

— Даже таким образом.

Дежнев губами издал не совсем приличный звук:

— Это для вас физически невозможно. Что ж, посмотрим...

Конев, обидевшись, промолчал. А Моррисон спросил:

— Чего же мы ждем?

Ответила Баранова:

— Шапиров пройдет последние приготовления, затем игла будет введена в сонную артерию.

Пока она говорила, корабль резко дернулся вперед.

— Еще нет. Это они просто удаляют пузырьки воздуха. Не волнуйся, Альберт. Когда все начнется, мы узнаем.

— Откуда?

— Они передадут. Аркадий поддерживает с ними связь. Это не сложно. Фотоны радиоволны минимизируются, проходя границу, а затем, возвращаясь, подвергаются максимализации. На это идет совсем немного энергии — даже меньше, чем в случае со световыми волнами.

— Пора двигаться к основанию иглы, — сказал Дежнев.

— Ну что ж, — откликнулась Баранова, — по крайней мере, испытаем действие движущейся энергии во время минимизации.

Нарастающий грохот достиг предела и превратился в глухое гудение. Моррисон повернул голову, насколько позволяли привязные ремни, старясь разглядеть происходящее сзади.

Вода за ними вспенивалась, словно от вращения мельничных колес. При отсутствии какой-либо точки отсчета снаружи было сложно определить, насколько быстро они движутся. Моррисону движение казалось медленным.

— Мы намного продвинулись? — спросил он.

— Нет, но в этом нет необходимости, — ответила Баранова, — не к чему тратить энергию на повышение скорости. Ведь мы пробиваемся сквозь молекулы нормальной величины, а это означает преодоление высокой плотности.

— Но с микроплазменными двигателями...

— Энергия нужна нам на многое другое.

— Да я просто думаю, сколько времени нам

понадобится, чтобы достигнуть ключевых точек мозга.

— Поверьте мне, — сердито сказала Баранова, — я тоже весьма заинтересована в этом, но ведь есть еще и артериальный поток крови, который доставит нас к нужной точке.

— Мы на месте. Видите? — воскликнул Дежнев.

Прямо перед ними, в свете прожектора, виднелся какой-то круг. Моррисон не сомневался, что это — основание иглы.

Из конца иглы они попадут прямо в ток крови Петра Шапирова и окажутся действительно внутри человеческого тела.

37.

— Наталья, мы слишком велики для того, чтобы пройти сквозь иглу, — сказал Моррисон. Он снова засомневался: опять пришла мысль, что весь эксперимент, возможно, провалится. Если минимизация не будет достаточной, чтобы преодолеть иглу, им придется подвергнуться деминимизации, и тогда со всем будет покончено.

Но выше этого, тщательно скрываемого, чувства было некое разочарование: зайти так далеко и вдруг отказаться от проникновения внутрь мозга человека и исследования его нервных клеток? Естественно, он не был ни отчаянным смельчаком, ни покорителем высот и поэтому мог отказаться от эксперимента — а он уже действительно был готов в ужасе повернуть

назад — но, подвергнувшись минимизации, зайдя так далеко, преодолев столько препятствий, мог ли он не хотеть продолжения?

И над всеми его противоречивыми чувствами было реальное осознание, что эти люди не могли быть настолько глупы, чтобы иметь дело с кораблем, который не сможет миновать иглу. Невозможно было даже вообразить такое.

И Баранова, словно уловив его мысль, почти безразлично сказала:

— Да, конечно, сейчас мы еще слишком велики, но мы не останемся такими. В этом и заключается моя работа.

— Ваша? — озадаченно переспросил Моррисон.

— Конечно. Мы были уменьшены до теперешнего размера с помощью приборов центра. А теперь окончательная минимизация будет проведена мной.

Калныня пробормотала:

— И это одна из причин, по которой мы должны, насколько возможно, беречь наши микроплазменные двигатели.

Моррисон переводил взгляд то на одного собеседника, то на другого.

— У нас на борту действительно имеется достаточно энергии для продолжения минимизации? У меня сложилось впечатление, что большое количество энергии требуется для...

— Альберт, — перебила Баранова, — в том случае, если бы гравитация подверглась квантизации, нам понадобилось бы такое же огромное количество

энергии, чтобы уменьшить массу наполовину, независимо от начального значения. Одинаковая энергия требуется для уменьшения в два раза массы мыши и массы слона. Но гравитация не подвержена квантизации, как не подвержено ей и уменьшение веса. Следовательно, энергия, необходимая для уменьшения массы, растет в зависимости от величины уменьшения. Сейчас наша масса настолько мала, что дальнейших затрат энергии потребуется совсем немного.

Моррисон возразил:

— Но до сих пор вы ни разу не уменьшали на такую величину тело размером с наш корабль. Вы занимаетесь экстраполяцией объектов совсем другого масштаба. («Они не с ребенком разговаривают, — сердито подумал он, — я такой же, как они».)

— Да, — согласилась Баранова. — Но мы надеемся, что экстраполяция пройдет, как обычно, без неожиданных сюрпризов. В любом случае, мы живем во Вселенной, которая постоянно преподносит нам неожиданности. И ничего с этим не поделаешь.

— Но если что-то пойдет не так, все мы погибнем.

— А вы не знали этого? — спокойно спросила Баранова. — Вы решились испытать все трудности нашего фантастического путешествия только для того, чтобы почувствовать удовольствие от их преодоления? Не только мы вовлечены в это. Если что-нибудь случится и энергия минимизации будет освобождена, она уничтожит не только нас, она может в какой-то мере повредить Гроту. Уверена,

что большинство из тех, кто не подвергался минимизации, сейчас с замиранием сердца думают: а уцелеем ли мы при взрыве? Видите, Альберт, даже те, кто не подвергается риску минимизации, в безопасности не находятся.

Дежнев повернулся к ним и скривился в усмешке. Моррисон заметил, что один из верхних коренных зубов был вставным и явно отличался по цвету от остальных, имеющих желтоватый оттенок.

— Друзья мои, — сказал Дежнев, — постарайтесь сконцентрироваться на мысли, что даже если что-то произойдет, вы никогда об этом не узнаете. Мой отец любил говорить: «Уже если суждено умереть, единственное, о чем можно просить, это о быстрой и неожиданной смерти».

Моррисон заметил:

— То же самое говорил Юлий Цезарь.

Дежнев согласился:

— Да, но у нас-то не будет времени сказать: «И ты, Брут...»

— Мы не погибнем, — резко вставил Конев. — Глупо говорить об этом. Расчеты абсолютно верны.

— Ах, — вздохнул Дежнев. — Были времена, когда люди полагались на защиту Бога, теперь нам остается полагаться только на правильность расчетов.

— Не смешно, — выдавил Конев.

— А я и не хотел быть смешным, Юрий.

— Наташа, они там, в центре, готовы продолжать эксперимент.

— Тогда хватит размышлений. Продолжаем.

Моррисон плотно вжался в сиденье, подготавливая себя к главному. Но ничего не почувствовал, однако заметил, что круг, четко видимый ранее, становится все более размытым и словно медленно удаляется. Наконец он пропал.

— Мы движемся? — машинально спросил он. Это был вопрос, от которого он не мог удержаться, несмотря на то, что ответ был ясен.

— Да, — сказала Калныня, — и при этом не тратим энергии, не пробиваемся сквозь молекулы воды. Внутри иглы нас несет поток, который приводится в движение давлением цилиндра шприца.

Моррисон считал про себя. Так ему лучше удавалось занять свои мысли, чем следить за секундной стрелкой часов.

Досчитав до ста, он спросил:

— Сколько времени нужно для этого?

— Нужно для чего? — переспросила Калныня.

— Для того, чтобы попасть в ток крови? — ответил Дежнев. — Несколько минут. Они перемещают нас очень медленно на случай возникновения микроволнений среды. Как говорил мой отец: «Тише едешь — дальше будешь!»

— Мы все еще подвергаемся минимизации? — со вздохом спросил Моррисон.

Стоя за ним, Баранова ответила:

— Нет, мы уже уменьшились до клеточного уровня. Этого достаточно.

Моррисон весьма удивился, заметив, что его бьет дрожь. После всего, что произошло, появилось

столько нового для обдумывания, что для страха просто не осталось места. Страх не было. Во всяком случае, острого. Тем не менее, он продолжал дрожать.

Он попытался расслабиться. Но для этого требовалась не только воля, но и гравитация, так что попытка была бесполезной. Он просто закрыл глаза, замедлил дыхание. И попытался тихонько напеть мелодию Девятой симфонии Бетховена.

Наконец, он почувствовал себя в состоянии говорить.

— Извините, — пробормотал он, — кажется, я здорово дрожал.

Дежнев встрепенулся:

— Ага! А я-то все думаю, кто же первый признается?

— Это не вы дрожите, Альберт, — сказала Баранова. — Мы все чувствуем легкую дрожь. Это корабль.

Моррисон сразу же отреагировал:

— С ним что-то случилось?

— Нет, это связано с его теперешним размером. Корабль настолько мал, что на него действует даже броуновское движение. Вы знаете, что это такое?

Это был чисто риторический, формальный вопрос. Поверив, что выпускник физического факультета знает о броуновском движении, она оставила Моррисона в покое. Моррисон же вдруг обнаружил, что в уме пытается изложить свою концепцию броуновской теории.

Каждый объект, погруженный в жидкость, со всех сторон подвергается ударам атомов или молекул. Эти частички сталкиваются беспорядочно, но эта беспорядочность настолько незаметна из-за малого размера частиц в сравнении с телом, что не порождает заметного эффекта.

Если же объект уменьшится, эффект от броуновского движения станет заметнее, потому что все меньшее и меньшее количество частиц будет ударяться о него в единицу времени:

Корабль был сейчас достаточно мал, чтобы реагировать на беспорядочные толчки частиц и летать из стороны в сторону. А легкое движение и создавало эффект дрожания.

— Да, мне следовало раньше подумать об этом, — сказал Моррисон. — Дрожание будет возрастать при дальнейшем уменьшении.

— Безусловно нет, — возразила Баранова, — появятся другие, противодействующие эффекты.

— Я не знаю ни одного, — насупившись, пробормотал Моррисон.

— И тем не менее, они появятся...

— Оставь это теории, — нарочно благочестивым тоном посоветовал Дежнев, — теории известно все.

Моррисон заметил:

— Думаю, эта вибрация может вызвать морскую болезнь.

— Конечно, может, — сказала Баранова, — но против нее имеется специальный химический пре-

парат, сходный с тем, который используют космонавты. Нам ввели его.

— А мне — нет, — мрачно заметил Моррисон. — Мне не только не ввели его, но даже не предупредили об этом.

— Мы старались давать как можно меньше информации о всех неудобствах и опасностях для вашего же спокойствия, Альберт. Что же касается препарата, то вы приняли его за завтраком. Как вы себя чувствуете?

Моррисон, который от этих разговоров о морской болезни уже начал чувствовать легкие позывы к рвоте, решил, что чувствует себя прекрасно. Изумившись, он подумал, что сейчас мозг легко подчиняет себе тело. Он тихо сказал:

— Терпимо.

— Хорошо, — констатировала Баранова, — потому что мы уже находимся в токе крови академика Шапирова.

38.

Моррисон всматривался в прозрачную стену корабля. Кровь? Он ожидал увидеть нечто красное. И что же? Он даже слегка прищурился, но не разглядел ничего. Даже света прожектора. Вот так же он мог ничего не увидеть, находясь в лодке, дрейфующей на спокойной поверхности озера в темную безлунную ночь.

Неожиданно он подумал о другом. Строго говоря,

свет внутри корабля имел длину волн гамма-лучей. Хотя такая длина являлась результатом минимизации обычного видимого света, для минимизированной в такой же степени сетчатки глаз эти волны внутри корабля все же являлись световыми и имели их свойства.

Снаружи, за корпусом, где заканчивалось действие минимизации, фотоны увеличивались до размера обычных, а те, которые возвращались к кораблю, уменьшались, пересекая границу поля минимизации. Другие, возможно, уже привыкли к этой парадоксальной ситуации, но у Моррисона попытки осознать эффект существования некоего минимизированного островка в море нормальной жизни вызывали головкружение. Была ли граница, разделяющая минимизированный мир и нормальный, видимой?

Занятый этой мыслью, он шепотом спросил Калныню, склонившуюся над своими приборами:

— Софья, когда световые волны покидают поле минимизации, они отдают тепловую энергию, а когда, отраженные, возвращаются в корабль, то для того, чтобы снова минимизироваться, они поглощают энергию. Эту энергию они получают от нас. Я прав?

— Абсолютно, — ответила Калныня, не отрывая глаз от приборов. — Наше использование света порождает небольшую, но постоянную потерю энергии, однако наши двигатели позволяют восполнить ее. Так что потеря незначительна.

— А мы сейчас действительно находимся в потоке крови?

— Да. И бояться этого не надо. Наталья, возможно, скоро включит наружное освещение, и ты сможешь лучше разглядеть все снаружи.

В эту же минуту Баранова подала сигнал:

— Готово! А теперь можно отдохнуть несколько минут.

Вспыхнули огни. Сразу смутно стали видны объекты вне корабля. Он все еще не мог хорошо рассмотреть их, но среда снаружи больше не казалась однородной. В ней плавали какие-то объекты. Пожалуй, это действительно, была кровь.

Моррисон пошевелился, ощущая неловкость от ремней:

— Но если мы находимся в потоке крови, температура которой 37 градусов по Цельсию, мы...

— Температура в корабле регулируется с помощью кондиционеров, — сказала Калныня. — Поверьте, Альберт, мы продумали все.

— Вы-то, возможно, продумали. Но я к этому отношения не имел. Как вы сможете регулировать температуру, не имея на борту вентиляции?

— Вентиляции действительно нет, но имеется воздушное пространство снаружи. Микроплазменные двигатели выбрасывают поток субатомных частиц, масса которых после минимизации почти равняется нулю. Благодаря этому они движутся почти с околосветовой скоростью, проходя через материалы так же легко, как нейтрино. Меньше чем через секунду они

оказываются во вне корабля, унося тепловую энергию, — температура внутри корабля понижается. Теперь ты понял?

— Понял, — пробормотал Альберт. Это было вроде бы оригинальное решение, но, в конце концов, вполне очевидное для тех, кто привык мыслить категориями минимизации.

Моррисон заметил, что лампочки на пульте, за которым сидел Дежнев, как и на приборах Калныни, светились. Он с усилием приподнялся, пытаясь увидеть дисплей компьютера Конева.

Увиденное Моррисон принял за схему кровообращения шейной области. Натянувшиеся ремни безопасности вынудили его снова сесть, он успел заметить на экране маленькую красную точку, отмечающую положение корабля в сонной артерии.

Ему потребовалось несколько минут, чтобы восстановить дыхание после борьбы с ремнями.

Ниша, в которой был установлен его компьютер, ярко светилась, и ему пришлось, подняв левую руку, заслонить лицо. Потом он стал всматриваться...

Он разглядел нечто, напоминающее стену или какой-то барьер. Барьер отдалялся, приближался, потом снова отдалялся и снова приближался, так продолжалось довольно долго. Автоматически он взглянул на часы, следя за стрелкой в течение нескольких секунд. Очевидно, это была пульсация артериальной стенки.

Обращаясь к Калныне, он тихо сказал:

— Судя по всему, минимизация не оказывает

влияния на течение времени. Во всяком случае, сердце бьется в нормальном режиме, несмотря на то, что я гляжу на это глазами, подвергнутыми минимизации, и измеряю время с помощью минимизированных часов.

Ответил ему Конев:

— Время не подвержено видимой квантизации или, по крайней мере, влиянию поля минимизации. Хотя, возможно, это одно и то же. Это удобно. Если же считать время изменяющимся, возникнет слишком много осложнений.

Моррисон молча согласился и стал думать о другом.

Если они находятся внутри артерии и корабль приводится в крови, то движение это должно происходить так: один толчок на каждое сжатие сердца. (А сердце находится так далеко, учитывая их теперешние размеры). И если все это действительно так, он должен был ощущать эти толчки.

Он закрыл глаза, затаил дыхание, стараясь остаться неподвижным, ощущая только дрожание броуновского движения. С ним ничего нельзя было поделать.

Однако вот оно. Сначала слабый, но отчетливо ощущаемый толчок назад в начале движения, затем — толчок вперед...

Но почему толчок был таким плавным? Почему его тело не бросало назад и вперед, как при сильной качке?

Тут он и подумал о массе собственного тела:

конечно, при такой крошечной массе сила инерции была тоже очень малой. Кроме того, естественная вязкость потока крови давала очень сильный смягчающий эффект, и толчки, таким образом, практически полностью поглощались броуновским движением.

Моррисон почувствовал, что ему наконец удалось расслабиться, напряжение внутри уменьшилось. Окружающий его минимизированный мир оказался неожиданно благосклонным.

Он снова повернулся к прозрачной стене корабля, пристально разглядывая пространство между кораблем и артериальной стенкой. Он видел бледно очерченные пузырьки — нет, не пузырьки, а некие частицы, субстанции. Их было много. Некоторые медленно поворачивались, изменяя видимую форму. Он видел: это были не сферы, а диски.

И тут его осенило. Ему даже стало стыдно за себя. Почему ему понадобилось так много времени, чтобы убедиться, что они находятся в кровяном потоке? Но и на этот вопрос он уже мог ответить. Однако все еще не мог поверить, что они действительно плывут в потоке артериальной крови. Легче было вообразить, что находишься в подводной лодке, плывущей в океане. Естественно, он ожидал увидеть знакомые признаки океана и был бы страшно удивлен, если бы его ожидания не сбылись.

Он увидел красные кровяные тельца — эритроциты. И не узнал их. Конечно, они были не красными, а бледно-желтыми, в результате поглощения корот-

ких световых волн. Соберите их в массу — в миллионы и миллиарды — и они поглотят огромное количество света, чтобы стать красными, как артериальная кровь.

Когда клетка получает кислород, который несут красные кровяные тельца, цвет ее становится бледно-голубым, а в массе голубовато-пурпурным.

Он с интересом наблюдал за эритроцитами и видел их теперь, после того как верно распознал, вполне ясно.

Они имели форму двояковыпуклых дисков с вдавленными центрами. Моррисону они казались огромными, учитывая, что в нормальных условиях они были микроскопически малыми: примерно семь с половиной микронов в диаметре и немного более двух микронов толщиной. Сейчас они выглядели раздувшимися частицами размером с ладонь.

Он мог видеть сразу большое количество эритроцитов. Они имели тенденцию сливаться, как бы формируя монетные столбики. И они все время двигались.

Одни кровяные тельца отделялись от столбиков, другие присоединялись. И всегда видны были несколько одиночных эритроцитов.

— Я догадался, — сказал Моррисон, — мы просто плывем по течению.

— Правильно, — ответила Калныня, — это сохраняет энергию.

Но, при пристальном рассмотрении, красные кровяные тельца не были совершенно неподвижны от-

носительно корабля. Моррисон заметил, что одна частичка медленно приближалась к кораблю, возможно, под действием микротурбулентности или от толчков броуновского движения.

Эритроцит столкнулся с корпусом корабля и моментально отскочил от пластика.

Моррисон повернулся к Калныне:

— Вы видели, Софья?

— Красное кровяное тельце столкнулось с нами? Да.

— Почему оно не минимизировалось? Ведь оно явно перешло границу поля?

— Не совсем, Альберт. Оно было отброшено полем, которое на небольшом расстоянии окружает любой минимизированный объект, например наш корабль. Существует определенная сила отталкивания между нормальными и минимизированными объектами. И чем больше поле минимизации, тем больше отталкивание. Именно поэтому очень маленькие объекты, такие, как минимизированные атомы субатомных частиц, проходят сквозь материалы, не взаимодействуя с ними. По этой же причине состояние минимизации является метастабильным.

— Что вы имеете в виду?

— Любой минимизированный объект всегда находится в окружении объектов нормальных, за исключением, конечно, полного вакуума. Если ничего не будет удерживать нормальный объект вне поля, то рано или поздно он подвергнется минимизации. В процессе этого он будет забирать энергию миними-

зированных объектов. Потеря энергии будет значительной, и минимизированный объект вновь увеличится до нормального размера. В действительности было бы невозможно проводить минимизацию, если бы вся энергия, переданная минимизированному объекту, сейчас же им терялась. Это была бы попытка минимизировать бесконечную Вселенную. Конечно, в нашем случае сила отталкивания не так велика. Если столкновение красного кровяного тельца с поверхностью будет достаточно сильным, минимизация в какой-то степени, возможно, произойдет.

Моррисон обернулся и почти сразу его взгляд упал на определенно поврежденный эритроцит.

— А не результат ли это слишком стремительного приближения к нам? — спросил Моррисон.

Калныня повернулась к Моррисону, чтобы лучше видеть, на что он указывал.

Красные кровяные тельца живут всего сто двадцать дней. Бедняжки быстро изнашиваются и погибают. В общем объеме крови десятки их погибают каждую минуту, так что поврежденные эритроциты будут вполне обычным явлением. И это хорошо, а то ведь, если нам придется включить двигатели, мы повредим несколько эритроцитов, но даже если и несколько миллионов, для Шапирова это не будет иметь значения. Мы просто не сможем разрушить количество эритроцитов, превышающее естественные потери.

Моррисон спросил:

— А как насчет тромбоцитов? Должно быть, — он

показал, — то, что я вижу сейчас — тромбоцит? Он имеет форму чечевицы и вполтину меньше красных телец.

Помедлив немного, Калныня кивнула:

— Да, теперь вижу. Это — тромбоцит. Один из них приходится на двадцать эритроцитов.

Моррисон как раз подумал о том же. Если бы он, находясь на карусели, фиксировал взглядом мелькающие кольца, то каждый эритроцит был бы обычным стальным кольцом, а редко встречающийся тромбоцит — долгожданным медным.

Моррисон сказал:

— На мой взгляд, Софья, тромбоциты более хрупки, чем красные кровяные тельца, и, погибая, они порождают процесс свертывания крови. Если мы повредим большое их количество, то создадим тромб в артерии. У Шапирова случится еще один приступ, и он умрет.

Баранова, которая прислушивалась к их разговору, вмешалась:

— Во-первых, тромбоциты не такие уж хрупкие. Они могут слегка удариться о корабль и отскакивать без всякого вреда. Опасность повторного приступа кроется в артериальной стенке. Тромбоциты двигаются относительно внутренней поверхности сонной артерии гораздо быстрее, чем относительно корабля. Кроме того, внутренняя стенка артерии может быть покрыта холестерином и жировыми бляшками. Следовательно, поверхность артериальной стенки гораздо более шершавая и неровная, чем гладкий пласти-

ковый корпус нашего корабля. Именно на стенке сосуда может сформироваться тромб. Но даже эта опасность невелика. Один тромбоцит или несколько сотен могут быть повреждены. Однако этого недостаточно для образования тромба, который не рассосется. Чтобы это произошло, необходимо погибнуть огромному количеству тромбоцитов.

Моррисон разглядывал тромбоцит, который то пропадал, то снова появлялся среди бесчисленных красных кровяных телец. Он хотел увидеть, что произойдет, если тромбоцит столкнется с кораблем. Тромбоцит, однако, не хотел этого и держался на расстоянии.

Тут Моррисону и пришло в голову, что тромбоцит тоже был размером с его ладонь. Как это могло быть, если его диаметр составлял только половину диаметра эритроцита, а эритроциты сами были величиной с его руку?

Он нашел глазами красное кровяное тельце и убедился, что оно уже больше ладони.

Озабоченно он заметил:

— Объекты снаружи становятся больше.

— Естественно, ведь минимизация продолжается, — бросил Конев, явно раздраженный неспособностью Моррисона сделать верные выводы из очевидного факта.

Баранова успокоила:

— Все в порядке, Альберт. Сонная артерия по мере нашего продвижения становится уже, и мы должны сохранять соответствующий ей размер.

Дежнев добродушно заметил:

— Не хочется застрять в этой трубке из-за того, что окажешься слишком толстым.

Через минуту другая мысль осенила его, и он добавил:

— Знаешь, Наталья, никогда еще в жизни я не был таким худым.

Баранова безразлично ответила:

— В системе исчисления постоянной Планка ты такой же толстый, как всегда, Аркадий.

Моррисон был не расположен к пустому подшучиванию:

— А до какого размера мы будем уменьшены, Наталья?

— До размера молекул, Альберт.

И снова на него волной нахлынули опасения.

Моррисон чувствовал себя дураком, не поняв сразу, что они еще подвергаются минимизации. И в то же время он жутко обижался на Конева за то, что тот указал всем на его глупость. Беда в том, что все думали и жили категориями минимизации в течение лет, а он, будучи новичком, с трудом вбивал эту концепцию себе в голову. Неужели они могли радоваться его трудностям?

Он задумчиво рассматривал красные кровяные тельца. Они явно стали больше размером. В поперечнике шире его грудной клетки, а их края не казались такими острыми. Поверхность эритроцитов дрожала, словно желе.

Он, тихо переспросил, обратившись к Калныне:

— До размера молекул?

Калныня быстро взглянула на него, затем отвернулась и ответила:

— Да.

Моррисон продолжал:

— Не знаю, почему это беспокоит меня, принимая во внимание тот ничтожный размер, до которого мы уже минимизировались, но мысль о том, чтобы быть размером с молекулу, почему-то здорово пугает. А насколько мала молекула?

Калныня пожала плечами:

— Не знаю. Это вопрос Натальи. Размером с вирус, возможно.

— Но ведь никто никогда не делал ничего подобного.

Калныня покачала головой:

— Мы вторгаемся на неисследованную территорию.

Возникла пауза, потом Моррисон с трудом спросил:

— Неужели вы не боитесь?

Она смотрела на него сердито, но все же ответила шепотом:

— Конечно, боюсь. За кого вы меня принимаете? Глупо не бояться, когда для этого есть объективные причины. Я боялась, когда меня изнасиловали. Боялась, когда была беременна, боялась, когда меня бросили. Я провела полжизни в страхе. Такое с каждым может быть. Именно поэтому люди так много пьют. Чтобы заставить себя забыть страх,

который постоянно держит их. — Она просто цедила слова сквозь стиснутые зубы. — Вы что, хотите, чтобы я пожалела вас из-за ваших страхов?

— Нет, — пробормотал Моррисон, отшатнувшись.

— Нет ничего интересного в том, что вы боитесь, — продолжала она. — До тех пор, пока ваши действия не подвластны страху, до тех пор, пока вы не позволяете себе бездействовать под влиянием страха, пока не впадаете в истерику, не опускаете рук, — она замолчала на секунду и прошептала, — обвиняйте себя! В свое время у меня были истерики.

Она бросила быстрый взгляд на Коневу, чья спина была прямой и неподвижной. — Но теперь, — начала она снова, — я сделаю свое дело, даже если буду полумертвой от страха. И никто, глядя на меня, не скажет, что я боюсь. И тебе следует вести себя так же, мистер Американец.

Моррисон судорожно сглотнул и сказал:

— Да, конечно.

Но даже для него самого это прозвучало неубедительно.

Он огляделся. Не было никакой необходимости говорить шепотом в таком замкнутом пространстве. Ни один шепот не был достаточно тихим, чтобы не быть услышанным.

Баранова, стоявшая позади Калныни, вроде была занята своими приборами, но на ее лице играла легкая улыбка.

Одобрения? Осуждения? Моррисон не мог определить.

Что касается Дежнева, то он обернулся и сказал:

— Наталья, артерия все еще сужается. Не могла бы ты ускорить процесс?

— Я сделаю все, что нужно, Аркадий.

Взгляд Дежнева остановился на Моррисоне, и он с усмешкой подмигнул ему:

— Не верь крошке Соне, — сказал он деланным шепотом. — Она не боится. Никогда не боится. И просто не хочет оставлять тебя один на один со своими проблемами. У нее очень мягкое сердце, такое же мягкое, как ее...

— Замолчи, Аркадий, — оборвала его Софья. — Не сомневаюсь, твой отец говорил тебе, что не умно так много бренчать в пустом котелке, который ты называешь своей головой, ржавой ложкой, которую ты называешь своим языком.

— Ах, — выдохнул Дежнев, округляя глаза. — Это грубо. Что, действительно, говорил мой отец, так это: «Ни один нож не может быть заточен так остро, как женский язык». Справедливо, Альберт? Достичь молекулярного уровня — это ерунда. Подождите, пока мы научимся соединять теорию относительности с квантовой теорией и с небольшим количеством энергии сможем уменьшить себя до субатомного размера. Вот тогда будет дело.

— Что я вижу? — воскликнул Моррисон.

— Мгновенное ускорение. Мы просто исчезнем.

— Он быстро убрал руки с кнопок пульта, чтобы

показать жестом, сопровождаемым пронзительным свистом, как именно это произойдет.

— Руки на пульт, Аркадий, — прозвучал спокойный голос Барановой.

— Конечно, дорогая. Просто момент оправданной драматизации. Ничего более.

Дежнев повернулся к Моррисону:

— Мы мгновенно достигнем скорости, почти равной скорости света. За десять минут мы сможем пересечь Галактику, за три часа — достигнуть Андромеды, а за два года — ближайшего квазара. А если скорость все еще будет недостаточной, мы продолжим миниатюризацию. Мы достигнем сверхсветовой скорости, мы достигнем антигравитации, мы достигнем всего. Советский Союз продолжит путь ко всему этому.

Моррисон спросил:

— А как вы будете управлять полетом, Аркадий?

— Что?

— Как вы будете управлять всем этим? — серьезно повторил вопрос Моррисон. — Ведь если размер и масса корабля будут уменьшены до таких размеров, он мгновенно вырвется в пространство со скоростью в сотни световых лет в секунду. Это означает, что если бы у вас были триллионы кораблей, они разлетелись бы в разных направлениях — в сферической симметрии, как лучи солнца. Но поскольку корабль у вас только один, он полетит в одном определенном направлении, причем совершенно непредсказуемом.

— Это — проблема для теоретиков, вроде Юрия.

До этого момента Конев не проявлял никакого интереса к разговору, но тут он громко фыркнул.

Моррисон подытожил:

— Я не уверен в том, что стоит развивать подобные путешествия и так беззаботно игнорировать проблему управления ими. Твой отец сказал бы в подобном случае: «Мудрый человек не возводит крышу прежде стен».

— Он мог бы так сказать, — ответил Аркадий, — но в действительности он как-то сказал: «Если найдешь золотой ключ, к которому нет замка, не выбрасывай его. Золото ценно само по себе».

Баранова поднялась со своего места позади Моррисона:

— Хватит болтать и глазеть. Где мы сейчас, Юрий? Мы продолжаем движение?

— На мой взгляд — да, — ответил Конев. — Но я хотел бы, чтобы американец поддержал мое суждение или опроверг его.

— Я не могу сделать ни того, ни другого, пока ремни безопасности держат меня в кресле, — вздохнул Моррисон.

— Ну так расстегни их, — посоветовал Конев, — поплавав немного в невесомости, ты привыкнешь к этому состоянию.

С минуту Моррисон ощупывал ремень, забыв, где находится застежка. Калныня протянула руку и освободила его.

— Спасибо, Софья.

— Ты тоже научись, — безразлично уронила она.

— Поднимись выше, чтобы видеть через мое плечо, — сказал Конев.

Чтобы проделать это, Моррисон сильно оттолкнулся от спинки стоящего впереди сиденья и благодаря ничтожности инерции сейчас же взмыл вверх, ударившись головой о потолок корабля.

Случись это в нормальных условиях, он наверняка заработал бы сотрясение мозга. Но то же уменьшение массы и инерции, что подбросило его к потолку, сразу же опустило его вниз. Причем Моррисон не испытал ни боли, ни давления.

Оказалось, что остановиться — так же легко, как и привести тело в движение. Конев прищелкнул языком:

— Осторожно. Просто подними руку вверх, медленно поверни ее и оттолкнись ею, как пловец. Медленно. Понял?

Моррисон так и сделал. Он медленно начал двигаться. Но, ухватившись за плечо Конева, остановился.

— Посмотри-ка сюда, на цереброграф. Можешь сказать, где мы сейчас находимся?

Моррисон разглядывал невообразимо сложную, трехмерную конструкцию, состоявшую из извилистых ответвлений, разбегавшихся в стороны, словно ходы запутанного лабиринта. В одной из крупных ветвей он заметил маленькую красную точку, медленнодвигающуюся вперед.

Моррисон попросил:

— Не мог бы ты объяснить подробнее, чтобы я определил этот участок мозга?

Конев, еще раз прищелкнув языком, что могло означать нетерпение, поднял на него глаза:

— А это тебе поможет?

— Мы сейчас у коры мозга?

Он узнавал некоторые извилины и борозды.

— Куда мы направляемся?

Картина завораживала. Конев сказал:

— Вот здесь мы войдем в толщу нейронов, в серое вещество. А вот сюда я хотел бы попасть, двигаясь следующим маршрутом...

Он быстро произносил названия участков мозга по-русски, в то время как Моррисон судорожно переводил их в уме на английский.

— Здесь, если я верно понял твои записи, находится основополагающий пункт нейронной сети.

— Два мнения не могут совпасть абсолютно, — заметил Моррисон. — Я не могу с уверенностью указать именно эту точку, ведь каждый мозг — единственный в своем роде. Но, я бы сказал, что участок, к которому вы направляетесь, выглядит обнадеживающе.

— Хорошо, пусть будет так. Если мы достигнем пункта назначения, ты сможешь более точно сказать, находимся ли мы в точке пересечения нескольких ветвей нейронной сети, а если нет, то в каком направлении и как далеко мы должны двигаться, чтобы ее достичь?

— Попытаюсь, — ответил Моррисон с сомнением в голосе. — Но, пожалуйста, запомните, я не давал никаких гарантий относительно своих способностей в этой области. Я ничего вам не обещал. Я не по собственному желанию...

— Мы знаем, Альберт, — перебила Баранова. — Мы только просим, чтобы ты сделал то, что можешь.

— В любом случае, — сказал Конев, — участок, к которому мы направляемся, приблизительно адекватен желаемому, и мы будем там несмотря на то, что течение крови становится медленнее. Кроме того, мы уже уменьшились почти до размера капилляров. Сядь на место и пристегни ремни, Альберт. Я скажу, когда ты будешь нужен.

Моррисону удалось справиться с ремнем без посторонней помощи. И он почувствовал, что даже маленькие победы приятны. «Почти до капиллярного уровня», — думал он, вглядываясь в пространство снаружи.

Стенка сосуда находилась все еще на порядочном расстоянии, но внешний вид ее изменился. Раньше отчетливо пульсирующая стенка выглядела абсолютно однородной. Теперь же Моррисон не замечал пульсации, а стенки казались облицованными кафелем. Это покрытие, как понял Моррисон, состояло из отдельных клеток и значительно утончало стенки сосудов.

Он все еще не мог рассмотреть поверхность стенок должным образом, так как красные кровяные

тельца постоянно мешали. Сейчас они выглядели, словно мягкие мешки размером почти с корабль.

Неожиданно один из эритроцитов, слишком приблизившись к кораблю, ударился о его корпус, не понеся видимого ущерба.

Некоторое время в месте столкновения было различимо какое-то пятно.

«Возможно, столкновение было слишком сильным и вызвало миниатюризацию молекул по линии соприкосновения эритроцита с корпусом корабля», — подумал Моррисон.

Пятно легко сдвинулось с места и растворилось в окружающем пространстве.

Совсем по-другому вели себя тромбоциты, так как по своей природе были гораздо более хрупкими, чем красные кровяные тельца.

Один из них столкнулся с кораблем лоб в лоб, возможно, тромбоцит просто замедлил движение из-за столкновения с красным кровяным тельцем, а корабль догнал его. Нос корабля глубоко ушел в оболочку тромбоцита, и она лопнула. Содержимое медленно вытекло наружу, смешиваясь с плазмой, и образовало две или три длинные цепочки, которые тут же переплелись. Они прилепились к корпусу корабля и некоторое время двигались с ним.

Моррисон ожидал увидеть свертывание крови, вызванное гибелью тромбоцита. Но ничего подобного не произошло.

Минутой позже он увидел впереди белесый туман, который, казалось, заполнял все пространство сосуда

от стенки до стенки, пульсируя и колыхаясь. В его толще были заметны темные гранулы, которые постоянно перемещались из стороны в сторону. Моррисону они показались кошмарными чудовищами, и, не сдержавшись, он в ужасе закричал.

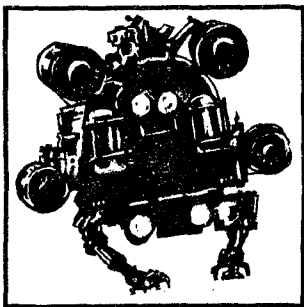
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

КАПИЛЛЯРЫ

*«Чтобы узнать, кипит ли вода,
не стоит совать в нее руку».*

Дежнев Старший

40.

Дежнев удивленно обернулся и сказал:

— Это белое кровяное тело — лейкоцит. Беспокоиться не о чем.

Моррисон проглотил намек и почувствовал себя явно обиженным:

— Я знаю. Я просто был здорово удивлен. Он значительно больше, чем я ожидал.

— Ничего особенного. Просто этакий ломоть ржаного хлеба, правда? И он вовсе не больше, чем ему следует быть. Это мы стали еще меньше. Да если бы

он был даже размером с Москву, что из того? Он движется себе в потоке крови так же, как и мы.

— В сущности, — мягко заметила Калныня, — он даже не ощутит нашего соседства. Я имею в виду, что мы не представляем для него ничего особенного. Он просто подумает, что мы — красное кровяное тельце.

Конев, ни к кому не обращаясь, уронил:

— Лейкоциты не думают.

По лицу Калныни пробежало выражение досады. Она покраснела, но голос ее звучал ровно:

— Говоря «думает», я выражаюсь фигурально. Я имела в виду, что лейкоцит ведет себя по отношению к нам так же, как вел бы себя по отношению к обыкновенному эритроциту.

Взглянув еще раз на колышущуюся белую клетку впереди, Моррисон решил, что независимо от того, представляет она для них опасность или нет, выглядит она отвратительно.

Чтобы избавиться от этого ощущения, он перевел взгляд на прелестное, высокоскулое лицо Калныни и подумал: «Почему бы ей не убрать эту маленькую родинку под левым уголком губ?». Однако решил, что именно она и есть та изюминка, без которой лицо было бы слишком правильным и бесхарактерным.

Эти отвлеченные размышления увели его от эмоций, вызванных видом белой клетки. Он мысленно вернулся к тому, что говорила Калныня.

— Лейкоцит ведет себя так, словно мы — красное

кровеное тельце, потому что мы одного размера с ним?

— Отчасти, — ответила Калныня. — Но это не главная причина. Ты узнаешь красное кровяное тельце потому, что видишь его. Белая клетка узнает эритроцит по его электромагнитному полю, которое она улавливает своей поверхностью. Причем она привыкла — позволим себе снова выразиться фигурально — не обращать внимания на объект с такими электромагнитными характеристиками.

— Но наш корабль не имеет электромагнитных характеристик красного кровяного тельца. А, понял, об этом уже позаботилась ты.

По улыбке Калныни чувствовалось, что она довольна собой.

— Да, я. Это моя специальность.

Дежнев включился в разговор:

— Это так, Альберт. Наша маленькая Софочка держит в голове... — он поправил правую дужку очков, — точные электромагнитные характеристики каждой клетки, каждой бактерии, каждого вируса, каждой белковой молекулы, каждой...

— Это не совсем так, — прервала его Калныня, — если я что-то забуду, компьютер подскажет. У меня есть прибор, который может, используя энергию микрофокусных моторов, посылать на корпус корабля положительные и отрицательные заряды по заданному мною образцу. Сейчас заряд корабля соответствует характеристикам красного кровяного тельца. Во всяком случае, он дублирует их настолько

правдоподобно, насколько я смогла их воспроизвести. Это заставляет белую клетку адекватно вести себя.

— А когда ты сделала это, Софья? — с интересом спросил Моррисон.

— Когда мы уменьшились до такого размера, что могли привлечь внимание белой клетки или иммунного аппарата в целом. Не хотелось, чтобы антитела атаковали нас.

У Моррисона тут же возник еще вопрос:

— Если уж мы заговорили о минимизации, почему не усиливается броуновское движение? Я думал, нас будет трясти тем сильнее, чем меньше мы будем становиться.

Баранова ответила из-за спины:

— Дело обстояло бы именно так, если бы мы не были миниатюризированы. Но сейчас мы подчиняемся теории, которая предполагает наличие силы, сдерживающей броуновское движение. Не стоит беспокоиться об этом.

Обдумав сказанное, Моррисон пожал плечами. Они явно не собирались сообщать ему ничего такого, что могло бы дать сведения о сущности самой минимизация. Броуновское движение не усиливалось. Оно больше не вызывало у него неприятных ощущений, или он просто привык к нему. В общем, как сказала Баранова, беспокоиться не о чем.

— Как давно ты занимаешься этим, Софья? — снова обратился Моррисон к Калныне.

— Со дня окончания университета. Даже если бы

у Шапирова не случилась кома, мы знали, что придет время, когда путешествие с током крови станет необходимым. Нечто подобное долго было в проекте, и мы знали, что без моей специальности не обойтись.

— Вы могли провести путешествие без команды на корабле, управляемом автоматикой.

— Когда-нибудь, возможно, это произойдет, — подала реплику Баранова. Но не сейчас. Мы все еще не можем предложить ничего эквивалентного человеческому мозгу по универсальности и изобретательности.

— Это правда, — подтвердила Калныня. — Прибор, с которым я работаю, воспроизводит электромагнитные характеристики кровяных телец, следуя по пути наименьшего сопротивления, и не более того. В конце концов, заложить в автомат способность реагировать на изменяющиеся обстоятельства было бы бессмысленной тратой времени и труда. Другое дело — человек. Я могу сделать все что угодно. Могу изменить характеристики в экстренном случае, могу сдвинуть установленные параметры или просто последовать своему капризу. Например, я могла бы изменить характеристики корабля, и бактерии лейкоцитов тотчас же атаковали бы нас.

— Я верю тебе, — поспешно заявил Моррисон. — Только не делай этого, пожалуйста.

— Не бойся, не буду, — успокоила его Калныня.

— Напротив, Софья, сделай это! — в голосе Ба-

рановой неожиданно прозвучало нехарактерное для нее волнение.

— Но, Наталья...

— Послушай, Софья, сделай! Мы, кстати, проверяли твой прибор в полевых условиях, ты же знаешь... Давай испытаем его.

Конев пробормотал:

— Пустая трата времени, Наталья. Давай сначала доберемся до места назначения.

— Не будет никакого толка, если мы доберемся туда, но не сможем проникнуть в клетку, — возразила Баранова. — А здесь у нас есть возможность проверить, сможет ли Софья контролировать поведение клетки.

— Я согласен, — громко заявил Дежнев, — в любом случае, путешествие пока было слишком бедно событиями.

— И слава Богу, — проронил Моррисон.

Дежнев в неодобрительном жесте поднял руку:

— Мой старый отец любил говорить: «Желать мира и покоя превыше всего — значит просто ждать смерти!»

— Ну, давай же, Софья! — настаивала Баранова. — Не тяни время.

Калныня помедлила с минуту. Возможно, тут она вспомнила, что Баранова — капитан корабля. Затем ее пальцы быстро пробежали по кнопкам пульта, и картинка на экране значительно изменилась. (Моррисон восхищенно оценил скорость, с которой она выполнила операцию). Потом его взгляд остановился

на белой клетке прямо по курсу корабля. Некоторое время он не замечал перемен. А затем словно дрожь пробежала по телу чудовища. «Ага, — подумал Моррисон, — оно почувствовало присутствие жертвы».

На теле клетки появилась выпуклость, которая потянулась к кораблю и обволокла его какой-то странной субстанцией. В тот же момент в самом центре поглотившего их вещества образовалась воронка, которая словно втягивала в себя все окружающее. Моррисон сейчас же представил хищные челюсти, которыми чудовище готовится схватить пищу.

Конев заметил:

— Сработало, Наталья! Это существо собирается поглотить нас.

— Да, — согласилась Баранова, — похоже, что так. Хорошо, Софья, верни теперь нам характеристики красной клетки.

Пальцы Калныни снова пробежались по клавишам, и на экран вернулось изображение, к которому они уже привыкли.

Однако никакого влияния на белую клетку это не оказало. Она продолжала обволакивать корабль своим веществом, уже почти замкнув круг позади него. Корабль начал двигаться к центральной воронке.

41.

Моррисон ужаснулся. Теперь уже весь корабль

был погружен в нечто, напоминающее туман, содержащий какие-то гранулы. В центре его находился многоклеточный объект, более плотный, чем вещество, сжимающее кольцо вокруг корабля. Моррисон решил, что это, должно быть, ядро белой клетки. Конев бросил с раздражением:

— Раз уж белая клетка вознамерилась нас поглотить, она сделает это и ничто ее не остановит. Что будем делать, Наталья?

— Какая разница? — нахмурившись, сказал Дежнев. — Это не имеет никакого значения. Скажите лучше, что это чудовище может с нами сделать? Раздавить корпус корабля оно не сможет. Это же не конструктор.

— Лейкоцит, — ответил Конев, — может попытаться переварить нас. Сейчас мы как раз находимся внутри пищеварительной вакуоли и подвергаемся воздействию ферментов.

— Пусть воздействуют, — резюмировал Дежнев. — Желаю удачи. Стенки корабля не могут быть разрушены ни одним химическим составом, имеющимся в составе белой клетки. Через некоторое время она отвергнет нас как неперевариваемый объект.

— А как она об этом узнает? — поинтересовалась Калныня.

— Узнает о чем? — недовольно переспросил Дежнев.

— Как она узнает о том, что мы неперевариваемый объект? Ведь ее активность порождена тем, что

у нас были характеристики бактерий, которых мы сейчас уже не имеем...

— Да, но, получив сигнал активизироваться, лейкоцит должен пройти весь цикл. Это не мыслящий объект. Процесс в нем развивается по заложенной раз и навсегда программе. — Калныня всех сердито обвела взглядом.

— Мне кажется, лейкоцит будет пытаться переварить нас до тех пор, пока не получит определенный сигнал, который переключит процесс поглощения на обратный процесс — выброса. Он и позволит отторгнуть нас.

Баранова заметила:

— Но ведь сейчас мы снова имеем заряд красного кровяного тельца. Ты думаешь, что это и вызовет отторжение. Лейкоциты не питаются красными кровяными тельцами.

— Думаю, слишком поздно. — Голос Калныни изменился, словно она нервничала, отвечая Барановой. — Характеристики эритроцита спасают от поглощения лейкоцитами. Но однажды и такое может случиться. Вот тогда окажется, что наличие определенных характеристик недостаточно для отторжения. Это случилось с нами: отторжения не произошло.

Все пять пар глаз были прикованы к происходящему вне корабля. Они были в ловушке.

— Я думаю, — продолжала Калныня, — должен существовать определенный заряд, который позволяет лейкоциту идентифицировать неперевариваемый

объект. Заряд после поглощения дает сигнал к отторжению инородного тела.

— Софья, милочка, так дай ему скорее этот сигнал! — горячо попросил Дежнев.

— С удовольствием, — ответила Калныня, — если ты скажешь мне, что он собой представляет. Я этого не знаю. Я не могу наудачу перебирать все характеристики подряд. Количество возможных комбинаций просто астрономическое.

— Честно говоря, — вступил в разговор Конев, — можем ли мы вообще быть уверены в том, что лейкоцит отторгает что-либо? Возможно, неперевариваемые объекты просто остаются внутри, а затем удаляются вместе с естественными выделениями?

Баранова раздраженно (Моррисон решил, что причина этого — в чувстве ответственности за то, что они оказались в подобной ситуации) прервала его:

— Не вижу повода для шуток. Есть конструктивные предложения?

— Я могу включить двигатели, чтобы вырваться из ловушки, — предложил Дежнев.

— Нет, — резко ответила Баранова, — ты знаешь направление нашего движения в данный момент? Находясь внутри пищеварительной вакуоли, мы можем совершать только вращательные движения или же сама вакуола может двигаться внутри клетки. Если мы, включив двигатели, вырвемся наружу, то можем повредить стенку кровеносного сосуда и сам мозг.

В разговор вступил Конев:

— Но мы должны учесть и то, что белая клетка сама может выйти из капилляра, проникнув между клетками его стенки. Так как мы двигались по артериальной ветви, которая сузилась до капиллярного размера, мы не можем быть уверены, что все еще находимся в токе крови.

— В этом мы можем быть уверены, — неожиданно для всех сказал Моррисон. — Белая клетка может уменьшиться до нужного размера, но она может уменьшить нас. Если бы ей пришлось протискиваться сквозь стенку сосуда, она сначала извергла бы нас наружу. Это решило бы все проблемы. Но, к сожалению, она этого не сделала.

— Какой умница! — подал голос Дежнев. — Но я додумался до этого чуть раньше тебя. Наташа, увеличь нас так, чтобы белую клетку разорвало. Она получит такое расстройство желудка, какого не испытывала никогда.

У Барановой его предложение не вызвало положительных эмоций:

— И повредить тем самым капилляр? Ты этого хочешь? Размер кровеносного сосуда сейчас не превышает размера белой клетки.

— Может быть, Аркадий выйдет на связь с Гротом и они нам что-нибудь подскажут? — предложила Калныня.

На минуту воцарилось молчание. Затем Баранова проговорила:

— Не сейчас. Мы попали в дурацкое положение. Точнее — я попала. Но вы хорошо знаете, что будет

лучше, если мы обойдемся «собственными силами».

— Голос Барановой звучал так, будто ей сильно сдавили горло.

— Мы не можем ждать бесконечно, — озабоченно заметил Конев. — Дело в том, что я даже не знаю, где мы сейчас находимся. При расчетах я должен брать за основу какую-то определенную скорость движения, а дрейф белой клетки в токе крови такой возможности не дает. Поскольку сейчас мы не знаем своего местонахождения, потребуется определенное время, чтобы его определить. Может, понадобится и помощь Грот. Иначе, как мы объясним, что не знаем собственные координаты?

— А как насчет кондиционеров? — спросил Моррисон.

Повисла пауза. Потом Баранова озадаченно спросила:

— Что ты имеешь в виду, Альберт?

— Мы постоянно излучаем в окружающее пространство миниатюризированные субатомные частицы. Они уносят тепловую энергию, и благодаря этому мы поддерживаем нормальную температуру, несмотря на всепроникающее тепло тела, внутри которого мы находимся. Возможно, белая клетка будет реагировать на понижение температуры? Если включить кондиционеры, наша температура может опуститься настолько, что белая клетка ощутит некий дискомфорт и отторгнет нас.

Подумав немного, Баранова ответила:

— Возможно, это работает...

— Не ломайте головы, — Дежневу не терпелось действовать. — Я включил кондиционеры на максимум. Посмотрим, изменится ли что-нибудь до того, как мы превратимся в сосульки.

Моррисон взгляделся в пелену тумана снаружи. Он чувствовал сильное напряжение, как, впрочем, и остальные. Он не паниковал из-за того, что они попали в сложную ситуацию благодаря непродуманному эксперименту, и не грыз в отчаянии ногти, переживая за жизнь Шапирова. И все же, подавив собственные эмоции, он ясно осознал, что, зайдя так далеко в минимизации и достигнув капилляров мозга, он ничего не желал так сильно, как проверить свою теорию. Он ринулся в это плавание именно для того, чтобы вернуться и всю оставшуюся жизнь, вспоминая об этом, мысленно победно поднимать вверх большой палец и повторять: «Я не упустил этой возможности!»

Все встало на свои места. Он прошел путь от отчаянного нежелания принимать участие в проекте до осознанной веры в успех.

Голос Дежнева ворвался в его мысли:

— Думаю, этому маленькому зверьку не нравится происходящее.

Моррисон чувствовал сильнейший холод, он дрожал. Тонкий хлопчатобумажный комбинезон совсем не защищал от неожиданного вторжения зимы. И, кажется, белая клетка чувствовала то же самое: туман поредел, в нем появился просвет. Затем, через минуту-две, окружающее пространство очистилось, а

клетка превратилась в комочек тумана, уползающий прочь, как амеба после неудачного эксперимента.

В голосе Барановой послышалось облегчение:

— Наконец-то! Она оставила нас в покое.

Дежнев победно вскинул руки над головой:

— Если бы у нас был хоть глоток водки, стоило бы поднять тост за нашего американского героя. Это было великолепное предложение!

Калныня кивнула Моррисону и улыбнулась:

— Хорошая идея!

— Настолько хорошая, насколько моя — была плохой, — резюмировала Баранова. — Зато теперь мы знаем, что наша техника может делать то, что ей положено, Софья. Аркадий, уменьши-ка мощность кондиционеров, пока мы все не заработали воспаление легких. Теперь ты понял, Альберт, что мы абсолютно правильно поступили, взяв тебя с собой?

— Это все очень здорово, — натянуто проговорил Конев. — Но, к сожалению, белая клетка устроила нам весьма нежелательную экскурсию. Мы сейчас находимся вовсе не там, где были в начале эксперимента. А я не могу сказать точно, где именно.

42.

Губы Барановой сжались в узкую полоску и с некоторой натянутостью она спросила:

— Как это ты не знаешь, где мы? Мы находились

внутри белой клетки всего несколько минут. Не могла же она за это время переместить нас в печень!

— Нет, мадам, — Конев казался таким же расстроенным, как она, — мы не в печени. (Должное почтение столь странному обращению придавал его французский акцент). Но я думаю, что белая клетка, увлекая нас за собой, повернула в боковое ответвление капилляра. Так что сейчас мы уже не в главном токе крови, которого мы так старательно держались...

— В какой из капилляров мы повернули? — спросила Баранова.

— А вот как раз этого я и не знаю. Мы могли свернуть в любой, но я не могу определить, в какой именно.

— А эта красная точка... — начал Моррисон.

— Красный маркер, — сразу же перебил его Конев, — действует на чистых расчетах. Если бы я знал наше местоположение и скорость, с которой мы движемся, я бы заставил маркер двигаться, отмечая наш путь.

— Ты имеешь в виду, — недоверчиво спросил Моррисон, — что маркер только отмечает наше местонахождение после того, как ты определишь его с помощью расчетов, и не более?

— Маркер не всесилен, — холодно сказал Конев. — Он предназначен лишь для того, чтобы отмечать наше местоположение, траекторию движения и не потерять в сложной трехмерной системе кровеносных сосудов и нейтронной сети, но нам приходится управлять им. На данном этапе он еще не может

быть самоуправляющимся. В экстренном случае наше местоположение может быть определено из Центра, но на это потребуется время.

Теперь наступило время для того, чтобы кто-нибудь задал классический дурацкий вопрос. И этим кем-то оказался Дежнев:

— А почему белая клетка свернула в капилляры?

Конев покраснел. Он заговорил так быстро, что Моррисон с трудом разбирал русские слова:

— Откуда я знаю? Я что — тайный поверенный мыслительных процессов белой клетки?

— Хватит, — резко оборвал его Моррисон. — Мы здесь не для того, чтобы ссориться. — Он заметил быстрый взгляд Барановой и расценил его, как выражение признательности. А потому продолжил: — В действительности, выход крайне простой. Мы находимся в капилляре. Очень хорошо. Кровь в капилляре течет с очень маленькой скоростью. Что мешает нам воспользоваться микроплазменными двигателями? Включив их на задний ход, мы вернемся по капилляру к пересечению с артерией и войдем в нее. Затем продолжим движение вперед до поворота и окажемся в нужном капилляре. На все это уйдет немного времени и мощности двигателей.

Все изумленно уставились на Моррисона. Даже Конев, который, разговаривая (если он разговаривал вообще), всегда продолжал смотреть вперед, обернулся и, нахмурившись, взглянул на Альберта.

Моррисон спросил озадаченно:

— Что вы все так смотрите на меня? Это вполне

обычная операция. Если, управляя автомобилем, вы поворачиваете в узкую аллею и обнаруживаете, что это не та, которая вам нужна, вы задним ходом выезжаете из нее. Не так ли?

Баранова покачала головой:

— Альберт, мне очень жаль. У нас нет заднего хода.

— Что? — Моррисон в недоумении уставился на нее.

— У нас нет заднего хода. Только передний, и ничего более.

Моррисон не верил своим ушам:

— Я не могу себе представить. Совсем нет задней передачи?

— Совсем.

Он обвел глазами всех четверых и дал выход своим чувствам:

— Это — самая дурацкая, непродуманная, просто уму непостижимая ситуация из всех, которые можно представить! Только в Сов... — тут он остановился.

— Закончи свою мысль, — это был голос Барановой. — Ты собирался сказать, что только в Советском Союзе могла возникнуть такая ситуация.

Моррисон проворчал:

— Да, я собирался сказать именно это. Возможно, это сказано сгоряча, но я действительно сердит. И кроме того, подобное утверждение вполне может оказаться правдой.

— А ты думаешь, что мы не рассержены, а Альберт? — спросила Баранова, глядя ему прямо в

глаза. — Знаешь ли ты, сколько времени мы проектировали и строили этот корабль? Годы. Многие годы. Мы думали о возможности проникновения в кровь и исследования изнутри организма млекопитающего — если не человека — с того самого момента, когда минимизация впервые стала практически возможной. Но чем смелее становились наши планы, тем быстрее росла стоимость проекта, и тем упрямее становились финансисты в Москве. Я не могу винить их: они должны были сбалансировать стоимость нашего проекта и другие затраты, которые были гораздо дешевле, чем минимизация. Таким образом, конструкция корабля все упрощалась и упрощалась. Сначала мы отказались от одного, затем от другого. Помнишь, как вы в Штатах строили свой первый «Шаттл»? Что вы проектировали и что получили? В конце концов мы остановились на корабле, не требующем энергии для движения и пригодном только для наблюдений, рассчитывали войти в кровеносный сосуд и двигаться с током крови. Получив всю возможную информацию, мы бы медленно деминиатюризировались. Это убило бы животное, которое мы собирались исследовать. В качестве объекта для опыта планировалось, конечно, только животное. Но то, что оно должно было неизбежно погибнуть, шокировало некоторых из нас.

Корабль предназначался только для этого. И ни для чего более. Никто из нас и не думал, что совершенно неожиданно придется столкнуться с ситуацией, которая заставит нас проникнуть в челове-

ческое тело, добраться до определенной точки мозга и после проведенных исследований покинуть тело. Не убив человека. Нам пришлось сделать все это.

И все, чем мы располагали, был этот корабль, не предусмотренный для использования в подобной нештатной ситуации.

Злость, смешанная с презрением, исчезла с лица Моррисона и сменилась заинтересованностью:

— И что же вы сделали?

— Мы работали так быстро, как только могли. Мы усовершенствовали микроплазменные двигатели и еще пару приборов, постоянно подгоняемые страхом, что в любой момент Шапиров может умереть. И одновременно мы точно так же, а может быть, и больше, боялись, что в спешке совершим какую-либо фатальную ошибку. Думаю, подобной ошибки мы все же не совершили. Но двигатели, на которых мы остановились, были предназначены только для ускорения в случае крайней необходимости — изначально они были сконструированы для использования в кондиционерах, при освещении и для других неэнергоемких процессов. Естественно, у нас не хватило времени довести его до ума. В результате — отсутствие заднего хода.

— И никто не предупредил вас о возможной ситуации, в которой задний ход будет необходим?

— Это означало бы новые затраты, а финансирование никто не взял бы на себя. В конце концов, существовали реальные нужды сельского хозяйства, торговли, промышленности, борьбы с преступностью

и полсотни других министерств. Все волчьей хваткой вцепились в государственный бюджет. Конечно, средств вечно не хватало.

Дежнев, вздохнув, сказал:

— И вот мы здесь. Как любил говорить мой отец: «Только простаки обращаются к предсказателям будущего — кто еще будет так торопиться узнать плохие новости?»

— Твой отец не открыл мне ничего, чего бы я не знал сам, Аркадий. Это касается и твоего последнего высказывания. Боюсь показаться дураком, но все же я спрошу: — *Можем мы просто развернуть корабль?*

— Моррисон напряженно ждал.

— Твои опасения, — заговорил Дежнев, — оправданны. Во-первых, капилляр слишком узок, чтобы развернуть корабль...

Моррисон нетерпеливо потрянул головой:

— Не нужно делать это при теперешнем размере. Уменьшите его, миниатюризируйте. Все равно вы собирались сделать это, перед тем как войти в клетку. Сделайте это сейчас и поверните.

Дежнев мягко продолжал:

— Во-вторых, мы не можем развернуть корабль на сто восемьдесят градусов. У нас есть только передняя передача.

— Невероятно, — прошептал Моррисон. Затем громко произнес: — Как вы могли отважиться, имея такой несовершенный корабль?

— У нас не было выбора, — ответил Конев. — И

потом, мы не рассчитывали на подобные игры с белой клеткой.

Лицо Барановой было бесстрастно, когда она заговорила. Голос ее звучал ровно:

— Если проект провалится, я возьму всю ответственность на себя.

Калныня, подняв глаза, сказала:

— Наталья, самобичеванием делу не поможешь. Сейчас у нас нет выбора. Нужно двигаться вперед. Если понадобится, продолжить миниатюризацию и, найдя подходящую клетку, войти в нее.

— В любую клетку? — вопрос Конева не был адресован никому конкретно, он сдерживал ярость. — В любую? Какой от этого прок?

— Любая клетка может представлять интерес, Наталья, — настаивала Калныня.

Так как Конев ничего не говорил, Баранова обратилась к нему:

— Есть возражения, Юрий?

— Возражения? Конечно, есть. — Он не повернулся к ним лицом, но даже по застывшей спине можно было судить, насколько он зол.

— Мозг содержит десять миллиардов нейронов, и кто-то предлагает, чтобы мы выбрали объект для исследований наугад. Это почти то же, что разъезжать по всем дорогам Земли на автомобиле и наугад спрашивать встречающихся, не являются ли они вашими давно потерянными родственниками. Но даже в этом случае вы имели бы большую надежду на

успех. Потому что количество людей на Земле лишь чуть больше половины количества нейронов мозга.

— Это, наверное, аналогия, — Калныня повернулась к Барановой. — Мы не ищем вслепую. Мы должны уловить нейронное излучение Шапирова и двигаться в направлении его усиления.

— Если сумеете, — Моррисон покачал головой. — Предположим, сейчас вы двигаетесь в направлении угасания излучения. Не имея заднего хода, вы не сумеете развернуться.

— Совершенно верно, — поддержал его Конев. — Я прокладывал курс таким образом, чтобы мы попали прямо к нужному узлу нейронной сети, который, согласно исследованиям Альберта, связан с абстрактным мышлением. Ток крови доставил бы нас туда в любом случае, каким бы запутанным ни был путь. А теперь... — он развел руками.

— Тем не менее, — в голосе Барановой чувствовалось напряжение, — У нас нет выбора. Принимается предложение Софьи. Если попытка не удастся, нам придется выходить наружу и, возможно, когда-нибудь предпринять новую.

— Подожди, Наталья, — прервал ее Моррисон. — Должен быть какой-нибудь другой выход. Есть ли хоть маленькая возможность для кого-то из нас выйти из корабля?

43.

Моррисон не ждал положительного ответа. Кор-

абль, казавшийся ему чудом современной технологии, предстал утлой посудиною, от которой нечего было ожидать.

С практической точки зрения предложение Калныни казалось ему лучше: исследовать любую клетку мозга, которой они достигнут. Но если эта попытка провалится, им придется, как сказала Баранова, выйти из тела и начать все заново. Моррисон же чувствовал: физически он не сможет пройти через все это еще раз. Чтобы не начинать все сначала, он был готов пойти на любой, даже самый смелый эксперимент.

— Так есть возможность выбраться из корабля, Наталья? — он повторил свой вопрос, вызвав неодуменный взгляд Барановой. Остальные тоже промолчали.

— Неужели ты не понимаешь? Предположим, вам нужно взять образцы. Есть у нас гидрокостюм, или что-нибудь в этом роде?

Баранова, казалось, преодолевала что-то в себе. Ее густые брови поползли вверх, придавая лицу выражение заинтересованности:

— Есть один костюм. Его можно использовать для необходимой разведки. Он должен быть под задними сиденьями.

Она отстегнула ремни и медленно приняла горизонтальное положение.

— Он здесь, Альберт. Надеюсь, он проверен. Во всяком случае, видимых повреждений нет. Не знаю,

правда, проходил ли он проверку в экстремальных условиях.

— Каким образом это можно сделать? — спросил Моррисон. — Думаю, попытка путешествия по кровеносным сосудам будет предпринята в первый раз.

— Я считаю, что можно было проверить его в теплой воде, чтобы убедиться в герметичности. Виню себя за то, что не проверила его. Но у меня и мысли не возникало, что кому-то придется покинуть корабль. И вообще, я забыла о существовании костюма.

— Знаете вы хотя бы, имеет ли он автономное воздухообеспечение?

— Конечно, имеет, — Баранова ответила слегка раздраженно. — Кроме того, есть и автономное энергоснабжение и освещение. Не думай, что мы полные невежды, Альберт. Хотя, — она устало пожала плечами, — полагаю, мы — точнее я — дали тебе повод так думать.

— Костюм снабжен ластами? — продолжал расспрашивать Моррисон.

— Да, на руках и ногах. Они предусмотрены для усиления маневренности...

— В таком случае, — сказал Моррисон, — возможно, это — выход из положения.

— Что ты задумал, Альберт? — спросила Калныня. Моррисон начал объяснять:

— Предположим, мы уменьшим корабль еще немного. Так, чтобы он мог легко развернуться, не повредив стенок сосуда. Кто-нибудь в костюме выйдет наружу, надеюсь, в корабле есть что-то вроде

вакуумной камеры, и, передвигаясь с помощью ласт, повернет корабль. Затем он вернется, а корабль будет сориентирован в нужном направлении. Мы включим двигатели и вернемся в нужное место.

Баранова задумалась:

— Рискованное мероприятие, но наше положение не лучше. Ты когда-нибудь погружался в скафандре, Альберт?

— Несколько раз. Вот я и подумал об этом.

— Никто из нас этого не делал ни разу, поэтому и не пришло в голову. В таком случае, Альберт, отстегни ремни и позволь нам помочь надеть на тебя костюм.

— На меня? — выдавил Моррисон.

— Конечно. Это — твоя идея. Кроме того, ты — единственный, кто имеет хоть какой-то опыт.

— Но не в крови!

— Ни один человек не имеет подобного опыта. А из нас вообще никто не пробовал погружаться в воду.

— Нет, — отрезал Моррисон.

— Этот проект — наше дитя. Я придумал, как освободиться из белой клетки и, кажется, нашел выход из теперешнего положения. Я внес свой вклад. Теперь — ваша очередь. Одного из вас.

— Альберт, — вздохнула Баранова. — Сейчас мы все — в одной лодке. Здесь нет русских и американцев. Мы все — человеческие существа, пытающиеся сделать большое дело и выжить. Кто и что должен

делать определяется только тем, кто делает это лучше. И ничем более.

Моррисон перехватил взгляд Калныни. Легкая улыбка светилась на ее лице, и он прочитал в ней восхищение.

Вздохнув от того, что она так по-детски радуется, Моррисон понял: он согласится выполнить собственный сумасшедший план.

44.

Баранова вынула костюм. Как и весь корабль, он был прозрачный за исключением головной части. Он лежал смятый, лишенный объема и неприятно напоминал Моррисону карикатуру на человека, нарисованную ребенком в натуральный размер.

Моррисон потянулся рукой, чтобы достать костюм и спросил:

— Из чего он сделан? Из полиэтилена?

— Нет, Альберт, — ответила Баранова. — Этот материал тонок, но очень прочен. Он не несет электростатического заряда, и чужеродные материалы не прилипают к нему. Предполагается, что он абсолютно водонепроницаем.

— Предполагается? — саркастически усмехнувшись, переспросил Моррисон.

Дежнев перебил:

— Он водонепроницаем. Кажется, его испытывали недавно.

— Тебе кажется, что его испытывали?

— Я виноват, что лично не испытал его, выйдя из корабля. Но я тоже забыл о его существовании. Мы не думали, что...

Моррисон сердито воскликнул:

— Уверен, что твой отец говорил тебе, Аркадий: «Самообвинения — слабое оправдание некомпетентности».

Скрипнув зубами, Дежнев ответил:

— Я не считаю себя некомпетентным...

Баранова оборвала перепалку:

— Продолжите, когда все будет позади. Не беспокойся, Альберт. Даже если в скафандре есть микродефект, то молекулы воды, находящиеся в плазме крови, слишком велики, чтобы проникнуть внутрь, так как костюм тоже подвергся миниатюризации.

— Звучит разумно, — успокоился Моррисон.

— Конечно, — продолжала Баранова. — Баллон с кислородом мы закрепим вот здесь. Он небольшого объема, но ты ведь не будешь находиться снаружи долго. Адсорбиционная канистра для угольного диоксида — здесь. А вот — батарея для освещения. Ну вот, ты полностью экипирован.

— Тем не менее, — Конев обернулся и озобоченно посмотрел на Моррисона, — возвращайся как можно скорее. Снаружи жарко — 37 градусов по Цельсию, а я не думаю, что костюм имеет систему охлаждения.

— Нет системы охлаждения? — Моррисон вопросительно посмотрел на Баранову.

Она пожала плечами:

— Не так просто охладить объект до среднего изотермального значения температуры. Человеческое тело, в котором мы находимся, имеет постоянную температуру 37 градусов. Сам корабль охлаждается с помощью двигателей. Встроить эквивалентный прибор в костюм мы не можем. Но ведь ты не будешь находиться снаружи долго. Так что, снимай-ка лучше форму, Альберт.

Моррисон заскромничал:

— Незачем ее снимать, она ведь из тонкого хлопка.

Баранова настаивала:

— Если ты оденешь гидрокостюм прямо на нее, то по возвращении в корабль будешь сидеть в мокрой от пота. Тебе будет не во что переодеться.

— Ну, если вы так настаиваете... — Моррисон снял сандалии и попытался стянуть с себя комбинезон. Это оказалось неожиданно трудно сделать в состоянии почти полной невесомости.

Баранова заметила это:

— Аркадий, помоги Альберту с костюмом.

Дежнев, с друдом двигаясь над спинками кресел, приблизился к Моррисону, висевшему под потолком в неудобной позе. С его помощью Альберт стянул комбинезон с ног. Путаясь в одежде, вдвоем они выглядели едва ли менее неуклюже, чем Моррисон один.

«Все вокруг нас приспособлено к существованию в условиях гравитации», — подумал Моррисон.

Пока они боролись с комбинезоном, Дежнев не мог удержаться от комментариев:

— Материал гидрокостюма точно такой же, как тот, из которого построен корабль. Абсолютно секретный. Хотя, насколько я знаю, у вас в Америке есть такой же. И тоже абсолютно секретный. Я уверен.

Он вопросительно взглянул на Моррисона.

— Не знаю, — ответил тот. Надевая с помощью Дежнева гидрокостюм, он ощущал голый ногой поверхность тонкого пластика. Он не прилипал к ногам, но мягко охватывал их, вызывая ощущение чего-то холодного и влажного. Моррисон никогда не соприкасался с подобным материалом и не знал, как объяснить эти ощущения.

Дежнев сказал:

— Когда края материала сближаются, он становится единым целым.

— А как их снова рассоединить?

— Когда ты вернешься в корабль, электростатические заряды будут нейтрализованы. Сейчас большая часть внешней поверхности костюма имеет мизерный отрицательный заряд, сбалансированный положительным зарядом внутренней стороны. Любой участок костюма может быть притянут положительно заряженной поверхностью корабля и прилипнет к ней, но не настолько сильно, чтобы ты не мог оторваться.

— А как насчет задней части корабля, где находятся двигатели? — спросил Моррисон.

— Не беспокойся. Сейчас они включены на минимальную мощность — только для освещения и поддержания нужной температуры. Так что, ты даже не заметишь, как частицы, выбрасываемые двигателями, будут проходить сквозь твоё тело. Кислородный баллон и абсорбционный аппарат работают автоматически. При дыхании не будут выделяться пузырьки воздуха. Тебе следует просто нормально дышать.

— Нужно быть благодарным хоть за эти технологические ухищрения!

Дежнев сердито засопел и сказал мрачно:

— Всем известно, что советские космические скафандры — лучшие в мире, японцы занимают второе место.

— Но это не космический скафандр...

— Эти костюмы во многом схожи, — сказал Дежнев, пристегивая капюшон гидрокостюма.

— Подожди-ка, — остановил его Моррисон, — а как насчет радио?

Дежнев помедлил:

— Зачем тебе радио?

— Поддерживать связь с вами

— Мы будем видеть тебя, а ты — нас. Здесь все прозрачное. Если понадобится, ты сможешь подать нам сигнал.

Моррисон тяжело вздохнул:

— Другими словами, радио нет.

Баранова попыталась оправдаться:

— Извини, Альберт. Это действительно очень

примитивный костюм, предназначенный для выполнения несложных заданий.

Моррисон веско подвел итог:

— Если берешься что-то делать, делай это хорошо.

Дежнев заметил:

— У бюрократов другой принцип: если делаешь что-то, делай дешево.

«Раздражение и обиды принесли определенную пользу», — подумал Моррисон. Его страх полностью исчез.

Он спросил:

— Как вы собираетесь выпустить меня?

— Как раз там, где ты сейчас стоишь, корпус двойной, — ответил Дежнев.

Чтобы рассмотреть, Моррисон резко обернулся и, конечно, тут же взлетел. Он совершенно забыл о невесомости и теперь беспомощно парил под потолком. Дежнев помог ему, немного побарахтавшись в невесомости. «Мы выглядим, как пара клоунов», — подумал Моррисон.

В конце концов, Моррисон нашел нужное положение, уткнувшись носом в участок корпуса, где находился выход. Теперь, когда все его внимание было приковано к этой части потолка, ему казалось, что она менее прозрачна, чем другие. Хотя, возможно, это было просто игрой воображения.

— Помолчи, Альберт, — сказал Дежнев. — Мой отец любил говорить: «Ребенка можно считать мыс-

лящим существом только тогда, когда он научился молчать».

— Твой отец не брал в расчет отсутствие гравитации.

— Вакуумная камера, — продолжал Дежнев, игнорируя замечание Моррисона, — того же типа, что на аппаратах для исследования поверхности Луны. Внутренняя стенка камеры открывается, ты заходишь внутрь, она закрывается за тобой. Воздух в камере откачивается, ты испытываешь, вне сомнения, довольно странные ощущения. Затем откроется внешняя стенка, и ты выйдешь наружу. Все очень просто. А теперь надевай шлем!

— Подожди. А как я вернусь назад?

— Точно так же. В обратном порядке.

Теперь, когда костюм был полностью застегнут, Моррисон испытал приступ клаустрофобии. Снова пришло чувство холодного страха, поборовшее спасительную злость.

Дежнев с помощью Конева, которому удалось повернуться в своем кресле, подталкивали его к вакуумной камере. Женщины остались на своих местах, напряженно следя за происходящим.

Моррисон ни на минуту не почувствовал их взглядов на своем теле, хотя ему хотелось этого. Это было бы вполне по-человечески. Но он был абсолютно уверен, что их интересует одно: как сработает вакуумная камера, как выдержит испытание гидрокостюм, выживет ли он сам после нескольких минут пребывания вне корабля.

Моррисон почувствовал за спиной скользящее движение. Теперь его отделяла от пространства извне только тонкая прозрачная перегородка. Появилось такое ощущение, словно его спеленали. Постепенно оно распространилось на все тело — от макушки до кончиков пальцев.

Материал гидрокостюма уже не прилегал к телу, так как оставшийся внутри воздух противодействовал растущему снаружи вакууму. Открылась внешняя стенка, и Моррисон почувствовал мягкий толчок, от которого, кувyrкаясь, вылетел из корабля и окунулся в плазму крови.

Теперь он был совсем один.

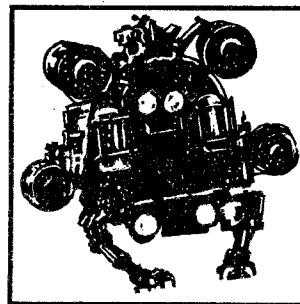
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ПУНКТ НАЗНАЧЕНИЯ

«В процессе достижения цели может быть много приятного, но только в том случае, если этой цели наконец достигнешь».

Дежнев Старший.

45.

скрыться.

Собравшись, он огляделся. Определенно, Баранова миниатюризировала корабль еще больше, пока он неуклюже облачался в костюм. Стенка капилляра сейчас была в отдалении. Он видел только часть ее,

Моррисон сразу же почувствовал обволакивающее тепло и начал дышать чаще. Как и говорил Конев, температура снаружи была 37 градусов по Цельсию — изнуряющая жара летнего дня, от которой невозможно было

так как между ним и стенкой сосуда находился огромный туманный объект. Наверняка, красное кровяное тельце. Потом он увидел, как тромбоцит очень медленно проскользнул между красным кровяным тельцем и стенкой капилляра. Все эти объекты — эритроцит, тромбоцит, он сам, корабль — медленно плыли вперед, подгоняемые слабым током крови в капилляре.

Он подумал: «Почему так мало ощущается броуновское движение?» Он видел, что окружающие объекты слегка подрагивали. Даже клетки, выстилающие внутреннюю поверхность капилляра, казалось, немного смещались, что производило довольно странное впечатление.

Но времени заниматься анализом не было. Он должен был выполнить свой план и вернуться в корабль.

Моррисон находился примерно в метре от корабля. (В метре? Совершенно субъективное суждение. Сколько микрон — миллионных долей метра — отделяли его от корабля в реальном измерении? Он не стал тратить время на попытку найти ответ). Моррисон пошевелил ластами, стараясь приблизиться к кораблю. Плазма явно имела большую плотность, чем морская вода, что вызывало неприятное ощущение. Кроме того, угнетала жара. Так и будет продолжаться, пока жив человек, в теле которого они находятся. Лоб Моррисона стал влажным. «Поехали», — скомандовал он себе и двинулся вперед.

Он протянул руку к стенке корабля и не ощутил

прикосновения к твердой поверхности. Впечатление было такое, будто он натолкнулся на пружинящую воздушную подушку, хотя он видел, что между рукой и корпусом корабля не было ничего, в крайнем случае — тонкая пленка жидкости.

После минутного раздумья Моррисон понял, что произошло. Внешняя поверхность костюма имела отрицательный заряд, и та часть корпуса, до которой он дотронулся, — тоже. Одноименные заряды отталкивались.

Пытаясь найти участок, заряженный положительно, Моррисон скользил руками по корпусу корабля, пока не почувствовал пластик. Заряд, однако, не был достаточно сильным, так как руки скользили.

Наконец, он почувствовал, что левая рука словно прилипла к корпусу. Миновав положительно заряженный участок, он попытался освободить руку: сначала несильно, потом довольно резко потянул на себя. Никакого результата: рука словно приклеилась. Может, стоит сначала закрепить правую руку, а затем, отталкиваясь ею, освободить левую? Попытка не дала результата: он был как будто распят на корпусе корабля.

Капли пота ползли со лба и скапливались под мышками. Моррисон закричал, дергая ногами в попытке освободиться.

Из корабля видели его, но какой знак он мог подать, если обе руки прикованы? Эритроцит, сопровождавший корабль с момента его выхода, приблизился и придавил Моррисона к корпусу. К счас-

тью, его грудь не была притянута, поскольку не попала на участок с положительным зарядом.

Калныня смотрела прямо на него, ее губы двигались, но он не мог читать по губам, во всяком случае, по-русски. Она поколдовала над своим компьютером, и его левая рука освободилась. Вероятно, она уменьшила силу заряда.

Моррисон кивнул головой, что, по его мнению, должно было быть расценено ею как благодарность. Теперь нужно было передвинуться к задней части корабля, отыскивая один за одним положительно заряженные участки.

Начав движение, он внезапно почувствовал себя припиленным к стенке. Но не силой электромагнитного взаимодействия, а эритроцитом, который прижимал его, как огромная, мягкая подушка.

— Пошла прочь! — крикнул Моррисон, но эритроцит на крик не реагировал и продолжал вести себя абсолютно спокойно.

Моррисон уперся в него руками и попытался сильно оттолкнуть ногами в ластах.

Эластичная пленка — поверхность эритроцита — подалась вовнутрь, но чем сильнее он давил, тем сильнее становилось сопротивление. И вдруг, наконец, его словно бросило на корпус корабля.

Он попытался перевести дыхание. Это удалось не без труда: было жарко, пот тек ручьями. Моррисон подумал, что быстрее оставит его без сил — потеря влаги или перегрев тела, который неизбежно наступит из-за того, что тепло, выделяемое его организ-

мом, не имело выхода в пространство. Усилия, которые он предпринимал, чтобы освободиться от эритроцита, усугубляли опасность перегрева.

Моррисон снова поднял руку и ударил по эритроциту ребром пластикового ласта. Тонкая пелликула лопнула, как воздушный шар. Под действием поверхностного натяжения разрыв становился все шире и шире. Содержимое клетки — облачко каких-то гранул — вытекло, и эритроцит словно сжался.

Моррисон почувствовал укор совести, словно убил безобидное живое существо, но, правда, сразу успокоил себя тем, что в кровеносной системе насчитывается несколько триллионов красных кровяных телец, и срок жизни каждого из них — всего сто двадцать дней.

Он снова попытался добраться до задней части корабля. На внутренней поверхности костюма совсем не было конденсата. Да и с чего ему там быть? Поверхность костюма такая же теплая, как его тело, пластик не прилипал к коже. То, что он сначала принял за конденсат, это, очевидно, маленькие лужицы пота, скопившиеся в уголках и переливающиеся во время движения. Он добрался до хвостовой части. Здесь корабль терял обтекаемость: сопла трех двигателей нарушали плавность линий. Он находился на максимально возможном удалении от центра тяжести корабля. Хорошо бы остальным членам экипажа передвинуться как можно ближе к носовой части.

Он пожалел, что не договорился об этом, прежде

чем вышел наружу. Теперь только бы найти положительно заряженные участки корпуса, упереться руками и толкать!

Он чувствовал легкое головокружение. Физического происхождения? Физиологического? Какая разница, результат был одинаков.

Моррисон снова глубоко вздохнул и поморгал, чтобы избавить глаза от заливавшего пота. Пот вытереть было невозможно, и он снова ощутил вспышку злости на тех идиотов, которые сконструировали костюм. В нем лишь чуть-чуть лучше, чем без него вообще!

Он уперся руками в стенку и попытался сдвинуть корабль, работая ластами. Удастся ли попытка? Масса корабля была всего несколько микрограмм. Но и он мог приложить усилие всего в несколько микроэрг.

И все же корабль поддался. Он заметил это по перемещению относительно стенки капилляра.

Сейчас он не мог упереться в нее ногами, следовательно, корабль располагался поперек сосуда. Ему, наконец, удалось повернуть его на 90 градусов.

Когда ноги, наконец, коснулись стенки сосуда, он оттолкнулся с таким диким остервенением, что вполне мог бы пробить в капилляре дыру. И он вполне осознавал, что последствия были бы непредсказуемы. Но действовать таким образом его заставляла одна мысль: времени оставалось совсем мало. К счастью, стенка капилляра пружинила, как резина. Корабль начал поворачиваться быстрее, и... остановился.

Моррисон заставил себя поднять затуманенный взгляд. Он почти не мог дышать в душной, жаркой атмосфере костюма.

Опять эритроцит. Определенно, это был он. В тесном пространстве капилляра они сталкивались, как машины в узком переулке.

На этот раз Моррисон не стал ждать, сразу же нанес удар правой рукой и ни на секунду не опечалился по поводу убийства. Продолжая сильно работать ногами, он поворачивал корабль. В какое-то мгновение ему показалось, что он уже установил его в нужном направлении. Но вдруг возникло сомнение: а что, если во время борьбы с эритроцитом он повернулся на 180 градусов и теперь толкает корабль в противоположную сторону? Он забеспокоился. Сейчас корабль располагался параллельно продольной оси капилляра. Тяжело дыша, он изучал внутреннюю поверхность стенки сосуда. Если клетки, выстилающие ее, направлены к носу корабля, то сам он направлен против течения к ответвлению артериолы.

Он решил, что так и должно быть. Он больше не сомневался: верное направление. А вдруг? Какая разница! Ему нужно было вернуться. Он не хотел положить свою жизнь на алтарь науки.

Где же вход, где же он? Его руки беспомощно скользили по корпусу корабля.

Почти теряя сознание, Моррисон с трудом рассмотрел смутные участки стены и начал перебираться туда.

Все расплывалось в глазах. Куда они показывают? Вверх? Как он мог забраться туда? У него совсем не осталось сил. Тем не менее, последней была вполне здравая мысль: ему не понадобится сила; в условиях невесомости для тела, не имеющего массы, верх означает низ.

Он было дернулся вверх, не понимая зачем, и его накрыла темнота.

46.

Первое, что ощутил Моррисон, был холод. Волна холода. Затем прикосновение чего-то холодного. Потом свет.

Он всматривался в лицо, склонившееся над ним. Некоторое время он не осознавал, что это такое. Сначала это было пятно света. Потом он понял, что это лицо. Еще позже — что это лицо Софьи Калныни.

Она спросила мягко:

— Вы узнаете меня?

Медленно, с трудом Моррисон кивнул.

— Как меня зовут?

— Софья, — прохрипел он.

— А кто стоит слева?

Он перевел взгляд и с трудом сфокусировал его на лице.

— Наталья.

— Как вы себя чувствуете?

— Голова болит, — его слабый голос доносился словно издалека.

— Это пройдет.

Моррисон закрыл глаза и провалился в забытие. Высшим благом для него сейчас было просто ничего не делать.

Потом он снова почувствовал холодное прикосновение в паху и снова открыл глаза. Он понял, что костюм с него сняли, и уже почувствовал, как чьи-то руки уложили его, а голос произнес:

— Не беспокойтесь. Мы не можем устроить вам ванну — для этого нет воды, но вас оботрут влажным полотенцем, и вы почувствуете себя лучше.

— ...обращаетесь со мной, как с инвалидом, — он с трудом складывал слова в предложение.

— Не ваяйте дурака, а сейчас мы вас вытрем. Немного дезодоранта. Теперь комбинезон.

Моррисон безуспешно пытался расслабиться. Ему это удалось лишь тогда, когда он почувствовал на теле хлопчатобумажную ткань комбинезона.

Он заговорил:

— Я правильно развернул корабль?

— Да, — ответила Калныня, энергично кивая головой. — И в борьбе победили два эритроцита. Вы просто герой!

Моррисон хрипло попросил:

— Помогите мне подняться. — Он оперся локтями о кресло и сейчас же взмыл в воздух.

Ему помогли опуститься в кресло.

— Совсем забыл о невесомости, — прошептал он.

— Ладно, пристегните меня. Я просто посижу и приду в норму. — Он подавил головокружение и пробормотал:

— Этот костюм никуда не годится. Он должен охлаждаться, только тогда его можно использовать в подобных условиях.

— Мы знаем, — ответил Дежнев со своего места у пульта управления. — Следующий будет оснащен системой охлаждения.

— Следующий... — сердито уронил Моррисон.

— В любом случае, этот костюм позволил вам сделать то, что было нужно, — заметил Дежнев.

— Какой ценой! — воскликнул Моррисон. Он даже перешел на английский, старясь выразить свои чувства наиболее точно.

— Я понял вас, — сказал Конев. — Вы же знаете, я жил в Америке. Если вам станет от этого легче, я научу вас, как все это выразить по-русски.

— Спасибо, по-английски это звучит лучше.

Он облизал сухие губы сухим языком:

— А вот стакан воды был бы лучше всех английских и русских слов, вместе взятых. Ужасно хочу пить.

— Сейчас, — Калныня поднесла к его губам бутылку. — Глотайте медленно. Осторожно! Иначе захлебнетесь.

Моррисон с трудом оторвался от бутылки:

— У нас хватит воды?

— Вы должны восполнить потерю влаги. А нам хватит.

Моррисон отпил еще немного, потом вздохнул:

— Теперь мне намного лучше. Когда я был там, снаружи, мне в голову пришла какая-то мысль. Это было мгновенно. Как вспышка. Но я не могу вспомнить. Дайте мне подумать.

Все замолчали. Через несколько минут Моррисон вздохнул и произнес явно окрепшим голосом:

— Да, я вспомнил.

Баранова тоже вздохнула с облегчением:

— Слава богу, он не потерял память.

— Конечно, нет, — в голосе Моррисона зазвучало раздражение. — С чего вы взяли?

Конев холодно ответил:

— Потеря памяти может быть первым свидетельством повреждения мозга.

Моррисон скрипнул зубами, его губы превратились в тонкую линию:

— Вы решили, что именно это и произошло?

— Такая возможность была, — отрезал Конев. — Как в случае с Шапировым.

— Не обращай внимания, — вкрадчиво прошептала Калныня. — Этого ведь не случилось. О чем ты подумал там, снаружи? Ты ведь вспомнил? — в ее голосе звучало полуутверждение, полувопрос.

— Да, я помню. Сейчас мы движемся в направлении, противоположном току крови, так сказать, против течения. Верно?

— Да, — согласился Дежнев. — Я включил двигатели.

— Когда достигнете артериолы, вы все еще будете

двигаться против течения и не сможете развернуться. А это нужно будет сделать, чтобы двигаться в заданном направлении. Значит, снова выходить наружу? Я этого делать не буду. Вы поняли? Не буду.

Калныня обняла его за плечи.

— Ш-ш-ш! Все в порядке. Это будете не вы.

— Никто не будет делать этого, дружище, — весело пропел Дежнев. — Посмотрите! Мы уже подходим к артериоле.

Моррисон поднял голову и тут же почувствовал острую боль. Должно быть, его лицо исказилось, потому что Калныня положила прохладную ладонь ему на лоб и спросила:

— Как ваша голова?

— Уже лучше, — проворчал Моррисон, отталкивая ее руку. Он обвел глазами помещение, с облегчением отметив, что видит нормально. Взглянув вперед, Моррисон обнаружил, что цилиндрический тоннель расширяется, а клетки, выстилающие его внутреннюю поверхность, уже не так четко выражены.

— Капилляр, — сказал он, — отходит от артериолы, как ветка — от ствола дерева, под определенным углом. Двигаясь вперед в пространстве этого ответвления, мы окажемся под углом к току крови. Когда мы достигнем дальней стенки сосуда, нас развернет против течения.

Дежнев хмыкнул:

— Мой старый отец любил говорить: «Иметь воображение — гораздо хуже, чем не иметь его вообще». Посмотрите-ка сюда, малыш. Я подожду,

пока мы почти выйдем в открытое пространство развилки, и включу двигатели на самую малую мощность, чтобы дать кораблю возможность очень медленно двигаться по течению. Потом он начнет выходить из капилляра совсем малость, потом еще немного — и его подхватит течением крови в артериоле. А поскольку главный удар придется на носовую часть, нас немного развернет, потом еще — и тут я включу моторы, потому что нас уже развернет и полностью мы сможем двигаться по течению. — Он победно улыбнулся: — Здорово придумано?

— Здорово, — согласилась Баранова. — Но все это было бы невозможно без того, что сделал Альберт.

— Чистая правда, — всплеснул руками Дежнев. — Я бы представил его к ордену Ленина, если, конечно, он согласится.

Моррисон вздохнул свободней, поняв, что ему не придется снова выходить из корабля.

— Спасибо, Аркадий, — сказал он Дежневу, потом довольно застенчиво обратился к Софье:

— Знаете, я все еще хочу пить.

Она сейчас же передала ему бутылку.

— А вы уверены, что я еще не выпил свою долю? — помедлив, спросил Моррисон.

— Конечно, выпил. Но вы заслужили больше, чем лишний глоток воды. Пейте, вода легко рециркулируется. К тому же, у нас есть небольшой дополнительный запас. А знаете, вы не совсем точно вошли в вакуумную камеру: локоть остался снаружи, и нам

пришлось сломать внутреннюю стенку и втянуть вас внутрь. В корабль попало немного плазмы, совсем небольшое количество, благодаря ее высокой плотности. Она, конечно, сразу подверглась минимизации, а сейчас рециркулируется.

— Если она была минимизирована, то воды получится всего капелька.

— Конечно, это совсем мизер, — улыбнулась Калныня. — Но поскольку это дополнительное количество воды мы получили благодаря вам, вы с полным правом можете ее выпить. Разве это не справедливо?

Моррисон рассмеялся и жадно высосал остаток воды из бутылки, очень напоминающей те, которыми пользуются астронавты. Какое-то доброе чувство пришло к нему оттого, что, наконец, смог избавиться от нетерпимости и раздражения.

Он попытался собраться с мыслями. Итак, он все еще находится в корабле, он все еще имеет размер бактерии, он все еще находится в кровеносной системе человека, пребывающего в коме, и никто все еще не может дать гарантий, что он останется жив хотя бы в течение ближайших нескольких часов.

Он трезво осознавал все это, и тем не менее, не мог избавиться от чувства благодарности Богу просто за то, что непереносимой жары не было, что он был вместе со всеми остальными, что женщина была заботлива по отношению к нему.

— Спасибо вам за то, что втащили меня в корабль и позаботились обо мне!

— Не стоит благодарности, — безразлично заметил Конев. — Просто нам нужны вы и ваша компьютерная программа. Если бы мы оставили вас там, снаружи, весь план бы провалился, даже найди мы нужную клетку.

— Может быть, и так, Юрий, — с явной неприязнью произнесла Баранова. — Но в тот момент, когда мы втаскивали Альберта в корабль, я думала лишь о его жизни. Я не поверю, что ты оставался прагматичным и не волновался за человека, который рисковал жизнью, чтобы помочь нам, а анализировал степень его нужности.

— Конечно, чистая логика никому не нравится, — пробормотал Конев.

Все это было как раз то, что нравилось Моррисону. С той минуты, когда заговорили о возможном повреждении мозга, он старался проверить себя:

— Аркадий, при работе двигателей вы конвертируете минимизированный кислород в минимизированный гелий, и часть гелия вместе с водяными испарениями и другими веществами выхлопа выбрасывается в пространство?

— Да, — обеспокоенно подтвердил Дежнев. — И что из этого следует?

— Потом минимизированные частицы — атомы и более мелкие — просто проходят сквозь тело Шапирова, и сквозь Грот, и сквозь Землю, и оказываются в открытом космосе. Так?

— Все обстоит именно таким образом. И что дальше?

— Естественно, — продолжал Моррисон, — они не остаются миниатюризированными. Но не породим ли мы процесс, при котором Вселенная будет постепенно наполняться минимизированными частицами, если человечество будет прибегать к минимизации все чаще и чаще?

— Ну и что? Какой от этого вред? Вся человеческая деятельность даже за миллиарды лет не сможет привнести во Вселенную существенного количества подобных частиц. Но и это еще не все. Минимизация является метастабильным состоянием, поэтому всегда есть возможность спонтанного возвращения частицы к подлинной стабильности, то есть к неминимизированному состоянию.

Боковым зрением Моррисон заметил, что Баранова предупреждающе подняла руку, но излияния Дежнева не так-то просто было остановить.

— Конечно, невозможно предсказать, — продолжал он, — когда произойдет деминимизация, но, держу пари, что под Луной мало что успеет измениться, пока это достигнуто. Что же касается тех нескольких, которые деминимизируются сразу же, они будут тут же абсорбированы телом Шапирова...

Тут он заметил жестикуляцию Барановой:

— Наверное, я наскучил тебе. Как сказал мой отец на смертном одре: «Должно быть, я так надоел тебе своими поговорками, что ты с облегчением ждешь момента, когда не услышишь их больше, а следовательно, меньше будешь горевать по мне и меньше страдать».

Старик был бы страшно удивлен и, возможно, разочарован, если бы узнал, как все мы, дети, оплакивали его. Думаю, я не стану подобным образом рисковать, превращая общение со мной...

— Не рискуй, — проворчал Конев, — а потому помолчи, пожалуйста. Тем более что мы приближаемся к капилляру, в который нужно войти. Альберт, посмотри на цереброграф. Ты согласен со мной?

Стараясь, чтобы не слышали остальные, Калныня обратилась к Барановой:

— Альберт не в состоянии работать с церебрографом.

— Я попробую, — возразил Моррисон, сражаясь с ремнями безопасности.

— Нет, — повелительно отрезала Баранова. — Юрий может принять решение сам.

— Я уже сделал это, — угрюмо заметил Конев. — Аркадий, ты можешь подвести корабль к правой стенке сосуда, чтобы попасть в течение, поворачивающее в капилляр?

Дежнев ответил:

— Я приклеился к эритроциту, который движется к правой стенке. Он подтолкнет нас, или это сделает созданная им волна. Ага, смотрите, так и вышло, как в прошлом случае, когда нам пришлось повернуть в ответвление. Каждый раз я ловко использовал естественное течение.

Широкая улыбка играла на его счастливом лице.

— Отлично сработано, Аркадий! — с благодарностью сказал Моррисон.

Корабль вошел в капилляр.

47.

Моррисон чувствовал, что вполне пришел в себя, чтобы перестать изображать инвалида. Снаружи капилляр заметно сузился, а стенки его были покрыты четко выраженными клетками. В общем, он выглядел точно так же, как тот капилляр, в который они заходили раньше.

— Хочу взглянуть на цереброграф, — сказал Альберт.

Он отстегнул ремни и, пролетев знакомый путь вверх-вниз, примостился за спиной Конева.

Это было первое самостоятельное действие после возвращения в корабль. Прodelывая это, он с удовлетворением отметил тревогу на лице Калныни.

— Юрий, ты уверен, что мы в нужном капилляре?

Конев, подняв глаза от приборов, ответил:

— Чистые расчеты. Посмотрите: вот здесь артериола, где мы преследовали лейкоцит. Потом мы повернули сюда, потом сюда — пока это просто подсчет капилляров, ответвляющихся вправо. Вот сюда нас затащила белая клетка: этот капилляр — единственный, которого лейкоцит действительно мог достичь. Здесь вы развернули корабль, и мы вернулись в артериолу, дальше мы двигались в направлении ее сужения и оказались здесь. Координаты этой точки почти точно соответствуют полученным при

расчетах. Это убеждает меня в правильности выбранного пути. Сейчас мы вошли в этот капилляр.

Левая рука Моррисона соскользнула с гладкой поверхности спинки кресла Конева. Его комичные попытки уцепиться за нее судорожными пальцами навели на мысль, что в усовершенствованной конструкции корабля стоило бы предусмотреть ручки на сиденьях, да и в других важных местах.

Задышавшись, он спросил:

— И куда этот капилляр приведет нас?

— Как раз в одну из точек, которые вы считаете центрами абстрактного мышления, — ответил Конев.

— Посмотрите на цереброграф: это здесь?

Моррисон кивнул:

— Только не забывайте, пожалуйста, что я определил эти точки, исходя из исследований мозга животных, а не человека. Так что, если я прав, это будет чисто умозрительное заключение.

Конев продолжал:

— Согласно вашим исследованиям, имеется восемь подобных точек, по четыре с каждой стороны. Эта самая крупная и наиболее сложная и, следовательно, дает лучшую возможность получить те данные, которые нам нужны. Я прав?

— Думаю, да, — в голосе Моррисона все еще звучало сомнение. — Но не забывайте, что ученые не приняли результаты моих исследований.

— И вы снова начали сомневаться?

— Сомнения — вполне обычный атрибут научных исследований. Моя концепция скептических узловых

пунктов имеет смысл только в свете моих исследований, но я никогда не имел возможности проверить ее на практике. Я просто не хочу, чтобы вы потом сказали: он ввел нас в заблуждение.

Дежнев фыркнул:

— Скептические узловые пункты! Нет сомнения, ваши оппоненты просто хотят подстраховаться. Мой отец говорил: «Люди всегда готовы посмеяться над своими ближними, но не стоит строить веселую физиономию, чтобы подыграть им». Почему бы тебе просто не назвать их «мыслительные узлы»? Вот так просто, по-русски. Это звучит гораздо лучше и человечнее.

— Или — мыслительные узловые пункты — просто и по-английски, — попытался утихомирить его Моррисон. Наука — интернациональна, и общепринятым является употребление греческих и латинских слов. По-гречески «мысль» — «skeptis». Прилагательное «скептический» присутствует и в английском, и в русском для обозначения мыслительного процесса. Мы же знаем, дурацкие догмы чаще всего навязываются нам ортодоксами именно для того, чтобы удержать от самостоятельных размышлений.

Повисло неловкое молчание, пока Моррисон (а он не открывал рта достаточно долго чисто из злой мстительности. Он, наконец, мог отплатить им той же монетой за свои обиды и унижения) не сказал:

— Это знают люди всех национальностей.

Атмосфера разрядилась, но Дежнев резюмировал:

— Посмотрим, насколько скептическими нам при-

дется быть, когда мы достигнем этого самого скептического узлового пункта.

— Надеюсь, — заметил Конев, — вы понимаете, что это не повод для шуток. В этой точке мы надеемся поймать излучение мозга Шапирова, а значит, прочитать его мысли. Если не удастся это, весь эксперимент будет безрезультатным.

— Каждому — свое, — ответил Дежнев. — Я доставил вас сюда, умело управляя кораблем. Теперь поработай ты. Поймай излучение, или, если тебе не удастся, пусть Альберт сделает это. Если ты так же хорошо справишься со своей задачей, как я, беспокоиться не о чем. Мой отец говорил...

— Оставь своего отца в покое, — прервал Конев, — не надо выкапывать мертвецов.

— Юрий, — резко сказала Баранова, — ты непросительно груб. Извинись.

— Да бог с ним, — успокоил ее Дежнев. — Мой отец говорил: «Обижаться можно тогда, когда оскорбления, нанесенные в ярости, человек повторит, уже успокоившись». Я не могу сказать, что всегда следовал этому ответу, но на сей раз, в память о моем отце, я сделаю вид, что пропустил мимо ушей идиотское замечание Юрия...

Он, как-то грустно горбясь, склонился над приборами.

Моррисон слушал все вполуха: его мысли снова вернулись к беспечной болтовне Дежнева и предостерегающему жесту Барановой.

Он уселся в кресло, собрался с мыслями и повернулся к Барановой:

— Наталья, можно вопрос?

— Да, Альберт.

— Минимизированные частицы, попадая в нормальное, неминимизированное пространство...

— Да, Альберт?

— Часть их деминимизируется.

Баранова помедлила:

— Аркадий уже сказал вам, что это так.

— Когда это происходит?

Она пожала плечами:

— Непредсказуемо. Как радиоактивный распад одиночного атома.

— Откуда вы знаете?

— Знаю — и все.

— Я имею в виду, какие эксперименты вы проводили? Ни один объект никогда не минимизировался до нашего размера, следовательно, не имея непосредственных наблюдений, вы не можете с уверенностью сказать, что происходит с частицами, уменьшенными подобным образом.

Баранова возразила:

— Но мы наблюдали другие случаи минимизации, что позволило сделать выводы об общих законах поведения минимизированных частиц. Опытным путем мы выяснили...

— Лабораторные исследования не всегда надежны.

— Согласна.

— Вы сравнили спонтанную деминимизацию с

радиоактивным распадом. А существует ли в деминимизации период полураспада? Если вы не можете сказать, когда минимизированная частица обретет нормальный размер, то, может быть, вы знаете, когда это произойдет с половиной определенной величины.

Баранова скривила губы и на минуту задумалась:

— Предполагается, что период полураспада минимизированного объекта находится в обратной зависимости от величины минимизации и от обычной массы объекта.

— То есть, чем больше величина минимизации и чем меньше изначальный размер объекта, тем меньше времени мы пробудем в этом состоянии?

— Абсолютно верно, — сдавленно подтвердила Баранова.

Моррисон мрачно посмотрел на нее:

— Я восхищен вашей честностью, Наталья. Ведь вы не хотели, чтобы я знал все это. Не вводите ли вы меня в заблуждение?

— Я — человек и могу сказать неправду под давлением обстоятельств, или под влиянием чувств, или из-за недостатков характера. Но в то же время я — ученый и не могу позволить себе исказить правду.

— Как определить, какой случай — крайний? Даже корабль, будучи гораздо массивнее, чем ядро гелия, как минимизированный объект имеет период полураспада.

— Очень большой, — быстро вставила Баранова.

— Но степень минимизации, которой мы подверглись, значительно укоротила его.

— Тем не менее, он достаточно велик.

— А как насчет отдельных компонентов корабля? Молекулы воды, которые мы пьем, воздуха, которым мы дышим, атомы, из которых состоит тело каждого, — все они могут, должны иметь, очень короткий...

— Нет! — казалось, Баранова почувствовала облегчение от того, что могла хоть что-то противопоставить рассуждениям Моррисона. — Поле минимизации не прерывается в том случае, если отдельные частицы однородны и расположены близко одна от другой. Обособленное тело, такое, как наш корабль и все, что в нем находится, является как бы одной большой частицей и имеет соответствующий период полураспада. Здесь законы минимизации и радиоактивности различны.

— Но когда я был снаружи и не имел контакта с кораблем, я являлся отдельной частицей с гораздо меньшей массой, чем корабль, и, следовательно, с меньшим периодом полураспада, чем мы сейчас.

— Я не уверена в этом, — сказала Баранова. — Возможно, расстояние между вами и кораблем не было достаточным, чтобы рассматривать вас как обособленный объект.

— А если было? И период полураспада стал для меня короче — значительно короче?

— Может быть. Но ведь вы пробыли там всего несколько минут.

— Ну ладно. А какой период полураспада у корабля в его теперешнем состоянии?

— Мы не можем говорить о периоде полураспада отдельно взятого объекта.

— Да, потому что период полураспада верен для больших чисел. Для частицы же деминимизация может произойти в любой момент, спонтанно, даже если период полураспада для остальных таких же частиц будет достаточно большим.

— Что касается спонтанной деминимизации, которая происходит почти мгновенно при условии большого среднестатистического периода полураспада, то это почти невозможно.

— Но все же возможно?

— Да, — ответила Баранова, — такая возможность есть.

— Следовательно, мы можем неожиданно деминимизироваться через пять минут, или даже через минуту, или, когда я вздохну в следующий раз?

— Теоретически — да.

— И вы все знали это? — Моррисон обвел глазами всех членов экипажа. — Конечно, вы все знали. Почему, в таком случае, не сказали мне?

— Альберт, мы — добровольцы, работающие для науки и для своего государства, — ответила Баранова. — Мы знали обо всех опасностях и согласились на это. Вы же принимаете в этом участие вынужденно, и у вас другие мотивы. Вполне возможно, что, зная об этих опасностях, вы бы отказались войти в корабль добровольно или, будучи доставленным сюда

силой, оказались бы бесполезным для нас из-за постоянного... — она замолчала.

— Из-за постоянного страха, вы хотели сказать, — продолжил за нее Моррисон. — Естественно, я имею право на страх. Для этого есть повод.

Калныня слегка дрожащим голосом перебила:

— Пора прекратить разговор о страхе Альберта, Наталья. Именно он вышел из корабля в костюме, совершенно не пригодном для этого. Именно он развернул корабль с риском для собственной жизни. Где был его страх, когда он делал все это? Если он и боялся, то сумел победить это чувство и выполнил все, что было необходимо.

Дежнев заметил:

— Но именно ты чуть раньше высказала мнение, что американцы трусливы.

— Значит, я была не права. Мое утверждение было безосновательно, и я прошу Альберта извинить меня.

В этот момент Моррисон поймал взгляд Конева, который повернулся на кресле и сердито уставился на него. Моррисон не был большим мастером читать мысли по лицу, но он мгновенно почувствовал, что Конев ревновал его. И ревность его была неистойвой.

48.

Корабль медленно двигался по капилляру к точке, намеченной Коневым: к скептическому узловому пункту. Сейчас они не зависели от слабого течения. Двигатели, как понял Моррисон, работали в двух

режимах. В первом режиме они просто двигались вперед с включенными двигателями, что было гораздо быстрее дрейфа по течению и почти заглушало эффект броуновского движения. Во втором — двигатель работал, когда они наталкивались то на один эритроцит, то на другой.

Часто после столкновения корабль слегка отбрасывало, а эритроцит откатывался назад между кораблем и стенкой сосуда. Иногда красные кровяные тельца оказывались в опасной близости от мертвой зоны, и тогда корабль просто разбивал их. Остатки эритроцитов отлетали назад, не причиняя никакого вреда корпусу. Памятуя о том, что в каждом кубическом миллиметре крови насчитывается по меньшей мере пять миллионов красных кровяных телец, Моррисон воспринимал эту резню спокойно.

Он более охотно размышлял о разных кровяных тельцах, чем о возможности спонтанной деминимизации. Он знал, что ее взрыв в течение ближайших нескольких минут был слишком маловероятен. В любом случае, это будет просто мгновенная тьма. Смерть от того, что мозги спекутся, наступит так быстро, что никто этого не почувствует.

Не так давно он сам испытал медленное поджаривание, находясь в токе крови. Тогда он почувствовал, что действительно умирает. После случившегося смерть не внушала ему страха.

И все-таки... он переключился на другое.

Взгляд Конева... Что так долго закипало у него внутри и наконец вырвалось наружу? Он крайне

жестоко поступил с Софьей, бросив ее. Думал ли он действительно, что ребенок не его? Обычно людям не помогают доводы разума для того, чтобы сделать какое-то заключение в горячке эмоций, а сомнения в собственной правоте заставляют их только сильнее цепляться за то, в чем они сами себя убедили. Патология. Вспомните Леонтию в «Зимней Сказке» Шекспира. Он-то прекрасно изобразил суть вещей. Конев отталкивал Софью и ненавидел ее за все плохое, что сам причинил ей. Он сам мог отправить ее к другому мужчине и ненавидеть ее за это. И к тому же ревновать.

А она? Может, она знала об этой ревности и сознательно играла на этом? Возможно, она преднамеренно общалась с Моррисоном, с американцем, чтобы уколоть Конева побольнее: нежно обтирала его влажным полотенцем, защищала его в спорах. Зная, естественно, о том, что Конев видит все это.

Моррисон сжал губы: ему не нравилось быть теннисным мячиком, который перебрасывают друг другу, стараясь ударить побольнее.

В конце концов, все это не его дело, и он не будет ни на чьей стороне. Только как ему это удастся? Софья Калныня была привлекательной женщиной, излучавшей какую-то тихую печаль, а Юрий Конев — мрачным мужчиной, постоянно сдерживающим закипающую злобу. Что мог поделать Моррисон, если Софья ему нравилась, а Юрий вызывал неприязнь?

Он заметил, что на него грустно смотрит Барано-

ва, и решил, что она неверно истолковала его молчаливую задумчивость. Решила, что он размышляет о возможности смерти из-за минимизации? А ведь именно об этом Альберт как раз и старался не думать.

Его предположения оправдались: Баранова вдруг сказала:

— Альберт, мы все рискуем. У меня есть муж. У меня есть сын. Я хочу вернуться к ним. И я хочу, чтобы мы все вернулись живыми. Я хотела бы, чтобы вы поняли это.

— Я уверен в том, что вы действительно хотите этого. Но что вы можете предпринять против деминимизации — спонтанной, непредсказуемой, неуправляемой?

— Спонтанной и непредсказуемой — согласна, но кто сказал, что она неуправляема?

— А вы сможете ее остановить?

— Я могу попытаться. У каждого из нас свои обязанности. Аркадий ведет корабль, Юрий определяет курс к пункту назначения, Софья адаптирует электромагнитные характеристики корабля, вы будете изучать излучение мозга. А я сижу здесь, позади, и принимаю решения. Большинство из них пока были ошибочными, я признаю это. Сейчас я наблюдаю повышение температуры.

— Повышение температуры?

— Да, перед началом деминимизации происходит небольшое освобождение тепловой энергии. Это типично. И эта эмиссия тепла становится дестабили-

зирующей, она нарушает равновесие, и чуть позже начинается процесс деминимизации. Когда это произойдет, я должна очень быстро увеличить мощность поля минимизации, чтобы абсорбировать тепло и восстановить метастабильность.

С сомнением Моррисон спросил:

— А такой эксперимент уже проводился, или это — чистая теория?

— Это уже делалось, правда, при гораздо меньшей мощности поля. В любом случае, я уже принимала в этом участие, и, надеюсь, моя реакция окажется достаточно быстрой.

— Скажите, Наталья, это из-за спонтанной деминимизации Шапиров впал в кому?

Баранова помедлила:

— Мы не знаем точно, было это вызвано законами природы или ошибкой человека, или тем и другим вместе. Возможно, это было чуть больше допустимого, отклонение от метастабильного состояния равновесия. И не более того. Если я проанализирую это в деталях, вы не поймете, так как не знаете физических и математических основ минимизации, а просветить вас в этой области я не могу.

— Понятно. Секретные материалы.

— Конечно.

Дежнев прервал их:

— Наталья, Юрий говорит, мы — в скептическом узле.

— Тогда — стоп! — скомандовала Баранова.

49.

Остановка двигателей не заняла много времени. Моррисон удивился, заметив, что Дежнев совсем не уделял этому внимания. Он смотрел на свои приборы, но не делал никаких попыток управлять движением корабля.

Больше всех была занята Калныня. Моррисон косился влево, наблюдая, как она колдует над приборами. Ее волосы ниспадали вниз, но не очень длинные они не мешали ей, тонкие пальцы бегали по клавишам компьютера. Графические построения на экране, к которому был прикован ее взгляд, ничего не говорил Моррисону.

— Аркадий, — сказала она, — дай немного вперед.

Слабое течение крови в капилляре медленно несло корабль.

Дежнев включил двигатели на малые обороты. Моррисон почувствовал, как его почти невесомое тело чуть дернулось назад. Инерция была слишком мала, чтобы вызвать настоящий толчок. Ближайший эритроцит, проскользнув между кораблем и стенкой сосуда, остался позади.

— Стоп, стоп, — скомандовала Калныня, — достаточно.

— Я не могу остановить корабль, я могу только выключить двигатели, что я и сделал, — сказал Дежнев.

— Все в порядке. — Калныня помедлила минуту

и добавила: — Во всяком случае, я так думаю. — Затем сказала с уверенностью: — Да, я все сделала.

Моррисон почувствовал, как его тело слегка дернулось вперед, он разглядел, как за стеной корабля медленно проплыли мимо красное кровяное тельце и редко встречающийся тромбоцит. Неожиданно он понял, что совсем не ощущает броуновского движения. Легкое дрожание, к которому он так привык, теперь прекратилось совсем. Отсутствие его настораживало и производило такое же впечатление, как внезапное прекращение постоянного низкого гудения. Моррисон с трудом пошевелился. Ощущение было такое, словно его сердце остановилось, хотя он прекрасно знал, что это не так.

— Что случилось с броуновским движением? — спросил Моррисон Софью.

— Мы пришвартовались к стенке капилляра.

Моррисон кивнул: если корабль стал единым целым со стенкой сосуда, то удары молекул воды, которые порождали броуновское движение, теперь становились не ощутимы. Удары принимали на себя определенные участки сравнительно инертной стенки капилляра, но они не действовали на крошечный, размером всего с тромбоцит, корабль. Естественно, дрожание прекратилось.

— Как тебе удалось причалить, Софья? — спросил Моррисон.

— Обычный электрический заряд. Стенка капилляра состоит частично из белка, частично из фосфолипина, то есть имеются положительно и отрицатель-

но заряженные участки. Моя задача — найти заряд достаточной силы и зарядить корабль соответствующе: отрицательно для положительного заряда стенки и наоборот. Сложность в том, что корабль движется по течению, поэтому мне приходится определять заряд стенки с опережением, чтобы соответственно зарядить корабль до того, как мы минем нужный участок. Я упустила три таких возможности. Потом начался участок, не имеющий достаточного заряда, поэтому мне пришлось просить Аркадия продвинуться немного вперед. Но теперь все в порядке.

— Не было бы никаких проблем, если бы корабль имел задний ход, правда? — спросил Моррисон.

— Это так, — согласилась Калныня. — Следующая модель будет с задней передачей. Но пока мы имеем только то, что имеем.

— Совершенно верно, — вставил Дежнев. — Как говорил мой отец: «В предвкушении предстоящего праздничного обеда можно и поголодать».

— С другой стороны, — продолжала Калныня, — если бы наши двигатели имели все необходимые функции, соблазн использовать их постоянно был бы слишком велик. И кто знает, какой вред это причинило бы бедному Шапирову. Кроме того, это было бы очень дорого. При теперешнем положении электрическое поле, которое мы используем, требует гораздо меньше энергии, чем работающий двигатель. Это добавляет мне немного хлопот, но в принципе — ничего страшного.

Моррисон был уверен, что она рассуждала так вовсе не для того, чтобы возвыситься в его глазах.

— Вы всегда настроены так философски?

На какую-то долю секунды ее глаза вспыхнули, а ноздри на мгновение напряглись, но сразу все это исчезло, и она ответила с еле заметной улыбкой:

— Конечно, нет. Но я стараюсь.

Баранова нетерпеливо вмешалась в разговор:

— Хватит болтать, Софья. Аркадий, ты на связи с Гротом. Спроси их, почему они медлят?

Сидя на кресле вполоборота, Дежнев рукой сделал успокаивающий жест в сторону Барановой:

— Спокойствие, мой капитан. Они хотят, чтобы мы пока оставались на этом месте, по двум причинам: во-первых, они должны поймать локатором сигналы, которые я послал в трех направлениях, во-вторых, с их помощью определить, насколько координаты пункта назначения, выведенные Юрием, совпадают с их данными.

— Сколько времени уйдет на это?

— Кто знает? По меньшей мере несколько минут. Кроме того, мои сигналы довольно слабы, и локатор может их не уловить с первого раза. Так что, возможно, им придется повторить измерения несколько раз, а получив основное значение, вычислять допустимую погрешность. После этого необходима коррекция, потому что, как говорил мой отец: «Почти верное немногим лучше вовсе неверного».

— Да, да, Аркадий. Но все зависит от сущности проблемы. Какова вторая причина ожидания?

— Они хотят осмотреть Петра Шапирова. Нарушилась ритмичность сердца.

Конев оторвался от приборов: рот его был слегка приоткрыт, щеки впали и скулы заострились.

— Что? Они сказали, что это происходит из-за нас?

— Нет, — ответил Дежнев. — Не делай из этого трагедию. Они не сказали ничего подобного. Да и вообще, какой вред мы можем причинить Шапирову? Мы просто красное кровяное тельце среди других себе подобных. Одно из триллиона.

— Так что же тогда случилось?

— Откуда я знаю, — раздраженно ответил Дежнев.

— Они что, сказали мне? Я же не физиолог. Я только управляю этой посудиною, и платят мне за то, что я держу руки на пульте.

— В любом случае, жизнь в теле академика еле теплится, — с грустью сказала Калныня. — Это чудо, что он так долго оставался в стабильном состоянии.

— Ты права, Софья, — кивнула Баранова.

Голос Конева прозвучал неожиданно жестко:

— Но он должен оставаться в этом состоянии и дальше. Он не может умереть сейчас. Только не сейчас. Мы еще не произвели нужных измерений.

— Мы все сделаем, — успокоила его Баранова. — Аритмичное сердцебиение еще не означает смерть, даже если человек в коме.

Конев энергично сжал пальцы в кулак.

— Я не намерен терять ни минуты. Альберт, давайте начинать.

Моррисон удивленно спросил:

— Что мы можем сделать, находясь здесь, вне нейрона?

— Мы сможем уловить нейронное излучение и отсюда.

— Ни в коем случае! Импульсы нейронов передаются по аксонам и дендритам, иначе они бы ослаблялись настолько, что терялись бы в пространстве. Поезда движутся по рёльсам, телефонная связь осуществляется по проводам, нейронные импульсы...

— Не будем спорить, Альберт. Нельзя признавать поражения, основываясь только на умозрительных рассуждениях. Давайте проверим. Вдруг вам удастся засечь излучение и провести нужный анализ?

— Я попытаюсь, только, пожалуйста, не разговаривайте со мной в таком командирском тоне.

— Извините, — сказал Конев, хотя в его голосе извинения не слышалось. — Я хочу посмотреть, как вы это делаете.

Он отстегнул ремни и попытался усесться удобнее, ворча при этом: « В следующий раз хорошо бы иметь что-нибудь попросторнее».

— Океанский лайнер, например, — сострил Дежнев. — Но только в следующий раз.

Моррисон сказал:

— Прежде всего посмотрим, сможем ли мы вообще что-нибудь засечь. Беда в том, что мы окружены электромагнитными полями. Их полно в мышцах: практически каждая молекула является...

— Не надо говорить об общеизвестном, — прервал его Конев.

— Я говорю об этом только потому, что мне нужно время для настройки прибора. Поле нейрона весьма характерно, и, после введения программы, компьютер не будет анализировать поля, не имеющие подобных характеристик. Таким образом, мы идентифицируем все поля нужного типа и отбросим другие. Вот так...

— Как? — требовательно переспросил Конев.

— Я описывал это в своей работе.

— Но я не видел, как вы сделали это сейчас.

Ни слова не говоря, Моррисон повторил всю операцию.

— А теперь мы будем засекать только поля нейронов, если, конечно, будет что улавливать. Увы! Ничего нет!

Конев сжал правую руку в кулак:

— Вы уверены в этом?

— На экране — горизонтальная линия, и ничего более.

— Она дрожит!

— Помехи. Возможно, из-за электрополя корабля. Оно довольно сложное и совершенно не похоже ни на одно из естественных полей живого тела. Мне никогда не приходилось настраивать компьютер на фильтрацию искусственного поля.

— Ладно, нужно двигаться дальше. Аркадий, скажи им, мы не можем больше ждать!

— Я не могу сделать этого, Юрий, без приказа Натальи. Она — капитан. Или ты забыл об этом?

— Спасибо, Аркадий, — холодно сказала Баранова. — По крайней мере, ты не забыл этого. Мы простим Коневу его оплошность и спишем все на чрезмерное усердие в работе. Я приказываю не двигаться с места, пока не поступит ответ из Грота. Если эксперимент провалится из-за смерти Шапирова, всегда найдутся желающие сказать, что виной всему невыполнение указаний.

— А если провал произойдет именно из-за того, что мы будем следовать указаниям? Такое тоже может случиться, ты же знаешь! — голос Конева звучал почти истерично.

— Тогда вина ляжет на того, кто давал указания, — ответила Баранова.

— Мне не важно, кого признают виновным, меня или кого-то другого. Важен результат, — отрезал Конев.

— Согласна, — сказала Баранова, — если мы имеем дело с уникальной теорией. Но если ты собираешься работать над проектом и после возможной катастрофы, ты увидишь, что обычай искать виновного весьма живуч.

— Ладно, — сказал Конев, слегка успокоившись, — попроси, чтобы они разрешили нам двигаться как можно скорее, и тогда мы...

— Тогда что? — спросила Баранова.

— И тогда мы войдем в клетку. Мы должны это сделать.

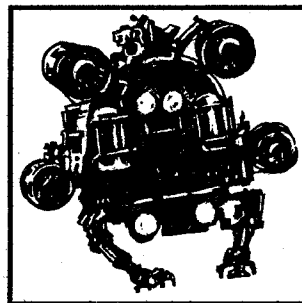
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

МЕЖКЛЕТОЧНОЕ ВЕЩЕСТВО

«В жизни, в отличие от шахмат, игра продолжается и после мата».

Дежнев Старший

50.

Тяжелое молчание повисло в корабле, лишь Конев постоянно ерзал, его руки ни на секунду не успокаивались.

Моррисон даже почувствовал смутную симпатию к нему: добраться до пункта назначения, выполнив все запланированное, преодолев все трудности... И вот, чувствуя успех, ждать в страхе, что все может закончиться по мановению чьей-то руки.

Ему было знакомо это чувство. Но сейчас оно не было таким острым

Да, он был подавлен и разочарован, но не так,

как тогда. Он помнил все: эксперименты, которые обнадеживали, но окончательно ничего не подтверждали; коллеги, которые улыбались и кивали, но не верили его выводам.

Он наклонился вперед и сказал:

— Юрий, обратите внимание на эритроциты: они движутся вперед вполне размеренно — один за другим. Пока движение эритроцитов не нарушается, с нами все в порядке.

Дежнев сказал:

— Кроме того, я постоянно слежу за температурой крови. Если бы Шапиров умирал, она бы понизилась. Сейчас же она нормальная.

Конев хмыкнул, словно презрительно отменяя утешения, но Моррисону показалось, что он стал спокойнее.

Альберт откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Он спросил себя, хочет ли есть, и решил, что нет. Потом задался вопросом: а не переполнен ли мочевого пузырь? Тоже нет. Но большого облегчения это не принесло. Любой может не есть в течение определенного времени, но переполненный мочевого пузырь не оставляет такой свободы.

Ему вдруг показалось, что Калныня что-то сказала ему, а он не слышал.

Он повернулся к ней:

— Извини, что ты сказала?

Калныня удивилась:

— Это вы меня извините, я сбила вас с мысли.

— Эта мысль стоила того, Софья. Прошу прощения, я был невнимателен.

— Я хотела спросить, что вы делали, когда анализировали излучение мозга. Я имею в виду в отличие от других исследователей. Почему нам было необходимо... — она замолчала, явно не зная, как продолжить.

Моррисон без труда уловил:

— Вы хотите спросить, зачем меня нужно было силой тащить сюда, отрывать от родины?

— Я рассердила вас?

— Нет. Я не думаю, что это была ваша идея.

— Конечно, нет. Я ничего не знала об этом. Поэтому я и спрашиваю. Я ничего не знаю о ваших исследованиях поля, кроме того, что это — электро-нейтральные волны и что наиболее сложной и важной частью излучения была электроэнцефалография.

— В таком случае, боюсь, я не смогу сказать вам, что особенного в моей концепции.

— Значит, это — секрет? Я так и думала.

— Да нет, не секрет, — рассердился Моррисон. — В науке нет секретов, во всяком случае, их не должно быть. Но есть борьба за приоритет. Поэтому ученым приходится быть осторожными в высказываниях. Это касается и меня, но не в данном случае. Я не могу рассказать, потому что у вас нет необходимой базы.

Поджав губы, Калныня, видимо, все уже сказала:

— И все же, вы не могли бы рассказать хоть в общих чертах?

— Постараюсь, если вас устроят элементарные выкладки. Боюсь, я не смогу должным образом описать поле в целом. То, что мы называем излучением мозга, представляет собой конгломерат всех видов деятельности нейронов: чувствительные восприятия различного качества, раздражения мышц и желез, механизмы возбуждения, координации и так далее. Среди всего этого разнообразия есть и волны, которые порождаются созидательной, творческой мыслью. Вычленив эти скептические волны, как я назвал их, из общей массы невероятно трудно. Организм делает это без труда, а мы, бедные ученые, пребываем в полной растерянности.

— Мне это не трудно понять, — сказала Калныня. Она улыбалась и выглядела довольной.

«Она замечательно хорошеет, — подумал Моррисон, — когда ей удастся избавиться от меланхолии».

— Я еще не дошел до сложностей.

— Тогда продолжайте...

— Около двадцати лет назад было открыто явление, которое раньше считалось случайным компонентом волны, так как ни один из исследователей не мог засечь его из-за совершенства применяемых приборов. Сейчас мы называем его «мерцание». Это — очень быстрая осцилляция, имеющая переменную амплитуду и интенсивность. Вы, конечно, догадываетесь, что не я это открытие сделал.

Калныня улыбнулась:

— Думаю, двадцать лет назад вы были слишком молоды для открытий.

— Я тогда был студентом, сделавшим открытие, что молодые женщины не лишены привлекательности. Обнаружить это, без сомнения, тоже очень важно. Наверное, открытия подобного рода происходят не один раз в жизни. Но я увлекся.

Многие предполагали, что «мерцание» может представлять собой отражение мыслительных процессов мозга. Но никто не смог доказать это. Явление появлялось и исчезало — ученые то обнаруживали его, то нет. В конце концов пришли к общему мнению, что это — артефакт, явление, вызванное тем, что приборы оказались слишком тонкими для тех измерений, которые проводились, и в результате зафиксировали какие-то помехи.

Я же был уверен, что это не так. К тому времени я уже создал компьютерную программу, которая позволяла выделить «мерцание» и продемонстрировать, что оно всегда присутствует в излучении мозга. Я проводил опыты с животными, которые были слишком опасны для человека, и использовал их результаты для дальнейшего усовершенствования программы.

Но чем совершеннее становился анализ и чем более важными я считал результаты, тем меньшее количество ученых могло продублировать опыты. В результате — они все более упорно настаивали на ошибочности моих выводов, полученных в ходе экспериментов над животными.

Но даже выделение «мерцания» из общей волно-

вой структуры не доказывало, что оно является порождением абстрактного мышления.

Я увеличивал мощность приборов, усиливал «мерцание», модифицировал программу снова и снова, пока не пришел к выводу, что действительно имею дело с абстрактным мышлением, со скептическими волнами. Но уже ни один человек не мог повторить моих опытов. Некоторым я даже позволил воспользоваться своей программой и компьютером — почти такими же, как я использую сейчас. Но у них ничего не вышло.

Калныня слушала его с серьезным выражением лица:

— Как вы думаете, почему никто не сумел повторить ваши эксперименты?

— Самое простое объяснение, — все дело во мне, что я не вполне нормальный, если не сумасшедший. Думаю, некоторые мои коллеги объясняли все именно так.

— Вы считаете себя сумасшедшим?

— Нет, Софья. Но иногда и я начинаю сомневаться. Видите ли, после выделения скептических волн и их усиления человеческий мозг сам может стать принимающим прибором. Волны могут передавать мысли человека, объекта исследования, другому человеку. Мозг, естественно, является очень тонким приемником — и в то же время совершенно индивидуальным. Если я усовершенствовал свою программу таким образом, что мог воспринимать волны лучше, значит, я приспособил ее к своему собствен-

ному, уникальному мозгу. Но для мозга других людей все это совершенно неприемлемо. Это как в живописи. Чем ближе изображение к оригиналу, тем меньше оно похоже на других. Так же и здесь: чем больше моя программа соответствовала моей индивидуальности, тем меньше она подходила для кого-то другого.

— А вы действительно улавливали мысли?

— Я не уверен. Иногда я думал, что это действительно так, но я никогда не был полностью убежден, что это не плод моего воображения. Естественно, никто кроме меня, используя мою программу или какую-то другую, ни разу не почувствовал ничего подобного. Я испытывал явление «мерцания» для того, чтобы определить его источник в мозгу шимпанзе (а им являлись скептические узловыe пункты) и выделить соответственные точки в мозгу человека. Но и это не было принято другими исследователями. Они сочли это проявлением чрезмерного энтузиазма ученого, пытающегося найти доказательства собственной неверной теории. Даже введя электроды в скептические узлы животных, я не получил полной уверенности в положительном результате.

— Опыты на животных вряд ли давали такую возможность. А вы опубликовали материалы своих исследований?

— Я не решился, — ответил Моррисон, качая головой. — Ни один из ученых не принял бы таких субъективных выводов. Я упоминал о них вскользь в беседах с несколькими людьми (нужно было быть

идиотом, чтобы сделать это). В результате большинство моих коллег полностью убедились, что я, мягко говоря, не вполне нормален. В прошлое воскресенье Наталья сказала, что Шапиров серьезно заинтересовался моей работой, но и он считался, по крайней мере, у меня на родине не от мира сего.

— Он не сумасшедший, — твердо сказала Калныня, — или не был таким.

— Хотел бы надеяться.

Конев, не оборачиваясь, вдруг сказал:

— Ваше открытие произвело на Шапирова очень сильное впечатление. Я знаю. Он рассказывал об этом. Он уверял, что ваша программа может стать отправным пунктом для разнообразных исследований и что он хотел бы поработать с ней. Если бы мы находились внутри нейрона, ключевого нейрона скептического узла, все было бы по-другому.

Вы бы безошибочно улавливали мысли. Шапиров даже считал, что вы можете безошибочно читать мысли и в обычной обстановке, но не хотите, чтобы об этом знали другие. Это правда?

«Как они все помешаны на секретности!» — подумал Моррисон. Но тут его взгляд упал на лицо Калныни: приоткрыв рот, она поднесла палец к губам, словно просила его быть осторожнее в словах.

Ход его мыслей прервал громкий голос Дежнева, который жизнерадостно провозгласил:

— Хватит болтовни, дети мои. В Гроуте определили наши координаты и, к их огромному изумлению, мы оказались именно там, где нам следовало быть.

Конев победно поднял обе руки вверх. Голос его звучал почти по-мальчишески:

— Именно там, куда я вас привел!

Дежнев поправил его:

— Давай разделим лавры на всех, мы добрались до пункта назначения.

— Нет, — не согласилась с ним Баранова. — Я приказала Коневу принимать решение под его ответственность. Следовательно, это его заслуга.

Коневу этого было мало:

— Ты бы не стал так скоропалительно требовать признания коллективного героизма, Аркадий Виссарионович (в Советском Союзе давно не принято было употреблять отчество, но Конев сделал это, стараясь подчеркнуть, что Дежнев — выходец из крестьянской среды, где такой стиль общения все еще был принят), если бы оказалось, что мы находимся не в нужном нам капилляре.

Улыбка Дежнева погасла, он прикусил нижнюю губу.

Но тут Баранова вступила в разговор. Ее повелительное контральто положило конец пререканиям:

— А как Шапиров? Что с ним?

— Все позади, — ответил Дежнев. — После инъекции ритмичность сердцебиения нормализовалась.

Конев спросил:

— Мы можем, наконец, двигаться?

— Да, — ответила Баранова.

— В таком случае, выходим из кровеносной системы.

51.

Баранова и Калныня склонились над приборами. Моррисон наблюдал за ними несколько минут, но ничего не понял в происходящем. Тогда он повернулся к Дежневу. Тот вальяжно развалился в своем кресле. (В отличие от Конева, поза которого была настолько напряженной, что рельефно вырисовывались мышцы). Моррисон спросил:

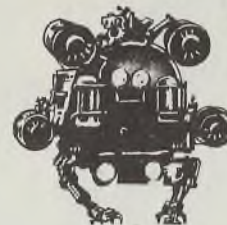
— Что будем делать, Аркадий? Мы не можем просто так вырваться из сосуда в мозг?

— Мы выскользнем, когда будем достаточно маленького размера. Сейчас мы снова подвергаемся минимизации. Посмотри вокруг!

Моррисон осмотрелся. Он понял, что всякий раз, когда обстановка, казалось, стабилизировалась, он привыкал к ней и не обращал на нее внимания.

Скорость течения увеличилась. Вернее всего, не скорость увеличилась, а корабль уменьшился. И поэтому объекты, мимо которых они проплывали, исчезали из виду гораздо быстрее. Мозг же, отказываясь принимать изменившиеся размеры корабля, списывал все на увеличившуюся скорость течения. Мимо проплыл эритроцит, вздымая волнение, как переваливающийся с боку на бок кит мимо весельной лодки. Цвет его был гораздо бледнее, он стал почти прозрачным, и края были нечеткими из-за

ФАНТАСТИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

ФАНТАСТИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

броуновского движения. Местами тело эритроцита приобрело серовато-дымчатый оттенок, и он напоминал грозовую тучу. К этому времени эритроцит потерял почти весь свой кислород, отдав его алчным клеткам мозга, которые без движения или какого-либо иного признака жизни поглощали четверть всего кислорода, разносимого кровью к различным органам тела. Получив необходимое питание, мозг координировал чувственное восприятие, реакции, мысли, и все это с такой степенью сложности, которой неодушевленный компьютер достигнет только через астрономическое число лет. А может быть, и вообще не достигнет. Или все это потребует таких затрат, что станет просто бессмысленным.

Среди красных кровяных телец время от времени встречались тромбоциты и сравнительно редко белые клетки — лейкоциты, выросшие теперь до чудовищных размеров. Плазма же, заполненная ими, стала еще меньше похожа на жидкость. Она стала как бы гранулированной, и гранулы медленно увеличивались в размерах, проплывая мимо с постоянно нарастающей скоростью. Моррисон знал, что это были молекулы белка. Немного погодя ему стало казаться, что, несмотря на их постоянное кружение, он мог различить геликоидальное строение атомов. Некоторые были окружены целым миниатюрным лесом липидных молекул.

Он также начал ощущать изменившийся характер движения: не было, как прежде, дрожания, а появились колебания, которые становились все отчетливее.

Моррисон повернул голову, чтобы разглядеть стенку сосуда, к которой они прикрепились.

Отдельные клетки, выстилавшие внутреннюю поверхность, исчезли, скорее всего они увеличились до такого размера, что в поле зрения была всего одна из них. Он разглядел промелькнувшее мимо ядро клетки, большое и округлое и все продолжавшее расти. Корабль покачнулся, и часть корпуса оторвалась от стенки капилляра. Затем качнулся еще раз и снова прикрепился к внутренней поверхности сосуда.

— Что происходит? — спросил Моррисон у Калныни, но она не ответила, только нетерпеливо тряхнула головой, совершенно поглощенная работой.

— Софья пытается нейтрализовать электрический заряд то на одном, то на другом участке корпуса, чтобы напряжение не повредило стенку. Одновременно ей приходится отыскивать новые участки соединения, чтобы корабль совсем не оторвался от поверхности капилляра. Трудно минимизироваться и сохранять соединение со стенкой сосуда в одно и то же время.

Моррисон спросил обеспокоенно:

— До какого размера мы будем минимизироваться?

Его голос оборвала резкая команда Калныни:

— Аркадий, продвинь корабль вперед. Только осторожно!

— Хорошо, Софья. Скажи, когда остановиться.

И обращаясь к Моррисону, добавил:

— Мой отец часто говорил: «Лучше недостараться, чем перестараться».

— Еще, еще немного, — командовала Калныня.
— Теперь хорошо. Я попытаюсь еще раз.

Казалось, корабль прикрепился к стенке, но неожиданно вновь соскользнул, и Моррисон почувствовал, как его потянуло на спинку кресла.

— Хорошо, — сказала Калныня, — теперь еще немного.

Одна клетка внутренней поверхности капилляра ускользнула, и началась другая. Бесконечная цепочка клеток, плотно пригнанных одна к другой, образовала узкую трубку, внутри которой находился их корабль с командой из пяти человек.

Пространство между клетками казалось волокнистым, с отростками, тянувшимися от одной клетки к другой. Некоторые из них были словно срезаны и напоминали пеньки на лесной просеке. Моррисону показалось, что в этих просеках были разрывы, но он не мог разглядеть их хорошо, так как угол зрения не позволял сделать это. Он повторил свой вопрос:

— До какого предела мы будем минимизироваться, Аркадий?

— До размера мельчайшей органической молекулы.

— А какова возможность спонтанной деминимизации при таком размере?

— Существенная, — ответил Дежнев. — Гораздо большая, чем когда мы были размером с эритроцит или даже с тромбоцит.

— И все же недостаточная для того, чтобы волноваться по этому поводу, — успокоила Баранова. — Уверю вас.

— Абсолютно верно, — сказав это, Дежнев слегка приподнял руку с двумя скрещенными пальцами так, чтобы Моррисон видел, а Баранова, сидящая позади, нет. Этот американский жест стал универсальным, и Моррисон, точно зная, что он означает, похолодел.

Дежнев смотрел вперед, но, то ли почувствовав реакцию Моррисона, то ли услышав его тихое бормотание, сказал:

— Не волнуйтесь об этом, мой юный друг. Конечно, волноваться о чем-то время от времени необходимо, но сейчас давайте поволнуемся о нашем выходе из кровеносной системы. Софья, моя любимая...

— Да, Аркадий? — откликнулась она.

— Ослабь поле задней части корабля, и когда я продвинусь, проверь пространство впереди.

— Я сделаю именно так, Аркадий. Разве ваш отец не говорил вам ни разу: «Нет смысла учить вора воровать»?

— Действительно говорил! Тогда воруй, маленький воришка, воруй!

Моррисон размышлял: наигранное безразличие Дежнева к возможности внезапной смерти? И желание Калныни подбодрить его? Чем все это вызвано? Может, таким образом они демонстрировали пренебрежение к его трусости? Или, в самом деле, успокаивали его?

Вполне естественно для любого человека, делающего выбор между дружеским отношением и враждебным, отдать предпочтение дружескому. Наверное, отец Дежнева согласился бы с ним. Эта мысль подняла настроение.

Задняя часть корабля застыла в нескольких сантиметрах (нескольких пикометрах в реальном измерении) от стенки капилляра. Моррисон изучал ее с близкого расстояния, разглядывая сомкнутые ряды белковых и липидных молекул, образующих ткань стенки. Он размышлял: «Почему мы упускаем возможность изучить ткани с более лучшим результатом, чем дает любой сканирующий электронный микроскоп? К тому же, это живые ткани, и можно наблюдать не только их строение, но и жизненно важные процессы в развитии. Мы прошли по кровеносной системе в непосредственной близости от стенок капилляров, но не оценили, не всмотрелись в них как ученые. Мы просто проходили мимо, проявляя не больше интереса, чем если бы следовали по подземному тоннелю в поезде метро. И все для того, чтобы изучить осцилляции, порождаемые мыслью... а может...»

Корабль продвигался фут за футом («Я мыслю в старой системе мер», — вдруг подумал Моррисон. Но он никогда не слышал, чтобы кто-либо говорил «продвигаться сантиметрами»), словно на ощупь. Возможно, это из-за того, что Дежнев постоянно манипулировал двигателями, а Калныня выискивала подходящие электрические поля.

— Софья, малышка, мы приближаемся к месту соединения двух клеток, — сказал Дежнев странно сдавленным голосом.

— Проверь, насколько плотно носовая часть может быть прикреплена к стенке, я еще немного продвинусь вперед.

— Судя по внешнему виду и поведению, в этом месте имеется скопление аргинина, что создает сильное положительное поле и облегчает мою задачу.

— Не будь такой самоуверенной, — сурово сказала Баранова. — Проверь еще раз. Если корабль не присоединится к стенке достаточно плотно, у нас будет очень много хлопот.

— Хорошо, Наталья. Но при всем уважении к тебе должна заметить, что не стоило напоминать мне об этом.

Дежнев взял инициативу в свои руки:

— Софья, выполняй в точности мои указания. Только носовая часть должна остаться в соприкосновении со стенкой сосуда, но соединение должно быть прочным. Освободи корпус корабля.

— Я сделала это, — ответила Софья безразлично.

Моррисон затаил дыхание. Задняя часть корабля отошла от стенки, а его нос остался соединенным с ней. Течение подхватило освобожденную часть корпуса и развернуло под острым углом. Стенка капилляра в месте соединения подалась наружу, словно здесь вскочил прыщ.

Он натянуто произнес:

— Осторожно! Мы прорвем кусок стенки!

— Тихо! — прогремел голос Дежнева. Потом уже обычным голосом он продолжал: — Софья, я буду медленно увеличивать мощность двигателей. Приготовься полностью освободить корпус корабля. Он должен быть совершенно нейтральным, но не раньше, чем я скажу.

Софья быстро взглянула на Баранову. Та в обычной спокойной манере сказала:

— Выполняй в точности указания Аркадия, Софья. Сейчас он главный.

Моррисону показалось, что корабль устремился вперед. Стенка капилляра в точке соединения с кораблем вытягивалась все больше и больше.

Софья озабоченно заметила:

— Аркадий, либо не выдержит поле, либо стенки капилляра.

— Еще секунду, дорогая, еще секунду. Пора!

Стенка сосуда подалась назад, и корабль резко пошел вперед. Моррисон почувствовал, как его отбросило к спинке сиденья. Нос корабля вошел в ткань между двумя клетками стенки капилляра.

52

Сначала Моррисон ясно различал шум работающих двигателей. Их натянутый гул создавал впечатление, что корабль пробивается вперед все с большим трудом. Видимость впереди была нулевая. Толщина капиллярной стенки была уже значительно больше размеров корабля.

Корабль уже полностью погрузился в ткань.

Дежнев, утирая пот со лба, повернулся к Барановой и сказал:

— Мы расходует энергию быстрее, чем следует.

— Тогда останови корабль, и надо обсудить ситуацию, — предложила Баранова.

— Если я сделаю это, соединительная ткань вытолкнет нас благодаря своей эластичности. Мы снова окажемся в кровеносном сосуде, — возразил Дежнев.

— Уменьши мощность двигателей настолько, чтобы они могли удержать корабль в теперешнем положении.

Пульсация прекратилась.

— Соединительная ткань довольно сильно давит на корпус, — сказал Дежнев.

— Достаточно сильно, чтобы раздавить нас?

— Пока нет. Но я не могу ручаться, что корпус выдержит давление долгое время.

Моррисон взорвался:

— Это просто нелепо! Кто-то, кажется, говорил, что мы имеем размер крошечной органической молекулы?

— Сейчас мы размером с молекулу глюкозы, которая состоит из двадцати четырех атомов, — ответила Баранова.

— Спасибо, — холодно поблагодарил Моррисон. — Я знаю, сколько атомов в молекуле глюкозы. Но мелкие молекулы постоянно проникают сквозь стенки капилляра благодаря диффузии. Диффузии! Так

происходят все процессы в организме. Почему же мы не диффузируем?

— Диффузируют далеко не все молекулы, — ответила Баранова. — В каждую единицу времени в кровеносной системе имеется двадцать четыре триллиона молекул глюкозы. Они беспорядочно передвигаются, и некоторые из них, оказавшись в нужном месте в нужное время, проникают через мембрану клеток капиллярной стенки. В единицу времени это очень маленький процент, но этого достаточно, чтобы поддерживать функции ткани. Тем не менее, какая-то определенная молекула глюкозы может оставаться в крови в течение месяца, не подвергаясь диффузии. Мы можем ждать своей очереди месяц.

— Это не аргумент, Наталья, — нетерпеливо возразил Моррисон. — Почему мы не можем вызвать диффузию искусственно? Сколько мы будем торчать здесь, наполовину войдя в ткань?

— Я — на стороне Альберта, — сказал Конев. — Существует определенного вида противодействие между диффузирующим объектом и припятствием, сквозь которое происходит диффузия. Какова природа этого противодействия, никто точно не знает. Особенно трудно сказать что-то определенное здесь, у границы кровь — мозг.

— Мы находимся как раз у этой границы. Ты — эксперт по мозгу. Ты можешь сказать нам, как вызвать диффузию? — спросил Дежнев.

— Нет, не могу. Но глюкоза легко проникает сквозь эту границу, так как мозг нуждается в энер-

гии, которую она еще дает. Беда в том, что, имея размер молекулы глюкозы, корабль на самом деле ею не является.

— Ты имеешь в виду что-то конкретное, или это просто ликбез? — спросила Баранова.

— У меня есть идея. Мы сняли заряд с корабля, чтобы проникнуть в ткань. Но почему сейчас, когда сделали это, мы оставляем его нейтральным? Можем мы придать ему электромагнитные характеристики молекулы глюкозы? Если да, то для организма Шапирова он станет молекулой глюкозы. Отдай приказ сделать это, Наталья.

Калныня не стала дожидаться команды:

— Уже сделано!

Оба они, и Конев и Калныня, как заметил Моррисон, обращались к Барановой по-прежнему по-разному, делая вид, что не существуют друг для друга.

Дежнев заметил:

— Давление сразу уменьшилось. Мы больше не являемся враждебным объектом. Мать моего отца, как я помню, в таких случаях, кричала в ужасе: «Черная магия!» — и пряталась под кровать.

— Аркадий! — обратилась к нему Баранова. — Быстрее вперед, пока эта проклятая ткань не заметила, что мы только маскируемся под молекулу глюкозы!

— Есть! — отрапортовал Дежнев.

Моррисон сказал:

— Один-ноль в вашу пользу, Юрий. Предложение

было верным. Подсознательно я чувствую, что тоже мог додуматься до этого, но — увы.

— Ерунда, — угрюмо отреагировал Конев, словно получив недостаточную похвалу. — Поскольку мозг живет за счет глюкозы, мы уменьшились до размера молекулы этого вещества. Естественно, нам следовало иметь и другие его характеристики. Когда вы спросили, почему не происходит диффузия, я понял: нам нужны электромагнитные характеристики молекулы глюкозы.

Дежнев провозгласил:

— Уважаемые члены экспедиции! Мы вышли из кровеносной системы и проникли в мозг!

53.

«В мозг, — подумал Моррисон, — но не в клетку мозга». Миновав межклеточное пространство ткани стенки капилляра, они вошли в пространство между клетками мозга, во вспомогательные структуры, которые поддерживали форму, взаимодействие нервных клеток или нейронов. Убери их, и клетки расплзутся в аморфную массу, сольются воедино под воздействием гравитации и не смогут выполнять своих функций.

Это были настоящие джунгли, образованные толстыми, извилистыми жгутами коллагена (он являлся почти универсальным соединительным белком, выполняющим такие функции, как целлюлоза в древе-

сине, но дешевле, так как это был протеин, а не карбогидрат).

Для человека, подвергнутого ультраминимизации, эти жгуты коллагена, в обычных условиях невидимые без электронного микроскопа, выглядели, как стволы деревьев, тянущиеся в разных направлениях в собственном мире, где гравитация мало что значила.

Эти жгуты становились все толще и толще. Моррисон знал, что некоторые из них состоят из эластина и что собственно коллагены могут приобретать различные модификации. Если бы у него была возможность разглядеть полную картину, с позиций еще меньшей минимизации, он смог бы выделить определенную упорядоченность и структуру. В теперешнем же положении все казалось хаотичным.

Моррисон понял, что корабль движется очень медленно. Остальные четверо членов экипажа с интересом разглядывали окружающие их объекты. Никто не ожидал увидеть ничего подобного (Моррисон тоже испытывал безумный интерес, хотя его коньком была не микроанатомия, а электрические характеристики мозга), а если и ожидали, то увиденное превзошло все ожидания.

— Как вы собираетесь добраться до нейрона? Кто-нибудь знает? — спросил он.

Ответил Дежнев:

— Корабль может двигаться только вперед, значит, будем двигаться вперед, пока не проникнем в клетку.

— Как можно двигаться только вперед в этих

джунглях? Если мы не можем маневрировать, как мы будем обходить препятствия?

Дежнев озадаченно потер подбородок:

— Мы не будем их обходить, мы будем их отталкивать. Если корабль пройдет вплотную с одним из этих объектов, сила притяжения с этой стороны будет больше, чем с противоположной. Следовательно, траектория движения искривится, как у кометы, огибающей солнце, — он улыбнулся. — Космонавты поступают таким образом, когда хотят облететь вокруг спутника или планеты, используя гравитацию.

Конев мрачно заметил:

— Это все-таки коллагенные волокна.

Моррисон добавил:

— Некоторые из них очень массивны. Вы не сможете пройти между ними таким образом. Вы просто столкнетесь с одним из них лоб в лоб и застрянете, а поскольку двигаться мы можем только вперед, что вы будете делать? Этот корабль пригоден только для движения в токе крови, а при отсутствии течения, которое несет его, мы практически беспомощны.

После минутного размышления, Баранова спросила:

— Аркадий, у нас три двигателя и их сопла, насколько я знаю, образуют равносторонний треугольник. Ты сможешь запустить только один из них?

— Нет, все три включаются одновременно.

— Хорошенькое положеньеице. Но ты принимал участие в разработке проекта корабля и знаешь все тонкости. Ты можешь модифицировать систему управления таким образом, что двигатели будут включаться по одному?

Дежнев тяжело вздохнул:

— Все говорили мне сотни раз, что я должен упростить конструкцию, что я должен сохранить деньги бюджета, что я не должен делать ничего такого, что может вызвать раздражение официальных лиц.

— Оставь это, Аркадий. Можешь ты что-нибудь сделать или нет?

— Дайте подумать. Нужно найти, из чего сделать выключатель, найти провод. И кто знает, будет ли все это действовать, а если будет, то как долго, и не окажемся ли мы в результате в еще худшем положении. Я понял, что ты задумала: если я смогу запустить только один из двигателей, мы получим несбалансированный толчок.

— Вы сможете управлять кораблем и вам удастся завести двигатель?

— Я попытаюсь, Наталья.

Моррисон бросил зло:

— Почему вы не подумали об этом, когда мы попали не в тот капилляр? Это помогло бы избежать опасности, а то ведь я чуть не погиб, пытаюсь вручную повернуть корабль.

— Если бы вы первым не предложили сделать это

вручную, мы бы, конечно, могли додуматься до этого, но вряд ли посчитали бы эту идею удачной.

— С чего бы это?

— Нас несло потоком крови, — возразил ему Дежнев. — Корабль имеет обтекаемую форму и сконструирован таким образом, что жидкость свободно скользит по его поверхности, но это только усложняет повороты и движение против течения. Разворот двигателями занял бы гораздо больше времени и энергии, чем вручную. Надо было учитывать и узкое пространство капилляра. Здесь же течения нет, ну а поскольку мы минимизированы, места для нас кругом предостаточно.

— Хватит, — воскликнула Баранова. — Займись делом, Аркадий!

Дежнев подчинился. Убрав крышку, он начал копаться во внутренностях панели управления, что-то невнятно бормоча.

Конев, сцепив руки за головой, проговорил, не оборачиваясь:

— Альберт, может, вы все-таки расскажете нам полученные вами сенсационные новости?

— Сенсационные новости?

— Вы упоминали о них до того, как мы получили сообщение из Грота, что находимся в нужном капилляре. Я имею в виду выкладки об анализе мыслительных волн.

— А, это, — процедил Моррисон, уловив взгляд Калныни.

Она слегка покачала головой и потихоньку приложила палец к губам.

— Да рассказывать-то не о чем, — заметил Моррисон. — Ну, были какие-то смутные видения, которые невозможно оценить объективно. Вполне допускаю, что у меня просто разыгралось воображение. Естественно, те, кому я пытался об этом рассказывать, в этом даже не сомневались.

— И у вас не было никаких публикаций на эту тему?

— Нет, ни одной. Я как-то мимоходом на одном из сборищ упомянул об этом, о чем жалею до сих пор. Если вы с Шапировым и слышали что-то, так это было мое нечаянно вырвавшееся слово. А публикация на эту тему означала бы мое научное самоубийство, к чему я никогда не стремился.

— Да, это очень плохо.

Моррисон снова бросил взгляд на Калныню. Та чуть заметно кивнула ему, но ничего не сказала. Ясно было, что она и не могла сказать: весь бы экипаж услышал.

Моррисон беззаботно огляделся вокруг. Дежнев был весь в работе, что-то квохча себе под нос. Конев смотрел прямо перед собой, погрузившись в свои путанные мысли. Сидевшая за Калныней Баранова внимательно изучала экран компьютера, делая при этом какие-то заметки. Моррисон и не пытался их прочитать. Он мог бы прочитать вверх ногами английские буквы, но он не достиг еще такого совершенства в русском.

За ним наблюдала только сидевшая слева Калныня.

Моррисон сжал губы и перевел свой компьютер в режим текстового редактора. В память компьютера не была заложена кириллица, но он стал писать русские слова латинскими буквами: «ЧТО-ТО НЕ ТАК?».

Она помедлила, возможно, пытаясь вчитаться в латинский шрифт. Потом ее пальцы пришли в движение, и она напечатала: «НЕ ДОВЕРЯЙ ЕМУ. НИЧЕГО НЕ ГОВОРИ». И тут же все сбросила.

Моррисон набрал: «ПОЧЕМУ?»

Калныня ответила: «НЕ ВО ЗЛО, НО ИЗ ЧЕСТОЛЮБИЯ, ПРЕВОСХОДСТВА И ВЫСОКОМЕРИЯ ПОЙДЕТ НА ВСЕ, ВСЕ, ВСЕ».

Слова тут же исчезли, а она упрямо отвернулась.

Моррисон обдумывал ее поведение. Неужели это всего лишь мстительность отвергнутой женщины?

В любом случае это не имело никакого значения. Он и не собирался затрагивать проблем, о которых не рассказывал ранее — в письменной или устной форме. Сам ведь он не хотел причинять никому зла, но там, где дело касалось его честолюбия, превосходства и высокомерия, он не пошел бы «на все, все, все». Да и на что он мог пойти? Ведь в данный момент делать было практически нечего. Разве что то единственное, никак не связанное с его нынешним положением, но что уже начало постепенно занимать его мысли, изгоняя из головы все остальное.

Он повернулся к Барановой, все еще в задумчивости смотревшей на экран. Ее пальцы потихоньку барабанили по ручке сиденья.

— Наталья?

— Да, Альберт, — отозвалась она, не глядя.

— Мне неприятно говорить о таких отвратительных реалиях, — он перешел на едва слышный шепот, — но меня мучают мысли о мочеиспускании.

Она подняла на него глаза, и он заметил, что уголки ее губ слегка подрагивают. Она не стала понижать голоса:

— А зачем об этом думать? Надо делать!

Моррисон ощутил себя маленьким мальчиком, поднявшим руку, чтобы получить разрешение покинуть комнату. Хотя понимал, что причин для этого нет.

— Не хочется быть первым.

Баранова нахмурилась, словно принимая на себя в этом деле роль учительницы.

— Но ведь это в любом случае глупо, а вы ведь не дурак. Я вот о себе уже один раз позаботилась.

И, слегка передернув плечами, заметила:

— Я уже давно убедилась, что напряжение способствует этому процессу.

Моррисон теперь тоже в этом убедился. Он снова зашептал:

— Легко вам говорить. Вы там, сзади, одна. — Он слегка кивнул при этом в сторону Софьи.

— И что теперь? — Баранова покачала головой.

— Надеюсь, вы не потребуете, чтобы я соорудила

вам импровизированную ширмочку? Или мне своей рукой прикрыть ее глаза? (Калныня уже смотрела на них в изумлении).

— Да я уверена: она на вас даже не взглянет из приличия еще и потому, что через некоторое время вам придется не смотреть в ее сторону.

Моррисон ощутил еще большую растерянность, оттого что Калныня теперь смотрела на него с явным пониманием. А потом еще и подтвердила это:

— Давайте, Альберт, я уже держала вас обнаженным у себя на коленях. До скромности ли нам теперь?

Моррисон слегка улыбнулся и приложил руку к груди в знак благодарности. Он попытался припомнить, как удаляется крышка на его сиденье и обнаружил, что она сдвигается при малейшем нажатии. (Ох уж эти вызывающие раздражение русские! Определенно они слегка туповаты. Неужели невозможно было сделать так, чтобы крышка открывалась бесшумно)?

Ему удалось также ослабить электростатический шов у себя между ногами, но он тут же забеспокоился, удастся ли ему затем так же незаметно застегнуть его обратно.

Моррисон почувствовал поток холодного воздуха, после того как крышка съехала. Этот холод был неприятен для обнаженной кожи. Сделав дело, он вздохнул с облегчением, застегнул перемычку между ногами и теперь сидел, пытаясь отдышаться. До него дошло, что все это время он старался не дышать.

— Вот возьмите, — резко произнесла Баранова.

Моррисон уставился на нее, силясь понять, что ей нужно. И лишь минуту спустя до него дошло, что она предлагала ему небольшое, завернутое в пакет полотенце. Моррисон разорвал пакет, вынул влажное ароматизированное полотенце и вытер руки. (Советы определенно научились кое-каким удобным штучкам — или же им пришлось уступить во внутренней борьбе между брезгливостью и презрением к таким мелочам).

— Все, дело сделано, — после шепота, которым им приходилось разговаривать последнее время, хриплый голос Дежнева прозвучал, как раскаты грома.

— Что сделано? — разозлился Моррисон, непроизвольно приняв сказанное на свой счет.

— Я имею в виду двигатели, — ответил Дежнев, махнув руками в сторону системы управления кораблем. — Я могу запустить любой из них. И даже два! А если захочу, то и все три. Я думаю...

— Ты в этом абсолютно уверен, или это лишь твои домыслы? — съязвила Баранова.

— И то и другое. Думаю, я абсолютно прав. Однако беда в том, что я все же иногда ошибаюсь. Мой отец любил говорить...

— Мне? Кажется, нам следует попробовать, — прервал его Конев.

— Конечно, — продолжал Дежнев. — Само собой разумеется, но, как любил говорить мой отец, — тут он слегка повысил голос, чтобы его снова не пере-

били, — «там, где не требуется доказательств, обязательно найдется кто-нибудь, готовый их привести». И, возможно, вам следует также знать... — он внезапно остановился, и Баранова спросила:

— Что нам следует знать?

— Несколько вещей, Наташа, — ответил Дежнев.

— Во-первых, для того чтобы управлять кораблем, требуется огромное количество энергии. Я сделал все, что мог, но корабль просто не предназначен для этой цели. И во-вторых, как бы это сказать, на данный момент мы лишены связи с Гротом.

— Как это лишены? — голос Калныни то ли от удивления, то ли от возмущения перешел на визг.

Баранова была явно возмущена:

— Что ты хочешь этим сказать — лишены связи?

— Успокойся, Наташа. Просто я не мог без проводов подвести электрический ток к двигателям. И даже самый лучший инженер в мире не может из ничего сделать провода и силиконовые кристаллы. Мне нужно было для этого что-то разобрать, и единственное, что я мог использовать, не повредив корабль, была связь. Я сообщил об этом в Грот, они, конечно же, очень возмущены, но остановить меня не смогли. Таким образом, я думаю, мы можем сейчас управлять кораблем, и еще я уверен в том, что у нас нет связи.

плавно двигаться вперед. Окружавшее ее пространство было теперь совсем иным. Там, в потоке крови, мимо них проносились масса самых разных предметов — одни ползли в одном направлении с кораблем, другие же медленно сносило течением в обратную сторону. Чувство движения возникало также и из-за того, что толстые бляшки, налипшие на стенки артерий, проплывали мимо медленной чередой.

Здесь же, в межклеточном пространстве, господствовала статичность. Никакого движения. Никаких признаков жизни. Сплетения коллагеновых волокон напоминали первобытный лес, состоявший только из стволов, совершенно голых, без листьев, без цвета, без звука, без движения.

Однажды корабль попал в поток клейкой межклеточной жидкости, и все задвигалось ему навстречу. Корабль скользил вперед, сквозь V-образный сгусток волокон, и в то время, когда они проплывали через него, Моррисону вдруг показалось, что они двигаются вверх по спирали вдоль коллагеновой фибры. Вверху, на самом острие этой «бабочки» коллагеновых джунглей, было полное безмолвие.

— Тебе придется развернуться, Аркадий, — сказал Конев. — Как раз самое время попытаться все изучить.

— Хорошо. Но учти, для этого мне придется наклониться вниз. — Он подался вперед, нащупывая кнопки, находившиеся на уровне его лодыжек. — А мне противна даже сама мысль, что придется посто-

янно наклоняться. Для таких солидных мужчин, как я, несколько трудновато.

— Ты имеешь в виду — для таких толстяков, как ты, — зло проговорил Конев. — А все из-за того, что ты слишком слабохарактерный. Тебе обязательно нужно согнать жир.

Дежнев выпрямился:

— Прекрасно. Сейчас я все брошу, отправлюсь домой и начну сгонять вес. Ты считаешь, сейчас самое подходящее время читать мне лекции?

— Тебе тоже не следует горячиться, Аркадий, — встала Баранова. — Лучше веди корабль!

Дежнев снова наклонился, едва подавив в себе желание повернуть. Корабль медленно повернул вправо в тихую арку, а толстую коллагеновую фибру отнесло потоком влево.

— Осторожно, ты же повредишь ее, — произнес Конев. — Поворачивай быстрее.

— Не могу быстрее, из-за двигателей. Они ведь смещены, — ответил Дежнев.

— О господи, мы же врежемся! — возбужденно вскрикнул Конев.

— Ну и пусть врежемся, — зло отреагировала Баранова. — Не паникуй из-за пустяков. Корабль сделан из крепкого пластика, а ткань по своей структуре напоминает резину.

Пока она говорила, нос корабля поравнялся с коллагеновой тканью. Пространства между ними практически не было. Из наблюдений за левым бортом корабля становилось ясно, что контакта с

биологической структурой не избежать. И это случилось как раз тогда, когда конец фибры поравнялся с тем местом, где находилась Калныня.

Скрежета не было, лишь только еле слышное шипение. И не только потому, как заметила Баранова, что ткань была как резиновая, а еще потому, что она немного сжалась при столкновении. Затем отскочила от корабля, при этом отталкивая его от себя, а вязкая межклеточная жидкость послужила своего рода подушкой и уменьшила силу трения.

Корабль, продолжая двигаться, повернул влево навстречу ткани.

— Я выключу двигатели, как только замечу, что мы опять близки к столкновению, — сказал Дежнев. — Поворот влево, который мы сейчас пытаемся сделать, удачен в том смысле, что поможет нам его осуществить трение со стенками ткани.

— Да, это хорошо. Ну, а если нам придется повернуть вправо? — спросил Конев.

— Тогда мне придется использовать двигатель. А произойди это немного раньше, я бы повернул навстречу правому отростку и попытался использовать энергию столкновения с ним. Ткань сама развернула бы нас вправо. Главное для нас, чтобы в любом случае как можно меньше использовать двигатели и как можно больше пользы извлекать из фибры. Во-первых, потому что нам следует экономить запасы энергии. А во-вторых, слишком быстрое освобождение энергии... может привести к внезапной деминимизации.

— Что?! — воскликнул Моррисон. Он повернулся к Барановой. — Это правда?

— Это не главное, — ответила Баранова. — Но это правда. Возможность деминимизации при этом существует. Но из того, что сказал Дежнев, гораздо важнее вопрос сохранения энергии.

Но Моррисон никак не мог подавить охватившую его ярость.

— Вы что, не видите, насколько нелепа, вернее, преступна сложившаяся ситуация? Мы находимся в корабле, который попросту непригоден для выполнения подобной задачи, и все, что мы делаем, лишь ухудшает создавшееся положение.

Баранова покачала головой:

— Альберт, ну пожалуйста. Вы же знаете, у нас нет выбора.

— Кроме того, — ухмыльнулся Дежнев, — представьте себе, насколько значительным будет успех, если нам все же удастся выполнить эксперимент в непригодном для этого корабле. Мы будем героями. Настоящими героями. Нас, конечно же, наградят орденом Ленина. Каждого из нас. А если не удастся, все можно будет списать на непригодность нашей машины.

— Да, вы станете героями независимо от того, выиграете или проиграете. Вы все — не мог успокоиться Моррисон. — А я? Что будет со мной?

На это Баранова заметила:

— Запомните, Альберт, о вас тоже не забудут в случае успеха. Иностранцы не раз награждались

Орденом Ленина, среди них были и американцы. А если вы не захотите такой награды, все равно ваши исследования будут признаны, и вы получите Нобелевскую премию раньше, чем любой из нас.

— Мы не в той ситуации, когда можно считать цыплят, — ответил Моррисон. — Я воздержусь от подготовки речи на случай вручения мне Нобелевской премии.

— Как бы там ни было, — вставила Калныня, — интересно, сможем ли мы достичь нейрона?

— А почему бы и нет? — спросил Дежнев. — Мы способны двигаться и управлять нашим движением. Мы находимся в мозге за пределами капилляра. Впереди находится нейрон, сколько хочешь нейронов, миллион.

— Где впереди? — не успокаивалась Калныня. — Я не вижу никаких нейронов. Только коллагеновые фибры.

Дежнев спросил:

— Как ты думаешь, сколько здесь этой межклеточной жидкости?

— Микроскопическое количество, — сказала Калныня. — Но это в том случае, если бы мы были нормальных размеров. А сейчас мы с молекулу глюкозы, и потому до ближайшего нейрона может быть несколько километров.

— Тогда нам придется преодолеть эти километры, — произнес Дежнев. — Для этого, возможно, понадобится какое-то время. Но мы должны это сделать.

— Да, если бы могли двигаться по прямой, а мы

сейчас в самой середине этих коллагеновых джунглей. Нам придется петлять по этим тканям туда-сюда. Возможно, мы пройдем пятьсот километров — в соответствии с нашими теперешними размерами, и в конце концов окажемся там, откуда пришли. Нам предстоит блуждание по лабиринту, и выбраться из него к нейрону мы можем по чистой случайности.

— У Юрия есть карта, — отозвался Дежнев, но в его голосе чувствовалось замешательство. — Его cerebro... как ее там...

Конев, нахмурясь, покачал головой:

— Мой цереброграф показывает циркуляторную сеть мозга, а также структуру клетки. Но он не может указать наше местоположение в межклеточной жидкости. Нам самим ничего не известно о такого рода вещах, и требовать от машины больше, чем мы смогли заложить в нее, невозможно.

Моррисон посмотрел сквозь стенку корабля. Повсюду были видны лишь коллагеновые фибры, которые сплетались друг с другом и мешали движению. Куда ни глянь, никакого просвета, ничего кроме фибр. Никаких нервных клеток! Никаких нейронов!

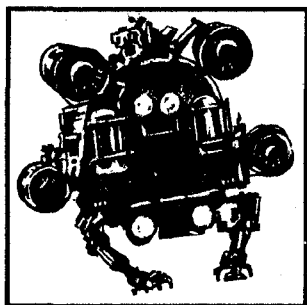
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

КЛЕТКА

*«Стена с надписью "Добро пожаловать, странник",
никогда не была построена».*

Дежнев Старший

55.

Баранова волновалась. Ее ноздри то и дело расширялись, брови были собраны у переносицы, но голос оставался по-прежнему спокойным.

— Аркадий, — обратилась она к Дежневу, — постарайся сделать так, чтобы корабль двигался как можно прямее, и как можно меньше сворачивай в стороны. Если этого не избежать, попробуй компенсировать поворот влево поворотом вправо. А так как мы находимся еще в трехмерном пространстве, соответственно вверх-вниз.

— Это создаст путаницу, — отреагировал Дежнев.

— Конечно, небольшая путаница может быть. Возможно, мы не сможем двигаться как по линейке, но зато мы избежим движения по кругу, а также по спирали. И рано или поздно доберемся до клетки.

— Может быть, — проговорил Дежнев, — если бы мы немного увеличились в размерах, то...

— Нет, — категорично отрезала Баранова.

— Подожди, Наташа. Не торопись. Если бы мы увеличились слегка, нам бы пришлось пройти меньшее расстояние. Мы станем больше, а расстояние между кровяным сосудом и нейроном тут же уменьшится. — Он выразительно взмахнул руками. — Понимаешь?

— Я-то понимаю. Но чем больше мы станем, тем труднее нам будет пробираться между тканями. Ведь нейроны мозга хорошо защищены. Мозг — единственный человеческий орган, который полностью находится в кости. А сами нейроны — эти самые неправильные частицы организма — прекрасно себя чувствуют в межклеточном веществе. Посмотри сам. Только будучи размером с молекулу глюкозы, мы можем свободно проходить сквозь окружающие коллагены, не причиняя при этом никакого вреда мозгу.

В этот момент Конев как-то странно повернулся в своем кресле в сторону Барановой. Его глаза будто случайно встретились с глазами Калныни:

— Я не думаю, что нам придется передвигаться вслепую, наугад...

— А как по-другому, Юрий? — удивилась Баранова.

— Я уверен, что нейроны обязательно обнаружат себя. Ведь каждый нейрон испускает нейроимпульсы определенной продолжительности. А импульсы всегда можно обнаружить при помощи приборов.

Моррисон нахмурился:

— Но ведь нейроны изолированы.

— Изолированы аксоны, а не клеточные тельца.

— Но ведь именно в аксоне импульсы наиболее сильные.

— Нет, как раз нет. Самые сильные импульсы в синапсисе, а они, слава богу, не изолированы. Синапсис должен излучать импульсы постоянно, а поэтому мы сможем их уловить.

Моррисон не успокаивался:

— Как же? Мы ведь не смогли это сделать в капилляре.

— Потому что мы приблизились не к той стенке капилляра. Послушайте, Альберт, почему вы все время спорите? Я просто прошу вас попробовать обнаружить излучения, идущие из мозга. Ведь вы для этого здесь. Не так ли?

— Я был похищен, — с трудом произнес Моррисон. — Вот почему я здесь.

Баранова наклонилась вперед:

— Какова бы ни была причина вашего пребывания здесь, мне думается, предположение Юрия вполне разумно. Юрий, а ты так и будешь все время конфликтовать?

Моррисон вдруг почувствовал, как его всего заколотило от злости. Он не мог понять почему. Но в действительности предложение Конева не было лишено смысла.

Внезапно до него дошло: он просто боялся проведения таких испытаний. На карту была поставлена его теория. Он находился у самой границы клетки мозга, которая сейчас была, по сравнению с ним, громадных размеров. В любой момент его могли попросить провести испытания внутри. Да-да, внутри этой клетки. А вдруг он не прав, и всегда был не прав. И вся его работа, которой он отдал столько сил и энергии, окажется ошибочной? Куда уйти потом от позора? И злился он вовсе не на Конева, а на то, что силою обстоятельств был загнан в угол. И избежать испытаний не удастся.

Он чувствовал испепеляющий взгляд Конева и понимал: все ждут от него ответа.

Наконец он сказал:

— Если я и поймаю сигналы, то они будут идти со всех сторон. Не считая капилляра, который мы только что покинули, нас окружает огромное количество нейронов.

— Да, их множество, но одни — ближе, другие — дальше. А один-два где-то здесь, совсем рядом. Неужели вы со своим прибором не сможете уловить, с какой стороны идут самые сильные импульсы? Мы бы могли тотчас же направиться в их сторону.

— Мое принимающее устройство не в состоянии определять направление сигналов.

— Ах ты, господи! Получается, что и американцы работают с приборами, предназначенными для конкретных целей и непригодными в экстремальных ситуациях.

— Юрий! — одернула его Баранова.

Конев немного утих:

— Ты опять скажешь, что я конфликтую. Тогда, Наталья, ты сама скажи ему, пусть постарается предпринять что-нибудь такое, что помогло бы нам определить направление сигналов.

— Пожалуйста, Альберт, попытайтесь что-либо сделать, — попросила Баранова. — В случае неудачи нам ничего не останется, как бродить по коллагеновым джунглям в надежде на то, что это не продлится целую вечность.

— А мы и сейчас двигаемся наугад, — почти весело заявил Дежнев. — И впереди все та же пустота.

Не переставая злиться, Моррисон включил компьютер, настроил его на режим приема волн мозга. Экран ожил. Шум был ничего не значащим, хотя и более насыщенный, чем в капилляре.

До этого в своих экспериментах Моррисон всегда использовал провода, подсоединяя их под микроскопом к нервам. А сейчас? К чему присоединить их сейчас? У него не было нервного волокна. Вернее, он сам находился внутри мозга, и сама мысль о присоединении к нерву казалась ненормальной. Может, если просто поднять их вверх и развести в стороны, как антенну, они и смогли бы выполнить

свои функции? Но, при теперешнем размере, они слишком малы и едва ли будут эффективны, хотя...

Он смыкал и размыкал провода. Они, скрученные в петли, напоминали большое насекомое. Затем он сфокусировал и усилил прием. Вдруг мерцание на экране превратилось в резкие тонкие волны, но только на секунду. Потом все исчезло. Непроизвольно Моррисон вскрикнул.

— Что случилось? — уставилась на него Баранова.

— Я что-то перехватил. Мгновенная вспышка, значит, сигнал был. Но сейчас уже все...

— Попробуйте еще.

Моррисон обвел всех взглядом:

— Послушайте, можно потише? Работать с этим прибором невероятно трудно. Для этого еще нужно полностью на нем сконцентрироваться. Понятно? Никакого шума. Не отвлекайте меня.

— Что это было? — тихо спросил Конев.

— Что?

— Вы сказали — вспышка. Вы поймали что-то, похожее на вспышку. Можно узнать, что это было?

— Нет. Я же не знаю, что я уловил. Я хочу снова попробовать. — Моррисон повернулся влево к Барановой. — Наталья, я не наделен полномочиями приказывать, это — ваша обязанность. Прошу вас, скажите всем, особенно Юрию, чтобы мне не мешали.

— Молчим, молчим. Продолжайте, Альберт. Юрий, ни звука, — обратилась она к Коневу.

Моррисон резко повернулся влево, так как его

легонько тронули за плечо. Калныня с восхищением смотрела на него и улыбалась. Она что-то прошептала, и он с трудом смог разобрать русское: «Не обращайтесь на него внимания. Покажите ему! Покажите!»

Глаза ее блеснули. Моррисон тоже улыбнулся в ответ. Вполне возможно, что ею овладело сильное желание отомстить Коневу, мужчине, который бросил ее. Но, помимо всего прочего, Моррисон понял ее поддержку и готовность прийти на помощь. (Сколько же времени прошло с тех пор, когда женщина смотрела на него с гордостью и верой в его способности? Когда Брэнда растеряла все это?) Внезапно на него нахлынуло чувство жалости к самому себе. Моррисон с трудом взял себя в руки. Он вернулся к компьютеру, попытался забыть обо всем, что его окружало, о своем состоянии. Нужно думать только о работе, об этих едва различимых колебаниях электромагнитного поля, возникающих из-за ударов ионов натрия и калия о мембрану нейрона.

Экран еще раз вспыхнул: на нем появилась линия, напоминавшая невысокую горную цепь. Осторожно, едва касаясь пальцами клавиш, Моррисон ввел в компьютер задачу. «Горная цепь» на экране поплыла влево и стала уходить за его пределы. На единственном оставшемся отрезке Моррисон заметил небольшое покачивание.

«Идет запись сигналов в память», — пронеслось в голове Моррисона. Сказать вслух он ничего не

смог, поскольку даже думать об этом боялся. Его пугало, что поток собственных мыслей, оказись он чуть интенсивнее, может тут же все разрушить.

То небольшое покачивание, или скептические волны, как он их называл, переместились из центра на задний план.

Моррисон не удивился. Вполне вероятно, он улавливал поля сразу нескольких клеток, которые не совпадали между собой. Тут, видимо, сказался пульсирующий эффект пластиковых стен корабля. Да плюс ко всему — броуновское движение молекул. Могли влиять и заряды атомов даже за пределами минимизированного поля.

Исключительность создавшейся ситуации заключалась в том, что ему вообще удалось уловить волны. Он чуть дотронулся до антенны, провел пальцами вверх-вниз. Сначала одной рукой, затем — другой. Потом обеими руками вместе, затем так же, но в разных направлениях.

После этого Моррисон слегка согнул антенну в одну сторону, в другую. Изображение скептических волн резко улучшилось, но потом опять стало расплывчатым. Чем это было вызвано, Моррисон не знал.

В одном месте график волны был особенно четким. Моррисон пытался унять дрожь в руках.

— Аркадий, — сказал он.

— Слушаю, мой американский могикан, — отозвался Дежнев.

— Поверните влево и немного вверх. И не говорите больше ничего.

— Мне придется огибать ткань.

— Поворачивайте медленно. Иначе я потеряю ориентир.

Моррисон боролся с желанием взглянуть на Калныню. Один лишь взгляд на нее и даже одна мысль о том, как она прекрасна, могут оказать разрушающее воздействие на экран.

Дежнев медленно вел корабль через арку коллагенов, а Моррисон осторожно настраивал антенну. Время от времени он шептал: — Вверх и вправо. Вниз. Немного влево...

Наконец он выдохнул: — Прямо по курсу.

Моррисон подумал: будет легче, когда они приблизятся к нейрону. Но он не сможет расслабиться до тех пор, пока собственными глазами его не увидит. А пока они ползли сквозь мрачную чашу коллагенов. Сконцентрироваться на одной мысли было мучительно трудно. Нужно было думать о чем-нибудь еще, но обязательно нейтральном, где отсутствовали всякие эмоции. И поэтому он стал думать о своей распавшейся семье. Он так часто об этом думал раньше, что сейчас у него не возникало никаких чувств. Это как на фотографии — помятой и пожелтевшей, которую можно быстро спрятать и вернуться к делу, к анализу скептических волн. Затем внезапно, без всякого предупреждения нахлынула другая мысль. Это было не что иное, как мысленный образ Софы Калныни: моложе, красивее

и счастливее, чем она всегда казалась ему. А вместе с ним возникло тоскливое ощущение собственного одиночества.

Моррисон не был уверен ни в одном из собственных чувств. Кто знает, какие подсознательные мысли и эмоции прячутся в собственном мозгу. Калныня? Может, он действительно влюбился? Так быстро? Или это результат ненормального напряжения, возникшего во время этого фантастического путешествия и вызвавшего столь фантастическую реакцию?

Только сейчас Моррисон заметил, что экран полностью потух. Не успел он попросить Дежнева отключить двигатель, чтобы попытаться снова уловить колебания, как тот сам сделал все. Его голос прогремел по всему кораблю:

— Смотри, Аркадий, вот она! Ты привел нас, как охотничья собака, прямо к клетке. Поздравляю!

— Да, — откликнулась Баранова, — поздравляю и Юрия. Именно ему пришла в голову эта идея, и он сумел убедить Альберта выполнить ее.

Напряжение исчезло с лица Конева, а Дежнев сказал:

— Да, но как нам теперь попасть внутрь?

56.

Моррисон с интересом уставился на картину, открывавшуюся их взорам. Прямо перед ними находилась стена. Вся в складках, она простиралась вверх и вниз, влево и вправо, насколько можно было

видеть в свете прожектора. Складки плавно переходили в большие наросты. При более близком рассмотрении стенка напоминала шахматную доску, каждый квадрат которой выдавался вперед. Эти неровные, выступающие вперед выпуклости, как толстые и короткие канаты, придавали стенке ощущение изорванной в клочья материи.

Моррисон понял, что эти выпуклости и есть окончания молекул, которые все вместе образовывали клеточную мембрану. Со страхом он представил себе последствия того, что сейчас они размером с молекулу глюкозы. Клетка была громаднейших размеров. При данных параметрах она простиралась на несколько километров.

Конев, также разглядывавший клеточную мембрану, пришел в себя быстрее, чем Моррисон.

— Я не уверен, — произнес он, — что это клетка мозга или хотя бы нейрон.

— А что же это может быть? — возразил Дежнев.

— Мы находимся в мозгу, а это его клетка.

Конев не скрывал неприязни и раздражения:

— Существует много видов клеток мозга. Одним из самых важных является нейрон, главная составляющая часть человеческого ума. В мозгу их десятки миллиардов. В десятки раз больше глиальных клеток нескольких видов, которые выполняют обеспечивающую и вспомогательную функции. Они намного меньше по размеру, чем нейроны. Десять к одному, что это глия. Мыслительные импульсы идут от нейронов.

Баранова сказала:

— Мы не можем полагаться на шансы. Ты можешь сказать более определенно, не касаясь статистики, что перед нами — нейрон или глия?

— По внешнему виду, нет. Все, что я сейчас вижу, — это небольшая часть клеточной мембраны. И сейчас одна клетка похожа на другую. Нам нужно немного увеличиться, чтобы получить полный обзор и сравнить. И поэтому я предлагаю процесс деминимизации, Наташа. В конце концов, мы уже выбрались из, как ты их называешь, коллагеновых джунглей.

— Если это так необходимо, то пожалуйста, — ответила Баранова, — но имей в виду, что увеличение в размерах — процесс более долгий и рискованный, чем уменьшение. Ведь при нем вырабатывается тепло. Неужели мы не можем придумать что-нибудь другое?

Конев резко заметил:

— Мы можем снова использовать прибор Альберта. Альберт, вы можете определить, откуда точно идут скептические волны?

Моррисон не спешил с ответом. За секунду до того, как экран погас и все увидели впереди корабля клетку, перед его глазами стоял образ Калныни, а ему очень не хотелось с ним расставаться. Это огорчало его. Но ничего не поделаешь: если его разуму угодно прятать и подавлять всякие эмоции, то лучше подчиниться. Моррисон неуверенно произнес:

— Я не знаю.

— Попробуйте, — настаивал Конев. Все четверо советских ученых теперь с ожиданием смотрели на него.

С внутренним содроганием Моррисон снова включил компьютер. Спустя некоторое время он сказал:

— Я уловил волны, но они не настолько сильны, как при нашем проникновении сюда.

— А волны, идущие с других сторон, они сильнее, чем эти?

— Те, которые идут сверху, не намного, но я должен еще раз предупредить, что способность моего прибора определять направление волн весьма примитивна.

— Да, точно так же, как и корабль, который вы постоянно критикуете. А по мне, Наталья, произошло следующее. Когда мы приближались к этому месту, мы уловили и зафиксировали нейрон, который находится прямо над глией. Глия перед нами. И своими большими размерами она закрывает от нас нейрон. Вот почему волны мыслей улавливаются сейчас очень слабо.

— В таком случае, — вставила Баранова, — мы должны попытаться пробраться через глию к нейрону...

— И в таком случае, — продолжил Конев, — я еще раз повторяю, что нам следует увеличиться в размерах. При наших размерах молекулы глюкозы расстояние, которое нам потребуется пройти, измеряется сотней километров. Если мы увеличимся в

десять раз, допустим, до размеров и массы небольшой белковой молекулы, расстояние уменьшится соответственно до десяти — пятнадцати км.

И тут раздался негромкий голос Калныни, как будто все сказанное ею не имело никакого отношения к происходящему:

— Нам следует оставаться таких размеров, как и сейчас. Если мы хотим попасть в нейрон.

Воцарилась тишина. И после небольшой паузы, чтобы его слова не казались прямым ответом на предложение Калныни, Конев сказал:

— Конечно. Потом, когда мы доберемся до нейрона, мы изменим свой размер, насколько будет нужно.

Баранова вздохнула, казалось, она никак не могла решиться на что-то определенное.

Конев, с несвойственной ему мягкостью, продолжал:

— Наталья, мы временно изменим размеры. Мы не можем больше оставаться размером с молекулу глюкозы.

— Мне совсем не нравится перспектива применения деминимизации чаще, чем это требуется, — возразила Баранова.

— Но мы просто обязаны, пойми! Мы не можем упускать несколько часов, чтобы обогнуть клетку. А деминимизация на данном этапе лишь в десять раз на немного изменит абсолютные затраты энергии.

— А что, если, начиная процесс деминимизации, мы тем самым спровоцируем взрывоопасную, не

поддающуюся контролю ситуацию? — поинтересовался Моррисон.

— Да, с интуицией у вас все в порядке, — заметила Баранова. Ничего не зная о теории минимизации, вы попали в самую точку. Если процесс пошел, то лучше его не останавливать. Всякая попытка остановки таит в себе определенный риск.

— Но то же самое можно сказать и о наших размерах с молекулу глюкозы. Остаться дольше, чем это нужно, рискованно, — сказал Конев.

— Верно, — кивнула Баранова.

— Тогда, может, поставить вопрос на голосование и прийти к действительно демократическому решению? — предложил Дежнев.

Баранова резко дернулась, в ее глазах вспыхнули непонятные огоньки. Она плотно сжала губы и сказала:

— Нет, Аркадий. Вся ответственность за принятие решений на мне. И я решаю увеличить размеры корабля. — Затем, немного сбавив пафос, продолжила: — Можешь пожелать мне ни пуха ни пера.

— Почему бы и нет, — ответил Дежнев. — Тогда и всем нам удачи!

Баранова склонилась над контрольными приборами. Моррисон пытался внимательно следить за ее действиями, но вскоре это ему надоело. Хотя ему все хорошо было видно, он абсолютно ничего не понимал. Да и шея начала болеть от постоянного напряжения. Он повернулся и заметил, как Конев поглядывал на него через плечо.

— Кстати, об этом улавливании скептических волн... — обратился к нему Конев.

— Что об улавливании скептических волн? — не понял Моррисон.

— Когда мы пробирались сквозь чашу коллагеновых зарослей... — он замаялся.

— Да, да, и что же?

— У вас, как бы это выразиться... у вас не возникло никаких образов?

Моррисон вспомнил нежный образ Софьи Калныни. Теперь ничего подобного не происходило. Как ни пытался он представить себе ту картину, никакого ответного чувства не возникало. По-видимому, образ возник под сильным влиянием концентрированных скептических волн. Однако Моррисон не собирался обо всем этом поведать Коневу или еще кому-нибудь. Он медлил:

— А почему, собственно говоря, у меня должны были возникнуть образы?

— Потому, что так происходит, когда анализируешь скептические волны нормальной интенсивности.

— Вы полагаете, что такой анализ во время минимизации увеличивает их интенсивность? А это, в свою очередь, влияет на мощность возникновения образов?

— По-моему, вполне логично. Ну так что, появлялись какие-нибудь образы в вашем воображении или нет?

Моррисон вздохнул и произнес:

— Нет.

Конев продолжал смотреть на него через плечо (под его взглядом Моррисон чувствовал себя несколько неловко) и затем вдруг тихо сказал:

— А у меня — да.

— У вас? — глаза Моррисона раскрылись от удивления. Он переспросил: — И что же вы видели?

— Немного. Но я думал, что вы это почувствуете более отчетливо. Ведь вы же управляли и манипулировали компьютером, и он, наверно, более адаптирован к вашему мозгу, чем к моему.

— Так что, что вы видели? Вы можете описать?

— Что-то, похожее на вспышку. Оно появилось и тут же исчезло. Мне показалось, что я видел человеческие фигуры, а одна выше остальных.

— Как вы это объясните?

— Видите ли, у Шапирова есть дочь, которую он обожает. А у дочери двое детей, которых Шапиров просто боготворит. Я представил себе, что, находясь в коме, он, возможно, думает о них или просто вспомнил их в этот момент, а может, у него просто возникли галлюцинации. Кто знает, что происходит с человеком, когда он в коме.

— А вы знаете его дочь и внуков? Вы что, узнали их?

— Я видел их смутно, как будто через полупрозрачное стекло в сумерках. Это все. — Конев казался расстроенным. — Я надеялся, вы рассмотрите их лучше меня.

Размышляя над сказанным, Моррисон ответил:

— Нет, я не то что не видел, но даже не почувствовал ничего.

— Конечно, когда мы будем в самом нейроне, все наши ощущения обострятся. В любом случае, мы должны не только улавливать образы, но пытаться услышать слова, — продолжал Конев.

— Но я никогда, за все время исследований, не услышал и слова, — произнес Моррисон.

— Конечно, какие слова, если вы всю жизнь ставили опыты на животных. А они, как известно, не разговаривают, — сказал Конев.

— Да, верно. Хотя однажды мне удалось провести несколько опытов на человеке. Правда, я никогда никому об этом не говорил. Так вот, тогда я тоже ничего не услышал и не увидел, — ответил Моррисон.

Конев сделал вид, что не слышит. А Моррисон продолжал:

— Вообще, в данной ситуации нет ничего страшного в том, что сознание Шапирова заполнено мыслями о семье. Это в том случае, если мы примем вашу точку зрения и вашу интерпретацию того, что вы почувствовали. А с чего вы, собственно говоря, взяли, что в такой момент он будет думать о тайном развитии теории минимизации?

— Он физик. И его семья всегда была для него на втором плане. И если нам удастся извлечь слова из этих скептических волн, я уверен, они будут касаться физики.

— Неужели вы так думаете?

— Да, именно так.

Они оба замолчали. Несколько минут в корабле стояла тишина. Затем Баранова спросила:

— Я деминимизировала корабль до размера белковой клетки, и сейчас процесс приостановлен.

Немного спустя послышался напряженный голос Дежнева:

— Все в порядке, Наташа?

Баранова ответила:

— Ты еще можешь задавать вопросы, Аркадий? Значит, все прошло более-менее благополучно. Процесс деминимизация остановлен без осложнений.

Она улыбнулась. Но лоб ее покрывала испарина.

57.

По-прежнему, куда ни глянь, всюду простиралась поверхность глиальной клетки. Прожектор корабля выхватывал из тьмы лишь отдельные ее участки.

Но характер ее несколько изменился. Все складки и бугры сравнялись, превратившись в ровную гладкую поверхность. Толстые канаты и наросты трансформировались в тонюсенькие ниточки, и их было почти невозможно увидеть, поскольку корабль двигался вдоль поверхности очень быстро.

Все внимание Моррисона было приковано к компьютеру. Ему нужно было убедиться, что интенсивность скептических волн не снизились. Но иногда он все же поглядывал по сторонам.

Время от времени в клетке начинались обычные

дендритические процессы, хотя это была всего-навсего вспомогательная глиальная клетка. Она ветвилась во все стороны, как дерево зимой, беря начало в клеточной мембране.

Но даже при теперешних увеличенных размерах корабля дендриты казались огромными. Они напоминали стволы деревьев, которые сужались кверху и были эластичны. В отличие от твердых хрящевых тканей, они плавно покачивались на волнах, вызванных движением корабля по межклеточной жидкости. Коллагеновых тканей в примыкающем к клетке пространстве было значительно меньше, и, благодаря увеличенным размерам корабля, они были значительно тоньше и меньше.

Как-то Дежнев либо не увидел неясные очертания впереди корабля, либо не обратил на них внимания: они со всего хода напоролись на непонятный предмет. Моррисон чуть было не вылетел из своего кресла, но для корабля все окончилось благополучно, он не получил повреждений. Оказалось, это была коллагеновая ткань. Она от удара вогнулась, а затем все же оторвалась и, свободно покачиваясь, проплыла мимо них. Моррисон следил за ней взглядом до тех пор, пока она совсем не исчезла.

Баранова тоже наблюдала все это и в конце взглянула на Моррисона:

— Причин для беспокойства нет. Триллионы таких фибр бродят в человеческом мозгу. Одной больше, одной меньше, это не имеет значения. И процесс

заживления происходит тоже довольно быстро. Даже в таком большом мозгу, как у Шапирова.

— Я очень надеюсь, — сказал Моррисон, — мне кажется, что мы, не имея никакого права, вторглись в очень хрупкую структуру, которая никак не предназначена для подобного.

— Ценю ваши чувства, — проговорила Баранова, — но, видите ли, все, что было создано на Земле в результате биологических и химических процессов, едва ли вообще предназначено для вмешательства человека. Человечество причинило и продолжает причинять много вреда Земле. И делает это вполне осознанно. Кстати, я хочу пить. А вы?

— Да, я тоже не против, — ответил Моррисон.

— Там, внизу справа от вас в нише есть чашка. Подайте, пожалуйста.

Она налила всем пятерым, сказав:

— Воды много, если кто-то захочет еще, пожалуйста.

Дежнев с отвращением посмотрел на свою чашку, продолжая следить за контрольными приборами. Он фыркнул:

— Как говаривал мой отец: «На свете нет такого напитка, как чистая вода, поскольку существует только один очищающий компонент».

— Да уж, Аркадий, — подхватила Баранова, — твой отец наверняка не раз очищал воду, но здесь, на корабле, тебе придется пить ее неочищенной.

— Ну что ж, всем нам приходится время от

времени терпеть лишения, — он залпом выпил воду, его лицо исказилось гримасой.

— Думаю, если быть точными, сейчас время для ланча, но мы вполне можем обойтись без него, хотя все-таки...

— Что все-таки? — переспросил Дежнев. — Тарелочку горячего борща со сметанкой?

Баранова продолжала, не обращая на Дежнева внимания:

— В обход всех правил и запретов, я тайно прихватила с собой плитку шоколада — настоящего, высококалорийного и без всяких тканей.

Калныня отбросила полотенце, которым только что вытерла руки. Подумав, она сказала:

— Шоколад разрушает зубы.

— Не сразу, — возразила Баранова, — а кроме того, ты можешь прополоскать их водой, чтобы убрать налет. Кто желает?

Поднялось четыре руки, среди них и рука Калныни.

Моррисон с удовольствием взял свой кусочек. Он вообще обожал шоколад и сейчас, стараясь продлить удовольствие, не спеша его посасывал. Вкус шоколада внезапно и остро напомнил ему о детстве, проведенном на окраине Мюнси.

Шоколад уже растаял, когда Конев негромко обратился к Моррисону:

— Вы что-нибудь ощутили, когда мы проглатывали глиальную клетку?

— Нет, — ответил Моррисон. Он действительно ничего не чувствовал. — А вы?

— Мне кажется, да. Мне вдруг послышались слова «зеленые поля».

— М-да... — недовольно вырвалось у Моррисона. Затем они оба замолчали.

— Ну и?... — нарушил молчание Конев.

Моррисон пожал плечами:

— У каждого человека в голове постоянно находятся какие-то мысли. Иногда какие-то фразы ни с того, ни с сего приходят вам на ум. Ты, возможно, их слышал раньше, но не придавал никакого значения. А теперь они всплыли в сознании. Или же у тебя просто слуховые галлюцинации.

— Но это пришло мне в голову, когда я, сконцентрировавшись, смотрел на ваш компьютер.

— Просто вам очень хотелось что-то уловить, и это что-то вы все-таки слышали. То же самое можно сказать про сон.

— Нет, это было на самом деле.

— Откуда вы можете это узнать, Юрий? Я никогда не ощущал ничего подобного. Вы думаете, что кто-то еще чувствовал то же самое?

— Нет, у них не получится. Они не пытались сосредоточиться на вашем компьютере. И, возможно, что ничей мозг, кроме вашего, не сможет ничего уловить.

— Вы гадаете на кофейной гуще. А что, по-вашему, означает эта фраза?

— «Зеленые поля»? У Шапирова есть домик за городом. И, наверное, он вспомнил это место.

— Вполне возможно, что у него в голове возник лишь один образ. А уж вы дополнили образ словами.

Конев нахмурился, помолчал минуту, затем добавил с неприкрытой враждебностью:

— Почему вы так сопротивляетесь всякой возможности получения какой-либо информации из мозга?

Моррисон ответил в том же духе:

— Потому что однажды я уже обжегся на так называемом восприятии чужих чувств и мыслей. Я был смешон, и стыд не проходил довольно долго. Так что теперь я стал более осторожным. Обыкновенный образ женщины и двух детей не говорит нам ни о чем. Так же как и фраза «зеленые поля». Как вы смогли отличить их от своих собственных образов и мыслей? А сейчас, Юрий, что бы мы ни слышали или ни увидели, все обязательно должно соответствовать физическому соотношению «квант-теория относительности». Тогда только мы и сможем о чем-то заявить во всеуслышанье. А пока этой взаимосвязи нет, никто нам не поверит. Над нами только посмеются. Это я говорю, исходя из собственного опыта.

— Хорошо, — согласился Конев. — А если вам удастся услышать что-нибудь существенное, то, что имеет непосредственное отношение к нашему проекту? Вы никому об этом не скажете?

— Почему же? Если я уловлю что-либо, касающееся физики или теории минимизации, я ведь один ничего не смогу понять, да и попытки самому

справиться с этим заведут меня в тупик. Если нам удастся получить какой-то существенный результат, то только благодаря моему компьютеру и моей теории. Почти все лавры достанутся мне. И поэтому мне нет смысла что-то скрывать. Моя личная заинтересованность и честь ученого не позволят мне сделать это. А вы? Как поступите вы?

— Я тоже обязательно все открою. Точно так, как только что это сделал.

— Я не имею в виду фразу «зеленые поля». Это чепуха. Допустим, вы узнаете что-то очень важное, а я нет. Если вам вдруг покажется, что это представляет государственную тайну, как, например, сама теория минимизации? Скажете вы мне что-нибудь в таком случае? Или побоитесь прогневить ваш Центральный Координационный Комитет?..

Хотя они и говорили шепотом, Баранова уловила последние слова:

— Политика, джентльмены? — сурово прозвучал ее вопрос.

— Мы обсуждаем возможность использования компьютера, Наталья, — отозвался Конев. — Альберт думает, что если я получу какую-нибудь важную информацию из скептических волн Шапирова, то я обязательно утаю это от него, мотивируя, что это государственная тайна.

— Вполне возможно, — согласилась Баранова.

— Но нам нужна помощь Альберта, — осторожно сказал Конев. — Это его машина и его программа. Я уверен: только он знает, как сделать нашу работу

более эффективной. Если он не будет уверен в нашей честности и доброй воле, он может сделать так, что мы вообще ничего не узнаем. Я очень хотел бы сообщить ему любую информацию, которую нам удастся получить в обмен на то же самое с его стороны.

— Но Комитет может этого не одобрить, и Альберт сам понимает, — не соглашалась Баранова.

— Ну и пусть. Меня это совершенно не интересует, — отрезал Конев.

— Я докажу тебе свою любовь, Юрий, — шутливо отозвался Дежнев. — Я никому не скажу, что только что слышал.

Калныня поддержала Конева:

— Наталья, я тоже думаю, мы должны быть откровенны с Альбертом и попросить его быть таким же откровенным. Работая на своей машине и имея определенный опыт, я уверена, он быстрее нас получит интересующую нас информацию. Принцип «услуга — за услугу» более выгоден для нас, чем для него. Так, ведь, Альберт?

Моррисон кивнул:

— Я думал абсолютно так же и собирался сказать об этом, если бы вы вдруг стали убеждать меня, что политика государства превыше всего.

— Ну, хорошо. Не будем торопить события, — сняла напряжение Баранова.

Моррисон продолжал думать о своем, изредка поглядывая на машину, когда Дежнев произнес:

— Впереди другая клетка. До нее один или два.

километра. Она кажется намного больше, чем предыдущая. Это нейрон, Юрий?

Конев, который тоже было задумался, внимательно взгляделся в появившиеся очертания:

— Альберт, а что говорит ваш компьютер? Это нейрон?

Моррисон помолчал, включаясь:

— Должно быть, да, — ответил он. — Я никогда не получал такого четкого изображения скептических волн.

— Прекрасно, — обрадовался Дежнев. — И что дальше?..

58.

Калныня сосредоточенно вглядывалась в поверхность клетки. Затем она сказала:

— Наталья, нам снова придется уменьшиться до размеров молекулы глюкозы. А ты, Аркадий, осторожно проводи нас между дендритами вниз к поверхности клеточного тельца.

Моррисон тоже разглядывал поверхность клетки. Дендриты были по своему строению намного сложнее, чем на глиальной клетке. Самый ближний из них имел множество разветвлений и был похож на волокнистый лист папоротника. К тому же, он был очень длинный. Даже луча прожектора не хватало, чтобы увидеть его конец. Другие дендриты были меньших размеров, но волокнистыми. Моррисон предполагал, что такая волокнистость была отчасти и ре-

зультатом броуновского движения. Возможно, каждая конечная ниточка разветвлений, каждая веточка соединялась с себе подобной веточкой другого нейрона самой плотной и неразрывной связью, которая и называлась синапсисом. А колебания этих разветвлений не настолько сильны, чтобы нарушить образовавшийся контакт. Иначе мозг не смог бы выполнять свою работу.

Дежнев подвел корабль к поверхности клетки и медленно огибал ближайший дендрит. («Он ловко справляется с двигателями», — подумал Моррисон). И в этот момент ему показалось, что поверхность нейрона меняется.

Конечно, так оно и было: ведь корабль снова уменьшался в размерах. Складки на поверхности клетки сделались более заметными и постепенно переходили в борозды. Между фосфолипидными бороздами поверхность была ворсистая.

«Рецепторы», — подумал Моррисон. Каждый из них был предназначен для соединения с определенной молекулой, которая была бы полезна для нейрона. И молекула глюкозы, конечно же, была такой.

Они уменьшались гораздо быстрее, чем деминимизировались. Получать и использовать энергию извне было проще, в то время как во время деминимизации высвобождающаяся энергия таила в себе скрытую опасность. Теперь Моррисон это прекрасно понимал.

Калныня вдруг забеспокоилась:

— Я не знаю, какие из рецепторов предназначены

для глюкозы. Их ведь очень много. Аркадий, двигайся мимо них медленно. На тот случай, чтобы не оторваться, когда мы пришвартуемся.

— Нет проблем, моя маленькая Софья, — отозвался Дежнев. — Если выключить двигатели, корабль тут же остановится. Не очень-то легко пробираться среди гигантских атомов, которые окружают нас со всех сторон. Слишком вязко. Поэтому я минимально подключу энергию, чтобы нам суметь протолкнуться через молекулы воды и побродить около рецепторов.

— По полю с тюльпанами, — произнес Моррисон и взглянул на Конева.

— Что? — удивился Конев.

— Эта фраза вдруг пришла мне в голову. Есть такая старая английская песенка «Давай побродим вместе по полю с тюльпанами».

— Что вы несете? — разозлился Конев.

— Ничего странного. Я просто хочу сказать, что если кто-то произносит слово «побродить», мне в голову тут же приходит фраза «по полю с тюльпанами». Даже если в этот момент я сконцентрируюсь на компьютере, я все равно услышу ее. Но это вовсе не означает, что она была мне передана скептическими волнами с экрана компьютера. Вы меня понимаете?

— Вы говорите ерунду. — ответил Конев. — Оставьте меня в покое.

Но Моррисон отметил, что сказанное подействовало. Конев отлично понял, о чем речь.

Они двигались параллельно поверхности нейрона.

Рецепторы плавно шевелились, и Моррисон не мог понять, какие из них уже притянули к себе проплывавшие мимо молекулы.

Он пытался разглядеть эти молекулы. То там, то здесь он видел мерцания. Это свет корабля отражался от молекулы, но самих молекул видно не было. Даже сама поверхность клеточной мембраны казалась размытой, и создавалось впечатление сюрреалистичности происходящего.

При свете мерцаний Моррисону все же удалось разглядеть своего рода песчинки, обгоняющие корабль (конечно, это молекулы воды), а среди них было нечто, что напоминало клубок червей, шевелящихся, переплетающихся. Оно то закрывалось, то открывалось вновь. Находясь в непосредственной близости от корабля, атомы и молекулы также попадали в поле минимизации. При этом они так же уменьшались до мельчайших размеров, а при выходе из поля восстанавливались. Число атомов, подвергшихся процессу, было очень велико, но количество высвободившейся энергии, к счастью, оказалось незначительным для нежелательной деминимизации и последствий. По крайней мере, так казалось.

Моррисон старался не думать об этом.

Голос Барановой возник неожиданно:

— Я ни в коем случае не сомневаюсь в твоих способностях, Софья, но, пожалуйста, еще раз проверь, чтобы заряд корабля был адекватен заряду глюкозы.

— Я и так уверена в этом, — отозвалась Калныня.

Как бы в подтверждение этих слов корабль резко дернуло. Картина за стенами корабля тут же изменилась.

При нормальных условиях от такого толчка каждый вылетел бы из-из своего кресла. Но поскольку масса и сила инерции почти равнялась нулю, то все ощутили лишь небольшое покачивание, которое могло происходить из-за броуновского движения.

— Мы присоединились к рецепторам нейронов глюкозы, — подытожила Калныня.

— Очень хорошо, — сказал Дежнев. — Я выключил двигатели. А что будем делать дальше?

— Ничего, — ответила Калныня. — Мы лишь дадим клетке возможность делать свою работу. А сами будем ждать.

Контакт рецептора с кораблем был не совсем полный. Но как раз это-то и требовалось. Ведь если он приблизится вплотную к рецептору, то попадет в поле минимизации и практически исчезнет. А сейчас имелось лишь притяжение электрических полей рецептора и корабля: положительный заряд к отрицательному и наоборот. Это притяжение не являлось абсолютным притяжением ионов. Связь была намного свободнее и напоминала водородную. Ее вполне хватало, чтобы удержаться, но было недостаточно, чтобы оторваться, как будто корабль держался на резиновых присосках.

Рецептор тянулся во всю длину корабля, был несколько неправильной формы, как будто он со всех сторон обвивал пластиковый корпус.

На первый взгляд, поверхность корабля казалась гладкой, без изъёмов, но Моррисон был абсолютно уверен в наличии электрического поля в местах, где в глюкопиранозной структуре имелись гидроокисные группы.

Моррисон снова огляделся. Рецептор практически закрыл обзор с одной стороны корабля. Он попытался заглянуть дальше, за рецептор, видя продолжение нейрона, которому, казалось, не было конца. Поверхность его немного приподнялась, и Моррисон смог разглядеть кое-какие детали. Наряду со стандартными выпуклостями и складками, а также фосфолипидными молекулами, он увидел несколько нестандартные очертания белковой молекулы, которая быстро пробиралась сквозь толщу клеточной мембраны. Рецепторы должны были притягивать именно такие молекулы. Моррисон знал, что рецепторы представляют собой пептиды — цепочки аминокислот. Они часть тонкого белкового основания и расположены вовне. Каждый отдельный рецептор состоял из определенной аминокислоты, имел определенный электрический заряд и располагался так, чтобы притягивать к себе противоположные по заряду и форме молекулы. Моррисону казалось, что рецепторы все приближаются к ним. Их было огромное количество. И это число постоянно росло. Рецепторы с притянутыми белковыми молекулами как будто проплывали сквозь фосфолипидные молекулы (с тонким слоем холестерина молекул внизу, догадался Моррисон). Они то открывались, то закрывались.

— Что-то происходит, — сказал Моррисон, чувствуя движение корабля сквозь тонкую дрожь инерции, которая соответствовала их незначительной массе.

59.

— Нас засасывает, — отметил Конев.

Дежнев кивнул:

— Похоже, так, — он показал ладонью, придав ей чашевидную форму.

— Абсолютно точно, — подтвердил Конев. — Она будет засасывать нас глубже и глубже, обволакивая со всех сторон, постепенно сужаясь. В конце концов полностью закроется, и наш корабль окажется внутри клетки.

Он был абсолютно спокоен. Так же, как и Моррисон. Они стремились к этому, и это произошло. Рецепторы продолжали смыкаться. Каждый из них удерживал молекулу, настоящую молекулу. Но одна среди них была ложная — молекула корабля. Поверхность клетки, как указывал Дежнев, полностью сомкнулась, и они очутились внутри.

— Что теперь? — спросил Дежнев.

— Сейчас мы внутри клетки, — сказала Калныня.

— Кислотность постепенно повысится, и в определенный момент рецептор сам отпустит нас. Затем все рецепторы вернутся к клеточной мембране.

— А что будет с нами? — не унимался Дежнев.

— Поскольку клетка приняла нас за молекулу глюкозы, она постарается метаболизировать, расще-

пить нас на более мелкие частицы и получить энергию, — пояснила Калныня.

В этот момент пептидный рецептор отделился от корабля и уполз прочь.

— А не слишком ли это опасно, метаболизировать нас? — продолжал интересоваться Дежнев.

— Не думаю, — проговорил Моррисон. — Для этого нас притянет к себе соответствующая молекула энзима. Но она тут же поймет, что мы не представляем для нее никакого интереса. Мы не содержим фосфатной группы, и, возможно, она отпустит нас. Ведь мы — не настоящая молекула глюкозы.

— Но если эта молекула энзима отпустит нас, где гарантия, что другая, такая же молекула, тут же не притянет нас к себе. И так до бесконечности?

— Если уж мы затронули этот вопрос, — продолжал Моррисон, потирая подбородок и ощущая появившуюся щетину, — может случиться так, что нас не отпустят даже первые молекулы, если мы не сделаем то, что они от нас ожидают.

— Великолепно, — с возмущением произнес Дежнев. Неожиданно он перешел на свой диалект, что происходило лишь в минуты глубокого волнения. Моррисону стало трудно понимать его:

— То есть, получается, что мы или навеки останемся в лапах какой-нибудь молекулы энзима, или будем переходить по очереди от одной к другой, затем к третьей, и так до конца. Мой отец в таких случаях говорил: «Если тебя от пасти волка спас

голодный медведь, то поверь, повода для радости нет».

— Прошу заметить, — сказала Калныня, — что еще ни одна молекула энзима не притянула нас к себе.

— А почему? — поинтересовался Моррисон, который уже успел это заметить.

— Просто из-за небольших изменений в электрическом заряде. Нам пришлось стать молекулой глюкозы, чтобы проникнуть в клетку. Теперь, когда мы в клетке, нет необходимости оставаться глюкозой. Мы можем превратиться еще во что-нибудь.

Баранова подалась вперед:

— А разве не все молекулы подвергаются метаболическому изменению?

— Как оказалось, нет, — продолжала Калныня. — Глюкоза и всякий другой простейший сахар в организме имеют определенную молекулярную структуру, и мы называем ее дектрозой. Я просто создала ее в зеркальное отображение. Мы стали Л-глюкозой, и теперь никакая молекула энзима не станет притягивать нас. Все просто: никто из нас не станет надевать правую туфлю на левую ногу. И поэтому мы можем свободно передвигаться.

Оболочка, которая окутала корабль при вхождении в клетку, лопнула, и Моррисон оставил все попытки понять, что же происходит вокруг. Частицы молекул поглощались огромными молекулами энзима, которые сначала захватывали жертву в плотное кольцо, а затем сильно сдавливали ее. После этого наступало

непродолжительное расслабление. Выжатые таким образом частицы тут же высвобождались и захватывались другими энзимами.

Все происходило мгновенно и являлось анаэробным этапом процесса, так как в нем не участвовали молекулы кислорода. Все заканчивалось расщеплением молекулы глюкозы с ее шестью атомами углерода на две трехуглеродные частицы. В результате выделялось небольшое количество энергии, и частицы для дальнейшей обработки и завершения процесса передавались во власть митохондрии, где уже использовался кислород. В качестве катализатора сюда помещена универсальная энергетическая молекула АТФ. А завершается весь процесс возникновением еще одной, но уже с гораздо большим запасом энергии молекулы АТФ.

Моррисону вдруг захотелось бросить все и убежать к митохондрии, этой маленькой энергетической фабрике клетки. Ведь, по идее, он еще не видел ни одного, полностью рафинированного за время митохондрического процесса элемента. Но он тут же отогнал от себя эти мысли. Важнее всего были скептические волны. Он почти приказал себе отвлечься от остального, пытаясь заставить чересчур любознательный ум сосредоточиться на главном.

По-видимому, те же самые мысли одолевали и Конева, так как он произнес:

— Наконец-то мы внутри нейрона. Давайте, Альберт, будем не просто туристами. Что там у нас со скептическими волнами?

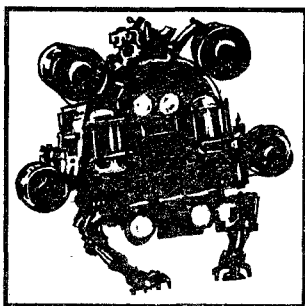
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

АКСОН

«Люди, готовые платить деньги, чтобы узнать, о чем вы думаете, — щедрые люди».

Дежнев Старший.

60.

Моррисон почему-то рассердился, услышав слова Конева. И ничего не ответил. Он продолжал рассматривать внутреннее строение нейрона, но не узнавал ничего из того, что видел. Там были фибры, изогнутые пластинки, какие-то частицы неопределенного размера и непонятной формы. У него возникло ощущение, что в клетке имелся своего рода остов, который удерживал в определенном порядке один из самых больших элементов — органеллы. Но понять точнее было трудно, поскольку

корабль двигался мимо них очень быстро, как будто плыл вниз по течению. Чувство движения здесь было гораздо сильнее, чем когда они были в потоке крови. Видимо, из-за того, что наряду с ними двигались еще какие-то мелкие частицы, в то время как большие объекты оставались на месте.

В конце концов Моррисон сказал:

— Послушайте, Юрий мы движемся так быстро, что движение искажает скептические волны.

— Вы с ума сошли? — проворчал Конев. — Мы движемся очень медленно. Нас просто несет внутриклеточный поток. Это еще раз подтверждает, что все малые молекулы соответствуют структуре органеллы клетки. Если измерять по обычной шкале, то скорость наша чрезвычайно мала; а быстрой она кажется лишь по нашей минимизированной шкале. Мне что, учить вас физиологии клетки?

Моррисон прикусил губу. Конечно, Конев был прав. А он опять забыл, как минимизация искажает восприятие окружающего.

— Но все равно будет лучше, — не хотел сдаваться Моррисон, — если мы снова станем Д-глюкозой и позволим энзиму захватить нас. Скорость уменьшится, и тем самым улучшится прием скептических волн.

— Нам не нужно сбавлять скорость. Нервный импульс в реальном мире движется со скоростью минимум два метра в секунду, а при наших размерах его скорость превышает в семьдесят раз скорость

света. По сравнению с этим наша скорость, как бы велика она ни казалась, на самом деле ничтожна. Даже если мы будем двигаться по отношению к нервному импульсу со скоростью космического корабля, мы будем стоять на месте.

Моррисон поднял вверх руки в знак своей полной капитуляции. Внутренне он был взбешен. Он ненавидел людей, которые были всегда правы. Непроизвольно он взглянул в сторону Калныни. Его не покидало чувство, что теперь и она презирает его. Но она спокойно, без тени насмешки смотрела на Моррисона. Она повела плечами, как бы спрашивая (так ему показалось): «А что можно ожидать от этого фанатика?»

Моррисон оглянулся назад. Баранова, казалось, вообще не придавала значения их разговору. Она занималась своими приборами. Моррисону вдруг стало очень интересно, о чем это она так сосредоточенно думает, когда двигатели отключены и корабль несет течением?

Дежнев, при дрейфе без двигателей, был единственным членом экипажа, которому было совершенно нечем заняться. Кроме как, может быть, в полглаза наблюдать за окружающим пространством во избежание чрезвычайных ситуаций.

— Давайте, Альберт, — сказал он, — изучайте хорошенько эти ваши скептические волны и проясните нам ситуацию. А потом мы уплывем отсюда. Может, это и чертовски привлекательно — находиться внутри клетки, — но это дело вкуса. Что касается

меня, я сыт по горло. Не зря отец говаривал: «Самая волнующая часть любого путешествия — возвращение домой».

Его прервала Баранова:

— Аркадий!

— Да, Наташа, слушаю.

— Хватит на сегодня. Оставь несколько слов на завтра.

На ее лице Моррисон заметил легкую улыбку.

— Хорошо, Наташа. Я не одобряю твой сарказм, но сделаю, как хочешь ты.

Он с лязгом закрыл рот, но тут же замурлыкал себе под нос какой-то мотивчик.

Моррисон был слегка ошарашен. Они были в корабле немногим менее пяти часов, а казалось, уже несколько дней, а может, и лет. И сейчас, в отличие от Аркадия, и несмотря на свои прежние чувства страха и ужаса, он не думал и не хотел покидать тело Шапирова. Им овладело невероятное желание исследовать клетку, используя предоставленную возможность.

Калныня, видимо, думала то же самое. Она произнесла:

— Какой позор! Быть первыми, кому удалось попасть внутрь самой сложной из всех живых клеток, и ничего не сделать, чтобы должным образом исследовать ее.

— Как раз это... — начал было Моррисон, но передумал, и незаконченная фраза повисла в воздухе.

Конев взмахнул рукой, как бы отгоняя рой насекомых:

— Не понимаю. Мы в клетке. У нас определенные задачи. Альберт, настраивайтесь на скептические волны.

— Именно это я и делаю, — сухо ответил Моррисон. — Вернее, я уже все сделал. Посмотрите!

Конев повернулся, затем совсем отстегнул ремень и взглянул на экран:

— Волны кажутся более четкими.

— Они и в самом деле более четкие. Кроме того, более интенсивные. Они имеют самые точные колебания из всех, что приходилось видеть. Рано или поздно, но колебания станут настолько точными, что будут представлять собой колебания одного электрона. Тогда мы должны будем принять во внимание принцип неопределенности.

— Вы забываете, что мы минимизированы, и постоянная Планка для нас на девять порядков меньше, чем при обычных условиях.

— Это вы забываете, — возразил Моррисон, радуясь, что уж на этот раз ему удастся поймать Коневу на ошибке, — что волны редуцируются задолго до того, как они достигают нас. Эти волны находятся именно там, где они должны быть согласно принципу неопределенности.

Конев неуверенно произнес:

— Не имеет значения. Мы ведем наблюдения в данный момент, и ничего неопределенного в этом нет. Ну, и что же это означает?

— Это подтверждает мою теорию, — продолжал Моррисон. — Это как раз то, что я и должен был увидеть: внутри клетки в том случае, если мое объяснение активности скептических волн верно.

— Я не это имею в виду. Мы же начали с предположения, что ваша теория верна. Теперь это уже не предположение, а доказанный факт. И я вас поздравляю. Но о чем думает Шапиров, судя по этим волнам? ?

Моррисон покачал головой:

— У меня нет абсолютно никаких данных, как соотносятся такие волны с волнами мышления. Потребуется годы, чтобы найти это соотношение, если оно вообще когда-нибудь будет найдено.

— Но, может, скептические волны, когда они четки и интенсивны, оказывают воздействие на ваш мозг? Вы получаете какие-нибудь образы?

Моррисон немного подумал, а затем покачал головой:

— Нет, никаких.

И вдруг из-за его спины послышался сдавленный тихий голос Барановой:

— Я что-то улавливаю, Альберт.

Моррисон обернулся:

— Вы??

— Да, хотя, может, это и странно...

Конев тут же потребовал:

— Что?? Что ты чувствуешь, Наталья?

Баранова заколебалась:

— Любопытство. Видите ли, нет никакого опреде-

ленного образа. Просто ощущение. Я чувствую любопытство.

— Вполне понятно, — объяснил Моррисон. — В силу данных обстоятельств у вас вполне могло возникнуть такое чувство. И вовсе необязательно, что оно передалось вам от кого-то.

— Нет, нет. Я знаю, что представляют мои собственные мысли и чувства. А это пришло ко мне извне.

— Вы почувствовали это только сейчас? — спросил Моррисон.

— Да, именно сейчас.

— Ну хорошо. А что теперь?

Брови Барановой вдруг поползли вверх от удивления:

— Оно внезапно прекратилось. Вы что, выключили свою машину?

— Да, я отключил ее. А теперь расскажите, когда к вам пришло это чувство.

Он обернулся и многозначительно посмотрел на Калныню, намекая не подсказывать, когда он включает и выключит компьютер. Но Калныня, казалось, не обращала на них никакого внимания. Она сосредоточенно смотрела на клетку, пытаясь понять это маленькое чудо, созданное природой.

Он отвернулся и сказал:

— Наталья, закройте глаза и соберитесь с мыслями. Когда что-либо почувствуете, скажите просто «да», а если ничего не будет, то «нет».

Немного подумав, она согласилась.

Моррисон обратился к Коневу:

— Машина издает какой-то шум, когда ее включаешь или выключаешь? Можно что-либо услышать или почувствовать при этом?

Конев отрицательно покачал головой:

— Я не слышу и не чувствую ничего.

— Тогда нет никакой ошибки: ощущения у нее возникают, лишь когда машина включена.

Дежнев, который, в отличие от Калныни, с интересом следил за разговором, спросил:

— Но почему? — его глаза сузились. — Ведь импульсы мозга имеются здесь, на нашем корабле, независимо от того, улавливает их ваша машина или нет. И она должна ощущать любопытство все время, без каких-то перерывов.

— Нет, нет, — возразил Моррисон. — Дело в том, что моя машина отфильтровывает подлинно скептические волны от всех других. Без компьютера у нее бы возникли смешанные чувства, масса различных ощущений. А благодаря машине она получает только скептические волны, что еще раз доказывает правильность моей теории.

— Но я? Я ведь ничего не ощущаю, — нахмурился Дежнев. — Разве это не доказывает обратное?

Моррисон дернулся:

— Видите ли, мозг — это очень сложный механизм. Наталья что-то чувствует, вы — нет. Что касается меня, то в данной ситуации я тоже ничего не ощущаю. Но, по-видимому, данные скептические волны имеют какую-то направленность, которая под-

ходит именно к мозгу Натальи, а к нашим — нет. По вполне понятным причинам я не могу объяснить вам все сразу. А вы, Конев, чувствуете что-нибудь?

— Нет, — так же недовольно ответил Конев.

— Я, правда, почувствовал кое-что, когда мы были в межклеточной жидкости.

Моррисон покачал головой, но ничего не сказал. Конев взорвался:

— Ну, чувствуешь ты еще что-нибудь, кроме любопытства, Наталья?

— Нет, Юрий, ничего, — ответила Баранова. — Сейчас нет. Но ты же знаешь Петра Шапирова. Ему было интересно буквально все.

— Я-то знаю. Но это нам не поможет. Альберт, в каком направлении мы сейчас движемся?

— Вниз по течению, — ответил Моррисон. — Это единственное направление, в котором мы можем двигаться.

— Не может быть. Как это? Вы шутите? — разозлился Конев.

— Вовсе нет. Вы спросили, в каком направлении мы движемся. А что еще я тебе мог ответить? Думаю, что нет смысла указывать направление по компасу.

— Хорошо, извините, — слегка успокоился Конев. — В этом месте поток течет в одну сторону. А с другой стороны клетки — в обратную. Это не что иное, как циркуляция. Но первый импульс всегда передается в одном направлении — от дендритов к аксону. Меня интересует, с какой стороны клетки

мы находимся; совпадает ли направление нашего движения с направлением нервного импульса?

— А что, это имеет значение? — поинтересовался Моррисон.

— Я думаю, да. Может ли ваш прибор определить, в каком направлении передвигаются импульсы?

— Конечно. Если посмотреть на график, то видно, идут ли импульсы нам навстречу, или мы двигаемся с ними в одном направлении.

— Ну и что?

— А то, что наше движение совпадает.

— Прекрасно. Нам повезло. Таким образом, мы двигаемся по направлению к аксону.

— Как будто так...

— И что из того, что мы туда движемся? — послышался голос Барановой.

Конев принялся объяснять:

— Подумай, Калныня. Скептические волны движутся вдоль поверхности клетки. Клетка здесь широкая и относительно большая. Скептические волны рассеиваются по поверхности значительных размеров и, соответственно, снижается их интенсивность. Приближаясь к аксону, поверхность клетки сужается. Аксон представляет собой очень длинный отросток, и он, по сравнению с клеткой, очень узкий. Когда волны проходят по такой узкой трубке, они концентрируются в одном месте и становятся более ощутимыми. Кроме того, аксон покрыт толстой миелиновой оболочкой, которая не пропускает энергию волн наружу, и она вся сохраняется внутри отростка.

— Значит, ты думаешь, что можно получить наиболее эффективные результаты, находясь в аксоне?

— Да, весьма эффективные. Если ты почувствовала любопытство сейчас, то в аксоне твое восприятие станет еще острее. И вполне возможно, что ты узнаешь, чем же вызвано любопытство Шапирова, что его так интересует.

— Может оказаться, что для нас оно не будет иметь абсолютно никакого значения, — задумчиво произнес Моррисон. — Что, если он просто никак не может понять, почему он здесь лежит и почему не может двигаться?

— Нет, — категорично заявил Конев, — его не может интересовать такая чепуха. Вы не знаете Шапирова, а мы его знаем очень хорошо.

Моррисон согласился:

— Да, действительно, я не был с ним знаком.

— Все свое свободное от сна время он отдавал процессу минимизации, — продолжил Конев. — Я не удивлюсь, если и сны тоже. В течение последнего времени, вплоть до случившегося, он работал, мечтал, размышлял о связи между квантом и теорией относительности. Он думал о том, как сделать процессы минимизации и деминимизации стабильными и неопасными.

— В таком случае, — вставил Моррисон, — он должен был хоть как-то намекнуть на то, чего он достиг.

— Нет, в какой-то степени он был ребенком. Мы знаем лишь, над чем он работал, но никто не мог

сказать, насколько успешны его поиски и в каком направлении они ведутся. Он предпочитал не предавать их огласке до тех пор, пока работа не будет завершена. Ты же знаешь, Наталья, как он любил такие моменты. Вспомни, как было, когда он закончил исследования по самой минимизации. Когда он, наконец, написал работу...

Моррисон, как бы между прочим, поинтересовался:

— Она была опубликована?

Конев презрительно хмыкнул:

— Нет, не была. Она вышла ограниченным тиражом, лишь для тех, кому это положено знать. Для вас ее просто не существует.

— Не смей оскорблять, Альберт, — не выдержала Баранова. — Он член экипажа и наш гость. И не нужно видеть в нем шпиона.

— Как скажешь, Наталья, — ответил Конев. — И тем не менее, единственное, что может так мучительно интересовать Шапирова, даже это Наталья знает, — это соотношение кванта и теории относительности. И если нам удастся получить хоть какую-нибудь информацию об этом, у нас сразу появится исходный пункт, от которого мы сможем продвигаться дальше.

— И ты считаешь, что мы сможем получить такую информацию в аксоне?

— Да, я даже уверен в этом, — Конев с силой сжал кулаки, как будто ими собирался отстаивать свою точку зрения.

Моррисон посмотрел по сторонам. Что касается его, то он вовсе не был уверен в этом. Ему вдруг стало казаться, что все кругом стало двигаться в обратном направлении и что...

Он постарался не выдать свои мысли, но его так же, как и Конева, охватило страшное волнение.

61.

Впереди виднелись неясные очертания каких-то предметов, течением их проносило мимо корабля, и они тут же исчезали. Что это — рибосомы? Аппарат Гольджи? Если фибриллы, то какого вида? Моррисон не мог ответить на эти вопросы. Если вести наблюдения с позиции маленькой молекулы, то все кажется неузнаваемым, какие бы ясные очертания оно не имело и каким бы знакомым оно на самом деле не казалось.

Они двигались в неизведанном пространстве, и Моррисону, несмотря на все старания, никак не удавалось найти соответствие между тем, что он видел сейчас, и тем, что ему было так знакомо по электронной микрографии.

Его мучил вопрос: было ли где-то там, вдали, куда еще не доходил луч корабля, святая святых клетки — ее ядро. Подумать только: находиться на субмикроскопическом расстоянии от него и никогда не увидеть!

Он попытался сосредоточиться на окружавшем его в тот момент пространстве. Ему снова показалось,

что девяносто восемь процентов всех молекул клетки — молекулы воды. Это явилось результатом их превращения в частицы данного организма. Но он не был в этом уверен. Как ни всматривался он вдаль, все, что можно было увидеть, — это слабые мерцания. Вероятно, фотоны, отскакивая от молекул, возвращались обратно к кораблю.

Внезапно Моррисон почувствовал, как над ним склонилась Калныня. Ее волосы коснулись его лица, и он почувствовал, уже не в первый раз, их свежий запах.

— Это ужасно, Альберт, — произнесла она.

Ее дыхание было несколько несвежим, и Моррисон невольно отпрянул.

Она это заметила, поскольку тут же прикрыла рот ладонью и виновато пробормотала:

— Извините.

Моррисон слегка покачал головой:

— Я тоже не благоухаю, как розовый куст. Сказывается напряжение и то, что практически ничего не ели. Глоток воды, вероятно, поможет.

— Наталья, — позвал он Баранову.

Все выпили по глотку воды, и это придало им немного бодрости.

Калныня протянула Моррисону маленький беленький шарик:

— Хочешь мятное драже?

Моррисон взял его и улыбнулся:

— На самом деле мятное?

Калныня посмотрела на Баранову, та равнодушно

пожала плечами. Угостив Моррисона, Калныня другой шарик положила себе в рот. И снова повторила:

— Это ужасно, Альберт.

— Что ужасно, Софья?

— Как мы можем проплыть через всю клетку, так и не изучив ее детально?

— Но у нас ведь другая задача.

— Да, это так, но может оказаться, что пройдет много лет, прежде чем кто-то другой сможет снова проникнуть в клетку. А может, этого никогда не случится. И потом кто-то годы спустя прочитает, что наш корабль и экипаж были в клетке, но даже не потрудились посмотреть по сторонам. Они просто назовут нас варварами.

Калныня говорила шепотом и даже касалась его губами. Моррисону это было приятно.

Неужели его чувство опасности так притупилось, что он больше не обращал внимание на тот риск, которому они подвергались, проходя по краю бездны, какой могла стать неуправляемая деминимизация, на возможность мгновенной смерти? Несмотря на все, он радовался, казалось, такому обычному явлению близости с красивой женщиной.

А почему, собственно, он должен этому сопротивляться? Пусть это будет для него своего рода анестезией и поможет хоть на время все позабыть.

Он вдруг отчетливо вспомнил образ счастливой, улыбающейся, красивой девушки, который тогда возник у него перед глазами. Но эта мысль была не его, так как она внезапно пришла ниоткуда. Но

сейчас она снова явилась к нему, и сердце наполнилось теплотой.

У Моррисона вдруг возникло острое желание поцеловать Софью. Просто легонько дотронуться губами до ее щеки, но он поборол его. Если она неправильно его поймет, он будет выглядеть совершенным идиотом.

И поэтому он тихо сказал:

— Люди будущего поймут, что у нас была другая задача.

— Интересно, — произнесла Софья, быстро взглянув на Конева, который всегда внутренне замирал, но старался казаться невозмутимым, едва лишь Калныня починала говорить.

Она повернулась к своему компьютеру, переключила его на режим работы с лексикой и быстро набрала по-русски: «Юрий — фанатик, и он жертвует всем ради своей идеи. Нет никаких шансов улавливать мысли на расстоянии, но он всем пытается доказать обратное». Затем она все стерла и набрала следующее: «Мы являемся его жертвами». И снова стерла.

Вместо «мы», читай — «я», — с грустью подумал Моррисон. Он неуверенно глянул на свой прибор. Ему показалось, что волны мышления, которые до этого были тусклыми, сейчас стали более интенсивными. Он взгляделся в экран, пытаясь понять, как близко к аксону они теперь находились. Но сделать это было невозможно. Он отключил излучение и перевел компьютер на словарный режим работы.

Затем набрал русскими буквами: «Он тоже является жертвой самого себя».

Калныня тут же взбешенно напечатала: «Нет. Я не верю, что такие люди, как он, могут быть жертвами самих себя».

Моррисон с тоской вспомнил свою прежнюю жену, детей, неспособность убедительно доказать собственную теорию или отказаться от нее и набрал: «Я думаю, каждый из нас является прежде всего жертвой самого себя». Затем быстро переключил компьютер на режим приема и волн мышления.

У него вдруг перехватило дыхание. Волны на экране показывали высокую интенсивность, и это несмотря на то, что прибор работал на небольшой мощности.

Он открыл было рот, чтобы прокомментировать увиденное, но его опередил Дежнев:

— Клеточная мембрана поворачивает в сторону, мы поворачиваемся следом за ней.

«Вот чем это объясняется, — подумал Моррисон. — Клетка сужается по направлению к аксону, и скептические волны становятся более концентрированными. Его прибор, отфильтровывая все ненужное, будет распространять скептические волны внутри корабля. Что же произойдет в результате?»

— Посмотрим, что за этим последует? — удовлетворенно произнес Конев. — Альберт, включи свою машину на полную мощность.

— Я надеюсь, что бы ни произошло, мы получим ответ, или хотя бы начало ответа.

— Я уже устала ждать, — слышался голос Барановой.

— Ты не виновата, — сказал Дежнев. — Как говорил мой отец: «Чем дольше тебе требуется добраться до сути чего-либо, тем непонятнее она оказывается».

Моррисон видел, что каждый мускул тела Конева был напряжен от возбуждения и ожидания триумфа, однако сам он не разделял этих волнений.

62.

Моррисон огляделся. Они были в аксоне, и их несло потоком внутриклеточной жидкости.

В реальном мире аксон представляет собой необычайно тонкий отросток, а теперь ширина его равнялась сотне километров. Что касается длины, то он был намного длиннее, чем сама клетка. Путешествие от одного конца к другому можно было сравнить с полетом на Луну и обратно. С другой стороны, благодаря таким размерам их скорость приближалась к скорости света. Однако чисто внешне почувствовать это было невозможно. Корабль двигался вместе с течением, и теперь на его пути попадалось гораздо меньше макромолекул и органелл, чем в самой клетке. Если что-то и встречалось на пути, то оно двигалось с огромной скоростью, так что разглядеть было практически невозможно.

Поэтому все бросили это дело и следили за экраном. Скептические волны становились все ин-

тенсивнее. Кроме того, с увеличением помех затруднился их отбор. Из-за сильной вибрации скептических волн на экране появилась сеть зубцов направленных форм. Поэтому не удавалось получить детально всю информацию. Появилась необходимость прямо под микроскопом установить лазерный принтер.

Конев отстегнул пристяжной ремень и склонился над экраном.

— Никогда не видел ничего подобного, — сказал он.

— Я тоже, — отозвался Моррисон, — хотя изучаю скептические волны вот уже двадцать лет.

— Таким образом, я был прав насчет аксона?

— Абсолютно, Юрий. Они прекрасно сконцентрировались в одном месте.

— И что это значит?

Моррисон беспомощно развел руками:

— Понятия не имею. Поскольку я ни разу не сталкивался с таким явлением, естественно, я не могу его объяснить...

— Нет, нет, — нетерпеливо прервал его Конев. — Ты сосредоточенно следишь за экраном, а я все думаю об индукции. Наш с тобой мозг — это самый настоящий рецептор, так же как и твоя машина. Так что же чувствуешь ты? Образы? Слова?

— Ничего, — ответил Моррисон.

— Но это невозможно.

— А разве ты что-то улавливаешь?

— Это твоя машина. Она настроена на твое восприятие.

— Но и у тебя уже возникали некоторые образы. В их разговор вторгся Дежнев:

— Как говорил мой отец: «Если ты хочешь услышать, начинай слушать».

Баранова согласилась:

— Дежнев Старший прав. Мы ничего не сможем добиться, если будем постоянно спорить.

Конев тяжело вздохнул и нарочито нежно произнес:

— Ну что ж, давайте сосредоточимся.

На корабле воцарилась неестественная тишина. Немного спустя послышался робкий голос Калныни:

— Нет времени.

— Для чего нет времени, Софья? — поинтересовалась Баранова.

— Это просто фраза, которую я уловила: «Нет времени».

— Ты хочешь сказать, что синтезировала эту фразу из скептических волн Шапирова?

— Не знаю. А это возможно?

В разговор вступила Баранова:

— Послушайте, минуту назад у меня была та же самая мысль. Мне пришло в голову, что лучший способ решить нашу проблему — это исследовать уже записанные с экрана скептические волны и ждать результатов. Вполне возможно, сама структура останется прежней, но какие-то изменения в ней про-

изойдут. И вот тогда я подумала, что нам придется очень долго ждать и что у нас для этого нет времени.

— Другими словами, — сказал Моррисон, — вы подумали: «Нет времени».

— Да, — подтвердила Баранова, — но это была моя собственная мысль.

— Откуда вы это знаете? — спросил Моррисон.

— Я знаю свои собственные мысли.

— Вы так же знаете собственные сны, но порой сны базируются на каких-то посторонних, чужих фактах. Допустим, вы уловили мысль: — нет времени. Но вы не привыкли читать мысли на расстоянии, и у вас тут же выстраивается своя логическая цепочка: вам кажется, что это была ваша собственная мысль.

— Может, и так, но как отличить одно от другого, Альберт?

— Я не знаю. У Софьи возникла та же самая фраза, а не думала ли она сама о чем-нибудь таком, из-за чего ей в голову пришла данная мысль?

— Нет, я старалась вообще ни о чем не думать, — ответила Калныня, — она просто возникла сама собой.

— Что касается меня, я ничего не почувствовал, — сказал Моррисон. — А вы, Юрий?

Конев покачал головой, ужасно расстроившись:

— Нет, абсолютно ничего.

— В любом случае, — задумчиво продолжал Моррисон, — это еще ничего не значит. Эта самая обычная мысль могла возникнуть в голове Натальи,

логично вытекая из предыдущих, не имея при этом абсолютно никакого значения. Но даже если эта мысль пришла к нам от Шапирова, то она тоже может совершенно ничего не значить.

— Может быть, — произнес Конев, — а может, и нет. Вся его жизнь и его ум всегда были связаны с проблемами минимизации. Обычно ни о чем другом он не думал.

— Вы постоянно твердите об этом, — возразил Моррисон, — но на самом деле это просто чепуха. Никто не может жить, думая лишь об одном. Даже самый пламенный влюбленный. Ромео не думал все время о Джульетте. Приступ кашля, посторонний звук всегда отвлекут человека от его мыслей.

— Тем не менее, все, что говорит и думает Шапиров, мы должны принимать во внимание.

— Возможно, — не унимался Моррисон. — А что, если он пытался и дальше развить теорию минимизации и вдруг решил, что у него нет времени, у него было мало времени, чтобы завершить свою работу?

Конев отрицательно покачал головой, но скорее просто для того, чтобы отогнать одолевавшие его мысли. Затем сказал:

— А если Шапирову показалось, что любая минимизация, при которой увеличение скорости света происходит пропорционально уменьшению постоянной Планка, способна производить мгновенные изменения? А так как скорость света увеличивается весьма значительно, то и скорость невесомого, или почти невесомого, объекта тоже увеличится во много

раз. Таким образом, ему практически удалось оторваться от понятия «время», и поэтому он мог с гордостью себе сказать: «Нет времени».

— Несколько неправдоподобно, — сказала Баранова.

— Конечно, — согласился Конев, — но все равно об этом стоит подумать. Мы должны записывать все впечатления, независимо от того, имеют они значение или нет.

— Я и собираюсь это сделать, — ответила Баранова. — Тогда тише. Посмотрим, удастся ли нам уловить что-нибудь еще.

Моррисон старался изо всех сил сосредоточиться над экраном, сдвинув у переносицы брови.

Вдруг раздался шепот Конева:

— Мне послышалось следующее: «*ni* умножить на *s* равняется *m* разделить на *s*...»

Моррисон согласился:

— И я тоже слышал, но мне кажется последним было *m* умножить на *s*.

— Нет, — твердо возразил Конев. — Попробуйте еще...

Моррисон снова сконцентрировался и потом в замешательстве произнес:

— Да, вы правы: *ni* умножить на *s* равно *m*, деленному на *s*. И что это означает?

— А кто знает. Как бы там ни было, если это мысли Шапирова, то они обязательно что-то значат. Можем предположить, что *ni* — это частота излучения, *s* — скорость света, а *m/s* — стандартная масса,

то есть масса покоя в нормальных условиях. В свете...

Баранова предостерегающе подняла руку. Конев тут же остановился. Ему вдруг стало неловко и он добавил:

— Ну... это ни то и ни другое.

Моррисон усмехнулся:

— Запретная тема?

Тут послышался раздраженный голос Дежнева:

— Как так, вы все что-то слышите про какую-то массу, время и все такое прочее, а я вообще ничего не чувствую? Я что, не ученый по-вашему?

— Не думаю, что все происходящее имеет отношение к тому, что мы ученые, — успокоил его Моррисон. — Просто мозг одного человека обязательно отличается от мозга другого человека. Вполне возможно, он и разрушается так же, как и кровь. Ведь мы не можем переливать одну и ту же кровь всем подряд. Твой мозг, возможно, совершенно не такой, как у Шапирова. И поэтому между вами не может возникнуть никакой плоскости пересечения.

— Только со мной?

— Нет, что ты. В мире, наверно, существуют миллионы типов мозга, не совпадающие с мозгом Шапирова. Ты же заметил, что Софья и Наталья слышали одну и ту же фразу, а нам с Юрием это не удалось? И наоборот.

— Двое мужчин и две женщины, — проворчал Дежнев. — А кто же я!

— Мы только теряем время, — нетерпеливо про-

изнес Конев. — Давайте не будем по часу обсуждать каждую мелочь. Нам еще нужно многое услышать, а времени очень мало. И если ты постарайся по-сильнее сосредоточиться, Аркадий, то, возможно, и ты тоже что-нибудь почувствуешь.

Тишина.

Время от времени ее нарушали непонятные бормотания о только что услышанном слове или появившемся образе. Вклад Дежнева в общую копилку был небольшим:

— Я ощущаю чувство голода, но, вполне возможно, оно мое собственное.

— Несомненно, — сухо произнесла Баранова. — Утешай себя мыслью, Аркадий, что, когда мы вернемся, ты получишь по несколько порций каждого блюда и сколько хочешь воды.

Дежневу мысль пришла по душе.

— Итак, в процессе мы не наткнулись ни на что более или менее существенное или необычное. Я еще раз заявляю, что даже у Шапирова большинство мыслей связано с обыденной жизнью, — сказал Моррисон.

— И тем не менее, — проворчал Конев, — мы еще слушаем.

— И как долго?

— До конца аксона. До самого конца.

— А потом? Потом мы направимся в синапс или вернемся обратно?

— Мы постараемся подойти к синапсу как можно ближе. Тем самым вплотную приблизимся к соседней

клетке и будем улавливать скептические волны. Здесь, в критическом месте передачи импульса, работать станет еще легче.

— Да, конечно, Юрий, но ты не капитан, — возразил Дежнев. — Наталья, солнышко, ты тоже так считаешь?

— А почему бы и нет? — ответила Баранова. — Юрий прав. Синапс — уникальное место, и мы ничего о нем не знаем.

— Я спрашиваю лишь потому, что мы уже израсходовали половину запаса энергии. Как долго мы собираемся еще оставаться в клетке?

— Достаточно, чтобы достичь синапса.

И снова повисла тишина.

63.

Корабль продолжал двигаться вдоль нескончаемого аксона. Конев все больше и больше брал руководство на себя.

— Что бы вы ни почувствовали, обязательно говорите. Не имеет значения, слово это или целый абзац, со смыслом или без смысла. Если это образ, запомните его. Даже если вы думаете, что это ваша собственная мысль, все равно скажите.

— Ты слишком много болтаешь, — заявил Дежнев, отчасти раздраженный своим невезением.

— Может быть, но две или три подсказки могут решить все. Ведь мы не в состоянии определить, что

имеет значение, а что нет, до тех пор, пока не изучим все.

На это Дежнев заметил:

— А если я что-то почувствую, мне тоже говорить?

— Обязательно, — ответил Конев. — Если ты такой нечувствительный, то все, что тебе вдруг покажется, может оказаться особенно важным. А теперь, пожалуйста, хватит разговоров. Каждая секунда может стоять нам научного факта.

И снова потекли разрозненные фразы, уловить смысл которых, по мнению Моррисона, было невозможно.

Все удивились, когда Калныня вдруг сказала: — «Нобелевская премия!»

Конев резко глянул в ее сторону, но, поняв, кто это произнес, промолчал.

Моррисон, стараясь не задеть чувства Конева, спросил:

— Ты тоже это услышал, Юрий?

Конев кивнул:

— Да, и в тот же самый момент.

— Это первое пересечение мыслей мужчины и женщины, — произнес Моррисон. — Видимо, Шапиров подумал об этом в связи с развитием теории минимизации.

— Несомненно. Но он бы и так получил Нобелевскую премию за то, что уже сделал в плане минимизации.

— Которая совершенно секретна и поэтому неизвестна.

— Да, но поскольку мы завершаем процесс, она перестанет быть неизвестной.

— Будем надеяться, — съязвил Моррисон.

Конев огрызнулся:

— Мы не намного скрытнее, чем американцы.

— Хорошо, я не спорю, — мягко согласился Моррисон, но при этом все-таки ухмыльнулся, что, казалось, еще больше взбесило Конева.

Вдруг заговорил Дежнев: — «Хокинг».

Брови Моррисона поползли вверх от удивления. Этого он не ожидал.

Баранова недовольно спросила:

— Что это значит, Аркадий?

— Я сказал «Хокинг», — обиженно ответил Дежнев. — Вдруг откуда ни возьмись, оно появилось у меня в голове. Вы же сами велели говорить все подряд, что придет на ум.

— Это английское слово, оно означает «плевать», — сказала Баранова.

— Или «торговать», — весело вклинился в разговор Моррисон.

Дежнев продолжал:

— Не знаю я никакого английского слова. Я решил, что это чье-то имя.

— Так оно и есть, — отозвался Конев. — Стефан Хокинг. Известный английский физик-теоретик, жил в прошлом веке. Я тоже о нем думал, но я решил, что это моя собственная мысль.

— Прекрасно, Аркадий, — одобрил Моррисон. — Это может пригодиться.

Лицо Дежнева осветила улыбка:

— Оказывается, я не настолько уж бесполезен. Как говорил мой отец: «Даже если слова мудреца немногочисленны, к ним все равно стоит прислушаться».

Спустя полчаса Моррисон не выдержал:

— Мы к чему-нибудь придем, в конце концов? Мне кажется, что большинство слов и образов не имеют никакого значения. Фраза «Нобелевская премия» говорит нам лишь о том, что Шапиров думал ее получить, но мы это и сами знаем. Слово «Хокинг» означает, что это был выдающийся физик и его работы, возможно, имели какое-то отношение к теории минимизации, но какое, никто не знает.

Как ни странно, возразила ему Баранова, а не Конев, как ожидал Моррисон. Конев же, который, по-видимому, еще готовился к ответному удару, решил, что в данном случае будет лучше, если сначала выступит капитан.

Баранова сказала:

— Альберт, мы имеем дело с громадной криптограммой. Шапиров находится в коме, и его мозг не функционирует должным образом. Все происходит совершенно случайно. Но мы должны собрать все, пока не вдаваясь в подробности. И уже потом изучить весь материал в свете теории минимизации. Вполне возможно, мы увидим смысл там, где ты не увидел ничего. И совсем крохотный факт может объяснить всю теорию минимизации. Так что, все,

что мы делаем, имеет для нас большое значение, потому мы должны продолжать.

Ее поддержал Конев:

— Кроме того, Альберт, мы приближаемся к синапсу. Здесь аксон заканчивается множеством тканей, каждая из которых вплотную приближается, но не соединяется с дендритами соседнего нейрона.

— Я знаю, — нетерпеливо сказал Моррисон.

— Здесь нервному импульсу, так же как и скептическим волнам, приходится перескакивать через образовавшуюся пропасть между тканями одного и дендритами второго нейрона. При этом основные мысли ослабляются меньше, чем второстепенные. Другими словами, если мы попробуем перебраться через синапс, мы достигнем такого места, где без всяких помех можно будет услышать самые важные, самые сокровенные мысли.

— В самом деле? — заинтересовался Моррисон.

— Понятие «избирательное ослабление импульсов» незнакомо мне.

— Да, это — результат исследований советских ученых.

— Ах!

Конев тут же завелся:

— Что ты хочешь сказать этим <174>Ах!<175>? Ты не признаешь наших успехов?

— Нет, нет. Что ты...

— Конечно, для вас — если советское, значит, лишено любого смысла.

— Я хотел только сказать, что никогда не слышал и не читал об этом, — защищался Моррисон.

— Работа была проделана мадам Настасьепенской. Я надеюсь, тебе знакомо это имя?

— Да, естественно.

— Но ты никогда не читал ее работ, ты это хочешь сказать?

— Юрий, мне не хватает времени перечитать всю литературу на английском языке, не говоря уж...

— Хорошо, оставим это. Я помогу достать собрание ее работ, чтобы ты смог заняться самообразованием.

— Спасибо. Но тогда, я думаю, все, что мы обнаружили, противоречит данной теории. Ведь если в результате синапса выживает лишь небольшая часть мыслей и если учесть, что в мозге биллионы таких препятствий, то количество выживших мыслей неумолимо приближается к нулевой отметке.

— Не все так просто, — возразил Конев. — Второстепенные волны не уничтожаются. Они продолжают распространяться, но уже с меньшей интенсивностью. Смысл в том, что в непосредственной близости от синапса основные мысли усиливаются.

— Есть доказательства? Или это только предположение?

— Есть доказательство природы. И благодаря нашим экспериментам это доказательство станет более очевидным. Я в этом уверен. Существуют люди, у которых эффект синапса гораздо выше среднего. Ведь почему отдельные личности могут

лучше и быстрее сосредоточиться, чем остальные? И наоборот, почему выдающиеся ученые, как правило, очень рассеянны?

— Хорошо-хорошо. Если мы обнаружим что-то в этом роде, я перестану с тобой спорить.

— А что будет, когда мы доберемся до конца аксона? — подал голос Дежнев. — Ведь поток жидкости, который несет нас за собой, делает там поворот и понесет обратно, но теперь уже вдоль другой стенки аксона. Может, попытаться выйти из клетки через мембрану?

— Нет, конечно, нет, — возразил Конев — Мы разрушим клетку. Нам нужно приобрести электрический заряд ацетилхолина. С его помощью импульс перебирается через синапс.

— Софья, ты можешь придать кораблю характеристики ацетилхолина? — спросила Баранова.

— Могу, конечно, — ответила Калныня. — Но ведь действие ацетилхолина начнется тут же при выходе из клетки.

— И тем не менее, клетка должна попытаться выбросить нас. Давай попробуем.

Путешествие вдоль нескончаемого аксона продолжалось.

64.

...Впереди показался конец аксона. Однако на экране не произошло никаких изменений.

Конев заметил это первым. Он очень внимательно

смотрел по сторонам и наконец увидел то, что искал. Моррисон отдал должное его целеустремленности. Он сам тоже не менее внимательно наблюдал происходящее, но так и не заметил, когда это случилось. Правда, Конев сидел на переднем сиденье, а Моррисону приходилось выглядывать из-за его плеча. Однако это было не оправдание.

Даже при слабом свете прожектора было видно, что впереди появилась дыра. Кроме того, течение изменяло свое направление. Аксон начал разветвляться на отростки, такие же дендриты, как и на другом конце нейрона, где находилось ядро клетки. Там, на самом конце, дендриты были намного тоньше, и их было меньше. Несомненно, часть клеточной жидкости направлялась в дендриты, но корабль несло основным потоком, который уже поворачивал в обратную сторону. Таким образом, у них не оставалось никаких шансов.

Лучшим выходом из создавшейся ситуации было попробовать вклиниться в первый встречный дендрит.

— Давай, Аркадий, давай! — закричал Конев, и тут только все остальные заметили, что они на самом краю аксона. — Включай двигатели, Аркадий, и попробуй прорваться.

До Моррисона доносился сильный звук двигателей. Корабль пытался развернуться. Дендрит, к которому они направлялись, представлял собой трубу, уходящую вдаль. Она была так велика, что из всей

окружности им удалось увидеть лишь небольшой участок дуги.

Вопрос заключался в том, как добраться до трубы, то есть преодолеть небольшой водоворот у края аксона, а также несущиеся сплошным потоком молекулы воды.

Корабль благополучно завершил трудный переход и погрузился в дендрит.

— Можешь выключить двигатели, — возбужденно произнес Моррисон.

— Еще не время, — проворчал Дежнев. — Мы находимся слишком близко к встречному потоку. Нужно пробраться поближе к стенке.

Он умело подвел корабль к стенке дендрита. Теперь они двигались по течению. Когда Дежнев, наконец, заглушил двигатель и смахнул со лба капельки пота, он тяжело проговорил:

— На все, что мы делаем, уходят тонны энергии. Всему приходит конец, Юрий, пойми это.

— Займемся этим чуть позже, — отмахнулся Конев.

— Ой ли? — засомневался Дежнев. — Мой отец всегда говорил: «Позже, как правило, бывает слишком поздно». Наталья, не слушай Юрия. Я не совсем доверяю ему в этом.

— Успокойся, Аркадий. Я найду способ переубедить его, если это понадобится. Юрий, дендрит слишком длинный или не очень?

— Наталья, мы скоро доберемся до конца.

— В таком случае, Софья, проследи за тем, чтобы

мы в любой момент смогли преобразоваться в ацетилхолин.

— Хорошо, только дайте мне сигнал, — ответила Калныня.

— Я думаю, мне не придется этого делать. Юрий завопит изо всех сил, когда он увидит конец. И в этот момент переключайся на ацетилхолин.

Они продолжали скользить вдоль трубчатого остатка нейрона, куда попали несколько минут назад.

Поскольку дендрит продолжал сужаться, Моррисону показалось, что он видит над собой небольшую арку. На самом деле это была иллюзия. Разум подсказывал ему, что даже в самом узком месте диаметр трубы будет составлять несколько километров по отношению к их размерам. Как и предвидела Баранова, Конев издал жуткий вопль, возможно, сам того не осознавая.

— Впереди конец. Скорей! Нужно принять ацетилхолин, прежде чем нас понесет обратно!

Пальцы Калныни застучали по клавишам. Не появилось никаких дополнительных признаков того, что корабль-молекула изменил свою структуру. Но где-то наверху уже появились ацетилхолины — рецепторы, возможно, даже сотни рецепторов. Заряды сцепились друг с другом, положительный с отрицательным, отрицательный с положительным. Их выбросило из потока внутриклеточной жидкости через стенку дендрита. Несколько минут после этого они неслись между дендритами нейрона, который они

только что покинули, и дендритом другого соседнего нейрона.

Моррисон почти ничего не видел. Ему казалось, что корабль скользил вдоль сложной белковой молекулы. И тут он заметил какую-то выгнутую поверхность. Нечто похожее он уже видел, когда корабль входил в первый нейрон.

Конев отстегнулся от кресла и встал. (Он был слишком возбужден, чтобы оставаться сидеть).

Почти заикаясь, он произнес:

— Согласно гипотезе Настасьпенской, фильтрация важных мыслей лучше всего осуществляется сразу после преодоления синапса. Когда мы приблизимся снова к клетке, дифференциация исчезнет. А поскольку мы сейчас очень близки к соседнему дендриту, то откройте свои уши. Будьте готовы ко всему. Повторяйте вслух все, что услышите. Описывайте все образы. Я все это записываю на пленку. Ты тоже, Аркадий. И ты, Альберт. Все. Начали!

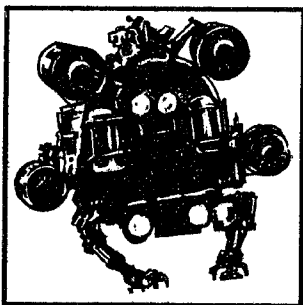
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ОДНИ!

«На миру и смерть красна».

Дежнев Старший

65.

Моррисон отрешенно наблюдал за всем происходящим. Он не собирался ни в чем принимать активное участие. Если что-то придет в голову, он обязательно расскажет все. Иначе же не позволит совесть.

Слева от него сидела Калныня. Она была мрачнее тучи. Моррисон наклонился к ней и спросил:

— Вы снова превратили нас в L-глюкозу?
Она кивнула.

Моррисон снова спросил:

— Вы в курсе гипотезы Настасьпинской?

— Это не моя сфера деятельности. Я никогда не слышала о ней, — ответила Калныня.

— Вы в это верите?

Она не дала поймать себя в ловушку:

— Я не знаю, о чем речь. Как же я могу верить или не верить? Но он верит. Потому что он хочет в это верить.

— Вы что-нибудь чувствуете?

— Ничего особенного.

Дежнев, как всегда, молчал. Баранова время от времени бормотала какие-то слова, но все это казалось Моррисону неубедительным. В отличие от всех, Конев казался полным энтузиазма. Однажды он крикнул:

— Кто-нибудь слышал? Кто-нибудь? «Циркулярный ритм», «циркулярный ритм»?

Никто не ответил, и немного погодя Моррисон спросил:

— А что это значит, Юрий?

Конев помолчал. Вскоре он тоже успокоился и молча наблюдал за ходом корабля.

— Ну, Юрий? — поинтересовалась Баранова.

Конев хрипло произнес:

— Я не понимаю.

— Юрий, сынок, — сказал Дежнев, — может, нам попался плохой нейрон, и он совсем не хочет думать? А если нам попробовать другой, а потом еще и еще?

Конев зло посмотрел в его сторону:

— Мы работаем не с отдельными клетками, а с группой клеток, с миллионами клеток, которые, согласно теории Альберта, являются центром мыш-

ления. Что думает одна клетка, то же самое думают и все остальные клетки, с небольшими изменениями.

— А я уже все показал, во что верю, — отреагировал Моррисон.

— Тогда мы не будем плавать от одной клетки к другой? — не унимался Дежнев.

— В этом нет смысла, — ответил Моррисон.

— Прекрасно, — согласился Дежнев. — Ведь у нас нет ни времени, ни энергии. А что же мы будем делать теперь?

Повисшую тишину нарушил голос Конева:

— Я не понимаю. Настасьпенская не может ошибаться.

Тут не выдержала Калныня, она отстегнула ремень и встала. Затем она произнесла:

— Я хочу кое-что сказать, но не хочу, чтобы меня перебивали. Наталья, послушай. Мы зашли слишком далеко. Может, нам и следовало провести этот эксперимент, но мое мнение — он провалился. Я всегда была в этом уверена. — Она резко махнула рукой в сторону Конева. — Но некоторые люди хотят переделать Вселенную на свой лад. Если что-то не получается, они пытаются применить силу. Но здесь они немного просчитались. Дело в том, что Вселенная не поддается ничьей воле. Я не знаю, права Настасьпенская или нет. Я не знаю, истинны ли теории Альберта или нет. Но я знаю точно, и это известно каждому нейрочученному: мозг, с которым ты собираешься работать, должен быть абсолютно нормальным. Мозг академика Шапирова таковым не

является. Двадцать процентов его вообще не функционирует. Остальная часть воспринимает действительность искаженно. Это результат того, что человек вот уже несколько недель находится в состоянии комы.

Любому разумному существу станет ясно, что Шапиров не в состоянии мыслить нормальным образом. Его можно сравнить с фабрикой, где демонтировано все оборудование. Он внезапно вспыхивает, производит раздраженные мысли, высвечивает разбитые осколки памяти. А некоторые, — она снова показала рукой, — не хотят этого признавать, потому что им кажется, что стоит только погромче приказать и очевидное уступит место невозможному.

Конев тоже отстегнул ремень и тоже встал. Он медленно повернулся и посмотрел на Калныню. (Моррисон был поражен: Конев действительно посмотрел на Калныню. Но на его лице не было и следа ненависти или презрения. Напротив, он был подавлен. Он чувствовал себя виноватым. Моррисон был уверен в этом).

Когда он отвернулся от Калныни и посмотрел на Баранову, голос его снова стал твердым:

— Наталья, ты знала об этом до того, как мы начали эксперимент?

— Если ты имеешь в виду, говорила ли мне Софья об этом раньше? Нет, не говорила.

— Тогда почему нас будоражат члены экипажа, которые не верят в наш общий успех? Почему такой человек согласился на этот эксперимент?

— Потому что я — ученый, — парировала Калныня, также обращаясь к Барановой. — Потому что я хотела исследовать эффект, получаемый от воздействия искусственных электрических структур на биохимические элементы. Я это сделала, и для меня эксперимент прошел удачно. Также и для Аркадия, поскольку управление кораблем прошло все испытания. И для Альберта, поскольку он получил лишние доказательства правоты своей теории. И для тебя, Наталья, так как ты сумела провести нас сюда, и, надеюсь, мы также благополучно вернемся обратно. И только для одного человека, — она указала на Конева, — наш эксперимент стал полным провалом. Я думаю, что лишь когда он сам в этом признается, только тогда к нему придет душевное спокойствие.

«Она снова мстит ему», — отметил по себе Моррисон.

Конев мужественно вынес мощную атаку Калныни. Он оставался удивительно спокойным, но при этом снова обратился к Барановой:

— Это не так. Это обратная сторона правды. С самого начала было ясно, что нам не следует надеяться на то, что процесс мышления Шапирова останется прежним. Скорее всего, можно было ожидать, что мы получим разрозненные куски информации, как имеющие смысл, так и тривиальные. И мы этого добились. Единственное, что нам не удалось, так это получить более высокий процент информации сразу после синапса. Это усложняет нашу задачу, но не перечеркивает ее. Мы получили свыше сотни фраз

и образов. Не забывайте фразу «*умножить на с равно t* деленное на *s*». Она может оказаться очень существенной. Мы не должны воспринимать ее как тривиальную мысль.

— А не может случиться так, Юрий, — обратилась к нему Баранова, — что Шапиров просто так пытался вспомнить и вспомнил часть какой-то математической формулы?

— Я уже думал об этом. Но почему она запала ему в мозг? Все нужно поверить. А сколько полезного мы могли бы узнать, попадись нам хоть одна фраза-подсказка! Тогда все сразу бы стало на свои места. У нас нет абсолютно никаких причин называть данный эксперимент неудавшимся.

Баранова слегка кивнула:

— Будем надеяться, ты прав, Юрий. Но, как уже спросил Аркадий, что нам делать теперь?

Очень убедительно Конев произнес:

— У нас осталась единовременная возможность. Мы уже пытались улавливать мысли за пределами нейрона, в самом нейроне, внутри аксона, внутри дендритов, в синапсисе. Но в каждом случае это было проделано внутри корабля, изолированно от окружающей его клетки.

— Значит, — сказала Баранова, — ты предлагаешь предпринять попытку провести данные испытания за пределами корабля, то есть в самой клеточной жидкости? Имей в виду, все равно человек будет находиться в пластиковом костюме.

— Пластиковый костюм не такой толстый, как

стены корабля. Кроме того, компьютер все равно будет иметь прямой контакт с жидкостью.

Моррисон почувствовал нарастающее беспокойство:

— И кого ты предлагаешь для выполнения данной работы?

Конев невозмутимо глянул в его сторону:

— Есть единственная возможность, Альберт. Ведь компьютер изготовлен тобою и приспособлен к твоему типу мозга. Ты из нас самый чувствительный к мыслям Шапирова. Было бы просто глупо посылать кого-нибудь другого. Я имею в виду только тебя.

66.

У Моррисона перехватило дыхание. Только не это! Никто не вправе заставить его повторить выход. Он пытался это сказать, но язык и губы, казалось, мгновенно стали абсолютно сухими, и у него ничего не получалось. Послышался лишь какой-то гортанный свист. В голове пронеслась мысль: он все равно остался трусом. А ведь он только-только отделался от страха и стал спокойно, даже с удовольствием, путешествовать на корабле внутри человеческого мозга.

— Только не это! — наконец, он смог закричать, но оказалось, это был не его голос. Кричала Калныня. Она повернулась лицом к Барановой, так сильно вцепившись руками в кресло, что побелели суставы пальцев.

— Только не это, Наталья! — она снова крикнула. Ей не хватало воздуха. — Это трусливое предложение. Бедный Альберт уже был там однажды. Он едва не погиб. И если бы не он, мы скорее всего уже потерялись бы в каком-нибудь капилляре и никогда бы не достигли этой клетки. Почему он должен пережить это снова? Теперь очередь других. И поскольку он хочет этого, — всем было понятно, о ком шла речь, — пусть сам это и делает. Он не должен просить других.

Моррисона, несмотря на страх, очень заинтересовало, с чем были связаны эмоции Калныни: с ее растущей симпатией к нему или желанием сопротивляться всему, что шло от Конева? И где-то в глубине души он понимал, что причина была не в Коневе.

Пока Софья говорила, лицо Конева заливалось краской. Он вынужден был сказать:

— Это не трусость. Я просто предлагаю. Если я выйду наружу, что, кстати, хочу сделать сам, я выйду с прибором Альберта, который совсем не настроен на работу со мной. Мы не можем делать выбор, полагаясь на чей-то каприз. Это должен быть человек, который добьется лучших результатов, и, я думаю, альтернативы у нас нет.

— Это правда, — согласился Моррисон, снова обретя голос. — Но не стоит думать, что процесс приема волн снаружи будет намного эффективнее, чем изнутри.

— Но не стоит предполагать и обратное, — возразил Конев. — И, как говорит Дежнев, с каждой

минутой наши запасы топлива уменьшаются, а следовательно, у нас практически не остается времени, поэтому не будем медлить. Вам придется покинуть корабль, как вы это уже однажды делали.

Моррисон ответил тихим, но уверенным голосом, надеясь, что то будет последняя фраза:

— Я очень сожалею, но я не выйду.

Но Баранова тоже сделала выбор. Она мягко сказала:

— Боюсь, Альберт, вам придется это сделать.

— Нет.

— Юрий прав. Только вы и ваш прибор можете получить нужную нам всем информацию.

— Я уверен, там не будет никакой информации.

Баранова подняла обе руки:

— Может, и нет, но мы не можем полагаться на наши догадки. Давайте попробуем.

— Но...

Баранова не дала ему договорить:

— Альберт, я обещаю вам, если вы сделаете это для нас, о вашем непосредственном участии будет честно заявлено, когда придет время открытых публикаций. Вы станете известны тем, что разработали правильную теорию мышления, создали прибор, с помощью которого возможно дальнейшее развитие данной теории, спасли корабль от гибели в капилляре: отважились выйти в нейрон, а еще раньше в кровяной поток, чтобы зарегистрировать процесс мышления Шапирова.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что если я откажусь, то правду так никто и не узнает?

Баранова вздохнула:

— Вы сами вынуждаете меня играть роль злодея. Да, я хочу сразу расставить все точки над *i*. Мы скроем правду. Это, в конце концов, мое единственное оружие против тебя. Мы не можем силой вытолкать вас из корабля, поскольку в этом нет никакого смысла. Вы ведь должны не просто находиться в клетке, но и ловить мысли бедняги Шапирова. А для этого нужно ваше согласие. И мы щедро отплатим вам за это. Но только за это.

Моррисон оглянулся по сторонам в поисках поддержки. Баранова просто в упор смотрела на него. Конев был очень высокомерен. Дежнев, очевидно, чувствовал себя неловко, не желая занимать ничью сторону. Калныня была единственной его поддержкой.

Он задумчиво посмотрел на нее и затем спросил:

— А вы что думаете, Софья?

Калныня заколебалась, но затем уверенным голосом произнесла:

— Я думаю, вам нельзя рисковать под нажимом. Такая задача должна выполняться абсолютно добровольно, без принуждения.

Дежнев неуверенно пробормотал:

— Мой старик всегда говорил: «Нет большего принуждения, чем собственная совесть, именно она делает жизнь такой горькой».

— Моя совесть в данном случае меня не беспокоит, — ответил Моррисон.

— Будем мы голосовать?

— Это ни к чему, — откликнулась Баранова. — Ведь я капитан корабля. И в данном случае я одна имею право голоса.

— Если я выйду туда, но ничего не услышу, вы мне поверите?

Баранова кивнула:

— Я — да. Ведь вам ни к чему утаивать полученную информацию, если вы хотите, чтобы мы вас хорошенько отблагодарили. Я даже скорей вам поверю, если вы ничего не поймаете, чем если заявите об открытии чего-то очень важного.

— Но я не хочу, чтобы меня одурачили, — возразил Конев. — Если он вернется с чем-то, что покажется важным, я сумею разобраться во всем. А сейчас хватит дискуссий. Идите!

Моррисону ничего не оставалось делать, как с бьющимся сердцем и спазмами в горле, согласиться:

— Хорошо, я иду — но только ненадолго.

67.

Моррисон снял одежду. В первый раз (неужели это было всего лишь пару часов назад?) это показалось ему насильем, а сейчас — установившейся традицией.

Калныня помогла ему забраться в костюм. Несмотря на хороший завтрак, обильное питье, кусок

шоколада, он чувствовал, как у него сосало под ложечкой. Желудок был пуст, и Моррисон был рад этому. Он почувствовал острый приступ тошноты, когда комбинезон все больше и больше закрывал его тело. Он с содроганием отказался от предложенного ему еще одного кусочка шоколада.

Ему подали в руки компьютер, и Баранова громко спросила:

— Вы в состоянии работать на нем?

Сейчас Моррисон хорошо ее слышал. Но как только он попадет за пределы корабля, он не услышит ни единого слова. Он покачал в руках почти невесомый компьютер, осторожно прошелся по клавишам. Затем громко крикнул:

— Думаю, справлюсь.

Довольно неуклюже они привязали к его рукам компьютер прочными пластиковыми веревками.

— Теперь ты его не потеряешь! — прокричала Баранова.

Наружу он вышел через воздушную камеру. Сначала его всосало туда, затем сжало со всех сторон, и вот он уже вне корабля.

— Снова здесь. Только недолго, — так он предупредил всех, но что проку? Как он сможет попасть обратно, если там, в корабле, вдруг откажутся впустить его? Он уже сожалел, что позволил уговорить себя, не нужно было соглашаться, несмотря на все угрозы. Добром для него это не кончится.

Моррисон взял компьютер под левую руку, возможно, потому, что не совсем доверял пластиковым

веревкам, а может, потому, что хотел защитить его от содержимого клетки. Он поискал место на поверхности корабля, где электрический заряд его костюма притягивался к противоположному заряду корпуса корабля.

Он выбрал такое место, чтобы присоединиться к кораблю спиной. Электрическое поле не слишком плотно удерживало его. Но ведь он был размером с атом, и, наверное, поэтому было слишком трудно сосредоточить электрический заряд на такой ничтожной частице, как он.

Или здесь что-то другое? Ведь электрический заряд несли электроны, а они тоже были минимизированы. Он осознал свое абсолютное незнание теории минимизации, и это его очень тревожило.

Движение по внутриклеточной жидкости практически не ощущалось, поскольку все окружающее пространство двигалось параллельно с Моррисоном. И только благодаря тому, что на нем был костюм из тонкого пластика, а также шлем с небольшим прожектором, который выхватывал из темноты отдельные части панорамы, Моррисону удалось кое-что почувствовать и разглядеть. Мимо проносились узловатые шарики молекул воды. Они терлись друг о друга, напоминая маленькие резиновые баллончики. Они слегка задевали его то в одном, то в другом месте, но никак на него не реагировали. Правда, одна случайно прилипла, видно, встретила противоположный электрический заряд на костюме, но тут

же стала медленно отделяться. Можно было подумать, что молекулы жадно тянулись к нему, но никак не могли превратить желаемое в действительное.

Были здесь и гораздо более крупные молекулы. Некоторые размером с корабль, а отдельные даже больше. Моррисон понимал это благодаря отражению света. Он даже не мог охватить их взглядом. Его представление складывалось из отдельных фрагментов, выхваченных его фонариком. И еще — он просто прекрасно знал строение и содержание клетки. То, что он не мог увидеть, он мог представить.

Моррисону даже показалось, что он может представить себе остов клетки. Он состоял из огромных структур, которые не двигались с потоком жидкости, а оставались на месте, придавая клетке более или менее стабильную форму.

А вокруг по-прежнему все было в движении. Моррисон едва успевал разглядеть молекулы, частицы, как они тут же исчезали из вида. И только благодаря этим статичным структурам можно было почувствовать движение внутриклеточной жидкости, которая несла и его, и корабль на огромной скорости.

Эти наблюдения не заняли у Моррисона слишком много времени. Настало время переключить свое внимание на компьютер.

Хотя зачем? Он все равно ничего не уловит. Моррисон был уверен в этом. Но он не мог полагаться на свои предположения, какими бы сильными они ни были. А вдруг он ошибался?

Он ведь ученый. Кроме того, он обещал там, на корабле, да и самому себе, сделать все от него зависящее.

Он неуклюже попытался настроить компьютер на максимальную чувствительность. С большим трудом ему удалось набрать нужную программу. Пока все шло нормально, Моррисон слегка успокоился. Он сконцентрировался на компьютере, чтобы почувствовать происходящий в мозгу процесс мышления.

Прибор работал без срывов. Молекулы воды также спокойно проплывали мимо него. На экране появился график скептических волн. Моррисон еще никогда не видел такой четкости и ясности изображения. Но кроме этого, он больше ничего не слышал и не видел. Единственное, что он вдруг явно почувствовал, так это было ощущение печали.

Стоп! Откуда к нему вдруг пришло это чувство? Возможно, это было его субъективное ощущение. А может, это как раз чьи-то эмоции? Исходили ли они от полуживого мозга Шапирова? Моррисон обернулся и посмотрел на корабль. Скорее всего, того, что он уловил, было достаточно. Он зарегистрировал обычное ощущение печали. И теперь нужно было возвращаться на корабль. Но захотят ли они впустить его? А если впустят и он расскажет о том, что ничего не получил, то Конев рассвирепеет и упрекнет его в том, что он пробыл здесь всего лишь пару минут, а этого недостаточно... Не потребует ли он от Моррисона опять выйти непосредственно в клетку?

А если подождать еще чуть-чуть? В конце концов,

он мог еще немного побыть здесь. На этом этапе минимизации (хотя, может, и еще по какой-нибудь другой причине) он не чувствовал изменения температуры. Но даже если он останется здесь еще на две-три минуты и даже на час, Конев все равно будет недоволен и скажет: «Мало».

Моррисон мог различить всматривающегося в темноту Конева, его недовольный и сердитый взгляд. Позади него находилась Калныня. Она отстегнула ремень и пересела в кресло Моррисона. С тревогой она смотрела наружу. Моррисон перехватил ее взгляд, и Калныня попыталась ему что-то просигнализировать рукой. Но Баранова в этот момент наклонилась и закрыла собой Софью. Калныня перешла на свое место. «Ей нужно было это сделать, — подумал Моррисон, — поскольку она должна была следить за электрическими зарядами структур корабля и за его зарядом. И в такой момент, как бы она не переживала, она не могла бросить свою работу».

Для полноты ощущений Моррисон попытался поймать взгляд Дежнева, но под таким углом это ему не удалось. Вместо этого он увидел Конева, который вопросительно жестикулировал.

Моррисон с раздражением отвернулся, не предприняв никакой попытки передать информацию. Он вдруг заметил нечто, совершенно громадных размеров, стремительно приближающееся к нему. Он не мог различить деталей, но непроизвольно содрогнулся при мысли, что ему придется проплыть мимо такого чудовища.

Оно двигалось прямо на него с сокрушительной силой, и Моррисон что было силы вжался в корпус корабля. Кораблю едва удалось избежать столкновения. Но Моррисон вдруг почувствовал, что его с силой оторвало от корпуса и притянуло к огромной молекуле. У него мелькнула мысль, что Калныня придала его костюму электрический заряд, который, волей случая, абсолютно совпал с зарядом этой молекулы. При нормальных обстоятельствах это не имело бы никакого значения. Корабль и неизвестная структура пронеслись бы мимо друг друга на такой огромной скорости, что и речи не могло быть о возникновении притяжения. Но сейчас он сам был крохотным объектом, практически не имевшим ни массы, ни сопротивления. В какой-то момент Моррисон почувствовал: его как будто растягивают в разные стороны. Это корабль и молекула никак не могли поделить его между собой. Потом корабль немного вздрогнул и поплыл вдаль по течению. Он уносился так быстро, что вскоре Моррисон потерял его из виду.

Он остался абсолютно один. Все случилось молниеносно, и он не сразу понял, что произошло. Теперь он был совершенно беспомощен. Один, раз-мером с атом, в огромной клетке мозга. Единственная ниточка, которая связывала его с жизнью и реальностью — корабль, — оборвалась.

68.

Прошло несколько минут.

Моррисон никак не мог понять, где он и что с ним случилось. Единственным чувством, охватившим его с ног до головы, была паника. Страх на грани смерти.

Когда Моррисон понял, что еще жив, он пожалел об этом. Смерть могла прийти в любой момент. И ему приходилось ждать.

На сколько ему хватит кислорода? Как скоро наступит критический уровень температуры и влажности? Хотя пока он не чувствовал никаких изменений. Погаснет его фонарик до того, как он умрет? Тогда ему придется умирать в темноте и совершенно одному. Он сходил с ума. В голову лезли мысли: как я узнаю, что я уже умер, если вокруг так темно сейчас, и так же темно будет после смерти? Он вспомнил молитву Аякса, в которой тот просил Зевса ниспослать ему смерть днем. Если придется умирать, то лучше это делать при дневном свете. «А еще лучше, — подумал Моррисон, — чтобы рядом был кто-нибудь, кто в такой момент держал бы твою руку».

Что же делать? Ждать? В чем была ошибка? О, господи, он был еще жив.!

Но постепенно страх отступил. На его место прокралось любопытство и желание бороться и выжить. Можно ли как-то оторваться от этого чудовища? Моррисону показалось несколько унижительным

умереть в таком положении. Как муха, попавшая в смолу. А расстояние между ним и кораблем с каждой секундой увеличивалось. «И сейчас, — подумал Моррисон, — что бы я ни сделал, все равно я не попаду туда».

Эта мысль привела его в ярость. И он что было сил уперся в стенку и попытался оторваться. Ничего не получалось. Он понял, что зря тратит силы и тем самым повышает температуру внутри костюма.

Он поднял руки вверх и снова ухватился за незнакомую молекулу, но руки тут же отскочили от нее, как однополярные заряды.

Он пошарил слева, справа, внизу. Где-то должен быть противоположный заряд. Тогда бы он смог за него ухватиться и попытаться оторваться от громадины. (Почему стучат зубы? От страха? От отчаяния? Или от того и другого?) Раздался щелчок, и его правая рука прилипла к оболочке. Он с силой вцепился в это место, пытаясь прорваться к атому (если это был атом), электрический заряд которого отличался от основного заряда структуры.

Моррисон почувствовал, как структура сопротивлялась слишком сильному сжатию. А затем эта часть структуры вдруг распалась прямо в его руках. Он с удивлением уставился на свои руки, силясь понять, что же произошло. Не было ни хлопка, ни удара. Кусок структуры просто исчез, испарился.

Моррисон повторял эксперимент, хватаясь руками то здесь, то там, пока еще одна часть не исчезла. Что это? Подожди! Баранова говорила, что поле

минимизации слегка распространяется за пределами корабля. Вполне возможно, что оно также распространяется и вокруг его костюма. Когда он сдавливал в руках часть какого-то атома, то атом попадал в поле минимизации, его размеры тут же уменьшались, и он отскакивал от основной структуры. Итак, все, за что он ухватится — и чем сильнее, тем лучше, — будет минимизироваться.

Каждый атом или часть каких-то структур, которые будут им уменьшены, превратятся в крошечную частицу, с массой меньше массы электрона. Их скорость тут же увеличится до скорости света, и они исчезнут из виду. Разве это возможно? По-видимому, да. Все остальное неважно. С этой мыслью Моррисон стал сильно стучать руками и ногами о захватившую его поверхность и — оторвался от нее.

Все, он свободен! Теперь он — независимое тело, несущееся во внутриклеточной жидкости.

Конечно, корабль оставался недостижимым пределом мечтаний, но теперь он хотя бы шел по его следу. (Глупо! Как глупо! Что толку идти по следу? В соответствии с теперешними размерами, он сейчас был на расстоянии десятков километров от корабля, если не дальше).

Затем Моррисону в голову пришла другая мысль. Чтобы высвободиться, ему пришлось минимизировать несколько атомов. Но ведь такой процесс нуждается в энергии. Пусть в небольшом количестве, поскольку масса атомов невелика, но все равно ее нужно было где-то взять. Откуда же она взялась?

По-видимому, из минимизированного поля костюма. И, таким образом, его поле ослабло. Насколько же оно ослабло пока он боролся? И уж не поэтому ли он совсем не чувствует повышения температуры? А не может случиться так, что процесс минимизации окружающих предметов отбирает не только энергию, но и тепло? Но тут к нему закралась другая мысль, после которой он еще больше отчаялся: если он освободился от огромной молекулы за счет ослабления поля минимизации, тогда он сам должен немного увеличиться в размерах. А если так, то где гарантия, что не начнется неуправляемый обратный процесс?

Баранова ведь как-то упоминала об этой бесконтрольной деминимизации. И чем меньше был объект, тем опаснее становилась степень ее возможности. А он был сейчас ничтожных размеров. Пока он находился в корабле, он был частью общего минимизированного поля и представлял собой часть объекта размером с молекулу. Когда его прицепило к огромной клетке, он являлся частью еще большего объекта. Но сейчас он был один, ничьей частью, кроме себя самого, и имел размеры атома. И сейчас, по всей видимости, мог начаться процесс внезапной деминимизации. Может, не совсем внезапной, так как он пойдет за счет ослабления поля минимизации окружающих его нормальных объектов.

Как он сможет почувствовать, что он увеличивается? Процесс начнется медленно, но с увеличением его собственных размеров возрастет его влияние на

окружающие предметы. А дальше все пойдет быстрее и быстрее, пока не произойдет взрыв. Потом — мгновенная смерть. Что означала для него деминимизация? Если он действительно увеличивался, то тогда через несколько секунд наступит смерть. Это должно случиться очень быстро. Так быстро, что он ничего не почувствует. Он еще дышит. Но каждая секунда может оказаться последней, и он перейдет в небытие.

Разве можно желать лучшей смерти? И зачем минуту назад, будучи на грани шока, он пытался представить себе, что произойдет позже? Разве теперь не все равно? А просто потому, что он живое разумное существо. И как любому разумному существу ему хотелось знать, что будет потом.

Моррисон загляделся на тусклое мерцание вокруг него, на движущиеся молекулы воды, которые кувыркались и прыгали. Казалось, они еле двигались, но это потому, что он двигался вместе с ними.

Если он увеличивался в размерах, то они должны были уменьшаться. И наоборот. Моррисон внимательно пригляделся. Да, они уменьшались. Неужели это смерть? Или всего лишь его больное воображение?

Стоп! Ему вдруг показалось, что молекулы воды наоборот стали увеличиваться. Если так, то теперь он должен уменьшаться. Неужели он дойдет и до размеров податома? Или подэлектрона? Его скорость тогда увеличится до скорости света, и он взорвется

на полпути к Луне, умерев в вакууме, но так и не узнает об этом.

Нет, все-таки молекулы сокращались, а не расширялись.

Моррисон закрыл глаза и глубоко вздохнул. Похоже, он сходит с ума. Или у него начинается разрушение мозга? Тогда лучше умереть! Лучше смерть, чем жизнь с пораженным мозгом. Или это молекулы воды пульсируют? Если да, то почему?

«Думай, Моррисон, думай. Ты ученый. Найди объяснение. Почему они пульсируют?»

Он знал, почему поле может ослабеть из-за минимизации окружающих предметов. А как оно может усилиться? Для этого ему нужно получить энергию. Но откуда?

А что, если от окружающих его молекул? Из-за своих объемов, из-за большей массы они обладали большей теплоэнергией, чем он. Их температура была выше. Соответственно, тепло из окружающего пространства будет поступать в его костюм. И вскоре его температура достигнет температуры крови. И тогда он обязательно погибнет от избытка тепла. Когда он выходил из корабля в первый раз, это едва не произошло. Но сейчас дело было не только в высокой интенсивности теплоэнергии, но и в энергии минимизированного поля. И когда он случайно сталкивается с молекулами воды, то попадающая к нему энергия необязательно тепловая, это энергия активизации процесса минимизации. Поле станет более интенсивным, он начнет уменьшаться.

Это приемлемо для тех случаев, когда минимизированный объект окружен предметами нормальной величины с более высокой температурой. Энергия в виде тепла или в виде интенсивности поля поступает от больших объектов к меньшему, минимизированному. И вероятно, чем меньше этот объект, тем больше он минимизирован, тем сильнее становится его поле. Может быть, корабль тоже пульсирует, но это незаметно из-за его довольно больших размеров. Вот почему не увеличивалась скорость броуновского движения и процесс обогащения кислородом шел без особых усилий. В обоих случаях минимизированное поле играло роль амортизатора.

Но он, Моррисон, находясь один в клетке, был намного меньше, обладал меньшей массой, и для него этот приток энергии переходил в процесс минимизации, а не в тепло.

Кулаки Моррисона беспомощно сжались. Он выронил компьютер, но теперь это его не волновало. Несомненно, все остальные: и Баранова, и, конечно же, Конев знали, что с ними могло случиться, и могли его предупредить. Но они во второй раз послали его на верную гибель, не сказав ни слова.

Но что толку, что теперь он сам все узнал? Какая ему от этого польза?

Тут он резко открыл глаза. Да, снова пульсации. Несомненно. Теперь он это хорошо видел. Молекулы воды расширялись и сокращались в каком-то непонятном, неровном ритме. Они сначала отдавали полю свою энергию, а потом тут же возвращали. Он

на себе чувствовал этот ритм и начал бормотать: «Больше-меньше, больше-меньше, больше-меньше». Наблюдая за расширением предметов, он чувствовал свое собственное уменьшение, и для облегчения этого процесса в него вливалось огромное количество энергии. Температура содержимого клетки была очень высока. Но, с другой стороны, эти элементы так же забирали у него практически всю энергию. А то, что оставалось, накапливалось в нем, и в любую минуту он мог взорваться.

Значит, когда молекулы воды расширялись (а он сам уменьшался), он был в безопасности, но когда молекулы воды начинали сокращаться (а он увеличивался), для него наступал критический момент. Если молекулы воды будут сокращаться до тех пор, пока не исчезнут совсем, то он будет увеличиваться, приближаясь к роковой черте.

«Больше — меньше, меньше — стоп!»

Моррисон перевел дыхание, так как молекулы теперь начали расширяться. И снова ожидание. Потом еще и еще. Надежда на то, что сокращение прекратится.

Казалось, им просто играют, но сейчас ему все было безразлично. Его снова доводили до последней черты и снова возвращали обратно. Сколько это может продолжаться? Если даже миллион раз, все равно для него это не имело значения. Рано или поздно запас кислорода кончится, и тогда он умрет жуткой медленной смертью от удушья.

Лучше все же мгновенная смерть.

69.

Калныня закричала. Она первой поняла, что случилось. От ужаса у нее перехватило дыхание, и она не могла произнести ни слова.

— Он исчез! Исчез! — пронзительно кричала она.

Баранова сразу не поняла и спокойно спросила:

— Кто исчез?

Расширенными от ужаса глазами Калныня посмотрела на Баранову и произнесла:

— Кто исчез? Как ты можешь это спрашивать? Альберт исчез!

Баранова ничего не понимающим взглядом уставилась на то место, где только что находился Моррисон. Сейчас его не было.

— Что случилось?

— Я не знаю, — прохрипел Дежнев. — Мы немного свернули в сторону. Альберт, притянутый к корпусу, вероятно, сместился от центра притяжения. Я пытался избежать столкновения с... Даже не знаю, что это было.

— Устойчивая макромолекулярная органелла, — подсказал Конев, от ужаса закрыв лицо руками, — оторвала его от корпуса. Нам нужно вернуть его. У него, возможно, есть необходимая нам информация.

Баранова поняла случившееся. Резким движением она отстегнула ремень и встала:

— Информация! — жестко сказала она. — И это все, что ты в данный момент чувствуешь? Информация? Ты даешь себе отчет в том, что сейчас может

произойти? Ведь минимизированное поле Альберта теперь изолировано, а он всего лишь размером с атом. В любой момент с ним может начаться процесс деминимизации. Его шансы в этом по меньшей мере в пятьдесят раз превосходят наши. С информацией или без нее, но мы должны вернуть его. Если он начнет деминимизировать, он убьет Шапирова и тем самым он убьет нас.

— Мы зря спорим. У нас разные мотивы, но цель одна — вернуть его на корабль.

— Нам не нужно было его туда посылать, — сказала Калныня. — Я знала, что это ошибка.

— Что сделано, то сделано, — резко ответила Баранова. — Хватит! Аркадий!..

— Я пытаюсь, — откликнулся Дежнев. — Только не мешайте мне своей болтовней и не учите меня.

— Я и не пытаюсь тебя учить, болван. Я приказываю тебе. Поворачивай назад! Назад!

— Ну уж нет, — не согласился Дежнев, — позвольте сказать вам, что это глупо. Ты хочешь, чтобы я повернул на 180 градусов и пошел против течения?

— Но если ты просто повернешь, а затем остановишь корабль, течение само принесет его к нам, — предположила Баранова.

— Он висит, как на крючке. Его не принесет к нам течением, — возразил Дежнев. — В этой ситуации мы должны перебраться на другую сторону дендрита, и встречный поток пусть несет нас обратно.

Баранова прижала руки к груди и произнесла:

— Прости меня, что я назвала тебя болваном, Аркадий, но если мы пойдем назад встречным потоком, мы потеряем его из виду.

— У нас нет выбора, — настаивал Дежнев. — Нам не хватит энергии, чтобы самим пробиваться обратно против течения.

— Аркадий может делать что хочет, — усталым голосом произнес Конев. — Мы не потеряем Альберта.

— Откуда ты знаешь, Юрий?

— Потому что я слышу его. Вернее, чувствую. Вернее, чувствую мысли Шапирова через прибор Альберта.

Повисла тишина. Баранова, сраженная наповал, спросила:

— И что ты слышишь?

— Сигналы идут оттуда, — показал рукой Конев.

— Ты можешь определять направление? Но как?

— Я не знаю. Я просто чувствую — там!

— Аркадий, делай все, что можно, — сказала Баранова.

— Я и так делаю, несмотря на все, что ты говоришь, Наталья. Гы, может быть, и капитан, а я — лоцман. И сейчас мы смотрим в лицо смерти. Что мне терять? Как говорил мой отец: «Если ты висишь над пропастью, не пытайся поймать выпавшую из твоего кармана монету». Конечно, было бы намного лучше, если бы у нас был нормальный механизм управления, а не эта система с тремя смещенными двигателями.

Но Баранова уже не слушала его. Она беспомощно вглядывалась в темноту.

— Ну, что ты сможешь, Юрий? Что говорят тебе мысли Шапирова? — спросила она у Конева.

— В данный момент — ничего. Слышен только шум. И еще — мучение.

— Ты считаешь, что часть мозга Шапирова осознает, что он в коме? — пробормотала Калныня, ни к кому не обращаясь.

— Неужели он чувствует себя пойманным в ловушку и пытается выбраться из нее? В ловушке — как и Альберт, как и мы. Все — в ловушке?

— Мы не в ловушке, Софья, — отчеканила Баранова. — Мы можем двигаться. И мы найдем Альберта. Мы выберемся из тела Шапирова. Ты слышишь меня, Софья? — и она с силой схватила Калныню за плечо.

Калныня вздрогнула:

— Не надо, я слышу.

Затем Баранова повернулась к Коневу:

— Ты что, чувствуешь лишь его мучения?

— Да, и причем очень сильно, — и он с удивлением уставился на Баранову.

— Неужели ты ничего не чувствуешь?

— Абсолютно ничего.

— Но это ведь настолько сильное ощущение. Сильнее, чем все, что я чувствовал, когда Альберт был на корабле. Я был прав, когда предложил ему выйти наружу.

— Но можешь ты разобрать какие-нибудь слова? Мысли?

— Может, мы просто сильно удалены друг от друга. А может, Альберт не настроил как нужно компьютер. А ты действительно ничего не чувствуешь?

Баранова решительно покачала головой и вопросительно взглянула на Калныню. Та тихо сказала:

— Я тоже ничего не чувствую.

— А я вообще ничего не понимаю в этих странных посланиях, — сказал Дежнев.

— Ты уловил слово «Хокинг». А Альберт считает, что существуют разные виды мозга и что у нас с ним они совпадают. Возможно, он прав, — попытался успокоить его Конев.

— Откуда сейчас идут волны? — вновь спросила Баранова.

— Оттуда, — на этот раз Конев махнул в сторону задней части корабля. — Ты поворачиваешь, Аркадий?

— Да, — ответил Дежнев. — Сейчас мы приближаемся к полосе, разделяющей наши два потока. И я хочу лишь слегка войти во встречный поток, чтобы мы двигались с небольшой скоростью.

— Хорошо, — одобрила Баранова.

— Не хотелось бы потерять его. Юрий, а какова интенсивность волн? Она усиливается?

— Да, — Конев, казалось, был удивлен, как будто он до сих пор не заметил этого.

— Это возможно?

— Не знаю, — ответил Конев, — ведь мы еще ни на сантиметр не приблизились к нему. Мы только разворачиваемся. Такое ощущение, что он сам приближается к нам.

— Может, его каким-то образом оторвало от той громадины или он сам от нее избавился. В таком случае поток принесет его к нам, а нам останется лишь развернуться и оставаться на одном месте.

— Возможно.

— Юрий, — взволнованно обратилась к нему Баранова, — попытайся сконцентрироваться на сигналах. И все время держи Аркадия в курсе всех изменений, постоянно указывай ему направление. А ты, Аркадий, как только приблизимся к Альберту, сразу выворачивай на встречный поток и как можно ближе подходи к Альберту. Когда мы будем двигаться параллельно с ним, нам будет легче сблизиться.

— Легче, если сам не управляешь кораблем, — проворчал Дежнев.

— Легче или труднее, — ответила Баранова, и ее густые брови собрались у переносицы, — это нужно сделать. А если нет, то... Ни в коем случае. Только не «нет».

Дежнев открыл было рот, но потом передумал. На корабле снова наступила тишина. Тишина для всех, кроме Конева. Он слушал шум пронесившегося мимо потока мыслей.

Он стоял лицом в ту сторону, откуда до него доносились сигналы. Один раз он пробормотал: «Начинаю слышать».

Затем, несколько секунд спустя: «Мне кажется, я уже могу различить слова. Если он подберется еще ближе...»

Он напрягся, как будто хотел силой загнать чужие мысли себе в голову. Его пальцы неподвижно указывали в одну сторону и, наконец, он произнес:

— Аркадий, начинай поворачивать и приготовься войти во встречный поток. — Быстро. Нельзя, чтобы он проскочил мимо нас.

— Как получится, выдержат ли двигатели, — ответил Дежнев. Затем добавил негромко:

— Если бы я мог управлять кораблем с помощью магии, которая помогает вам слышать посторонние голоса.

— Прямо, к мембране, — проигнорировал замечание Конев.

Калныня первой заметила свет прожектора Альберта:

— Вот он! — закричала она. — Это луч света с его шлема!

— Можно даже и не смотреть, — сказал Конев, обращаясь к Барановой. — Я слышу шум, как при извержении вулкана на Камчатке.

— Шум, Юрий? Без слов?

— Только страх, безотчетный страх.

На что Баранова заметила:

— Еще бы, попади я в ловушку, да еще в теле, находящемся в коме, я бы себя чувствовала именно так. Но как он это узнал? Ведь раньше мы получали спокойные мысли и образы и даже различали слова.

Дежнев, задыхаясь от работы и от волнения, произнес:

— А может, мы как-нибудь навредим ему своим кораблем. Может, мы привели его мозг в возбужденное состояние?

— Не знаю. Мы слишком малы для этого, — скептически ответил Конев. — Мы даже не в состоянии что-либо сделать этой клетке.

— Мы приближаемся к Альберту, — предупредил Дежнев.

— Софья, — обратилась Баранова к Калныне, — ты можешь определить его электрический заряд?

— Едва ли, Наталья.

— Попробуй сделать все возможное, чтобы мы смогли притянуть его.

— Он немного увеличился в размерах, Наталья.

— Кроме того, он выдает колебания, — мрачно заметила Баранова. — Если мы притянем его к кораблю, он станет частью нашего общего минимизированного поля, и его размер изменится в соответствии с нашим. Быстрее, Софья.

Послышался глухой удар о корпус корабля. Моррисон был притянут электрическим полем.

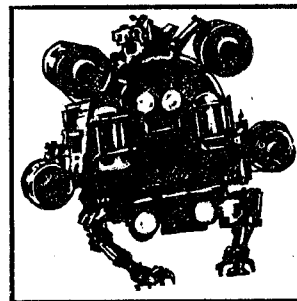
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

СМЕРТЬ

*«Когда солнце заходит, становится темно.
Не позволяй этому застать тебя врасплох».*

Дежнев Старший

70.

Моррисон ничего не мог вспомнить из того, что случилось: ни до, ни после того, как он попал на корабль. Как он ни старался, но он не вспомнил, видел ли он корабль, не вспомнил момент преобразования его электрического заряда и то, как с него стягивали комбинезон.

Последнее, что он помнил, — это отчаяние и одиночество, ожидание взрыва и смерти. И сразу же — напряженное лицо Калныни, с тревогой склонив-

шееся над ним. Между этими двумя эпизодами был абсолютный провал.

Разве такого уже не было? Два инцидента. И в каждом — заботливое лицо Калныни. Между этими происшествиями — всего лишь несколько часов. Но, казалось, все слилось воедино. Моррисон напрягся и прохрипел:

— Мы движемся в правильном направлении? — он спросил это по-английски.

Калныня, немного помолчав, медленно и тоже по-английски ответила:

— Да, Альберт, но это было важно, когда мы были в капилляре. После этого вы вернулись на корабль, а затем во второй раз вышли, но уже в нервную клетку. Сейчас мы в нейроне. Вы вспомнили?

Моррисон нахмурился. Что все это значило?

Однако постепенно, небольшими частями, память к нему возвратилась. Он закрыл глаза и постарался еще раз все вспомнить. Затем он спросил уже по-русски:

— Как вы нашли меня?

Ему ответил Конев:

— Я чувствовал, и довольно остро, волны мыслей Шапирова, когда они проходили через твой прибор.

— Мой компьютер! Он цел?

— Он был привязан к вам. А вы слышали какие-то важные мысли?

— Мысли? — Моррисон тупо уставился на него.

— Какие важные мысли? О чем ты говоришь?

Коневу не терпелось, но он изо всех сил сдерживал себя. Поджав губы, он сказал:

— Когда вы были снаружи, я мог различать волны мышления Шапирова, которые проходили через ваш прибор. Но не было никаких конкретных слов и образов.

— А что же вы тогда чувствовали?

— Мучение.

В разговор вступила Баранова:

— Никто из нас, кроме Юрия, ничего этого не чувствовал. Но потому, как он это описал, оно напоминало муки мозга, понимавшего, что он в коматозной ловушке. А слышали вы что-нибудь конкретное?

— Нет, — Моррисон осмотрел себя с ног до головы. Он лежал на двух креслах, его голову держала Калныня. Моррисон попросил воды.

Он жадно выпил, а затем сказал:

— Я не помню, чтобы что-то видел, или слышал, или чувствовал. В моем положении...

Конев резко оборвал его:

— А какое отношение к этому имело ваше положение? Ваш компьютер передавал информацию. Я чувствовал это даже на большом расстоянии. А вы находились рядом. Как же вы могли ничего не чувствовать?

— Вы знаете, у меня хватало проблем, помимо этого. Я потерялся, Юрий, и был уверен в том, что погибну. Поэтому я просто не обращал никакого внимания на все остальное.

— Я не могу в это поверить, Альберт. Не лги мне.

— Я не лгу. Мадам Баранова, — очень официально обратился он к Наталье, — я требую вежливого отношения к себе.

— Юрий, — резко произнесла Баранова.

— Не нужно никого обвинять. Если у тебя есть вопросы — спрашивай, но не более того.

— Хорошо, я попытаюсь «по-другому», — продолжал Конев. — Я чувствовал огромный поток эмоций, хотя я находился на большом расстоянии от прибора, если исходить из наших размеров. Вы же, Альберт, были совсем рядом с компьютером. Кроме того, он был настроен на ваш тип мозга, не на мой. Может быть, ваш и мой мозг принадлежат к одной категории, но они не идентичны. И вы должны были чувствовать все гораздо острее, чем я. Но как тогда получилось, что я улавливал сплошные эмоции, а вы, находясь рядом с машиной, ничего не слышали?

Моррисон с усилием ответил:

— Неужели ты думаешь, что у меня было желание и время слушать? Меня унесло с корабля. Я был один, один — пойми же ты!

— Я понимаю, но вам не требовалось никаких усилий, чтобы это делать. Мысли должны были сами заползть к вам в голову, несмотря ни на что.

— Все равно, я ничего не чувствовал. Я знал лишь одно: я один и скоро умру. Как ты не поймешь этого? Я думал, что поднимется температура, и все кончится. Все было, как в первый раз...

Тут он засомневался и спросил Калныню:

— Ведь я два раза был там?

— Да, Альберт, — нежно ответила она.

— Но потом я понял, что моя температура не повышается. Вместо этого я стал пульсировать: становился то меньше, то больше. Я был вовлечен в какой-то процесс передачи минимизации, вместо ожидаемой передачи тепловой энергии. Это возможно, Наталья?

Баранова немного подумала:

— Это, естественно, произошло из-за выравнивания поля минимизации. Этого еще никто не исследовал. Но будучи там, вы нашли подтверждение этой теории.

— Мне казалось, что все вокруг меня изменяло время от времени свои размеры. Молекулы воды то сокращались, то расширялись. И мне показалось логичным, что я тоже колебался.

— Вы были правы. И все, что вы испытали, — бесценно. Вы не зря столько вытерпели.

Конев возмутился:

— Альберт, вы только что убедили нас, что за пределами корабля вы сохранили способность слышать, видеть, чувствовать. Так почему вы считаете, что мы поверили в вашу бесчувственность?

Моррисон повысил голос:

— Вы что, в самом деле маньяк? И считаете, что в такие минуты я мог рационально и логично мыслить? Это был абсолютный страх. С каждым сокращением молекулы я приближался к смерти. Ведь если бы сокращение длилось бесконечно, я бы так

же бесконечно расширялся. И в конце концов наступил бы процесс неуправляемой деминимизации. А затем — взрыв и смерть. Мне было абсолютно наплевать на все волны в тот момент. А если какие-то даже и вошли мне в голову, то я просто проигнорировал их. Честное слово.

Лицо Конева исказила гримаса презрения:

— Если бы мне необходимо было выполнить очень важную работу и если бы в тот момент на меня были бы нацелены десятки орудий, даже в последние секунды я бы нашел в себе силы сосредоточиться на главной задаче.

— Как говаривал мой отец: «Каждый может смело охотиться на медведя, особенно когда его нет», — сказал Дежнев.

Конев в бешенстве повернулся к нему:

— Я сыт по горло прибаутками твоего отца, ты, горький пьяница.

— Повторишь мне это еще раз, когда мы благополучно вернемся в Грот. Но имей в виду, тогда ты будешь охотиться на медведя, который будет рядом с тобой, — ответил Дежнев.

— Больше ни слова, Юрий. Ты что, собираешься переругаться со всеми? — поинтересовалась Баранова.

— Наталья, я собираюсь делать свою работу. Альберт должен снова выйти наружу.

— Нет, — в ужасе сказал Моррисон. — Никогда!

Дежнев, чей взгляд был далеко не доброжелательным, съязвил:

— И это мы слышим от Героя Советского Союза! Он должен делать свою работу. И для этого Альберт должен снова покинуть корабль?!

Баранова согласилась с Дежневым:

— Он прав, Юрий. Ты только хвалился, что даже сотни орудий не помешают тебе выполнить свой долг. Теперь твоя очередь. Альберт был уже там дважды.

Конев не соглашался:

— Но это его компьютер. Он ориентирован на его мозг.

— Я понимаю, — ответила Баранова, — но ведь ты сам говорил, что у тебя тот же самый тип мозга. Ты, по крайней мере, чувствуешь то же, что и он. Ты же принимал скептические волны, когда Альберт потерялся и был от нас на значительном расстоянии? А теперь, если ты сам выйдешь и прихватишь с собой компьютер, то вполне сможешь получить интересующие тебя данные, что будет для нас гораздо важнее. Что толку от ощущений Альберта, если ты не веришь ни единому слову.

Все смотрели на Конева. Даже Калныня отважилась взглянуть на него.

Моррисон кашлянул и произнес:

— Боюсь, что я немного обмочил костюм. Чуть-чуть... Но это все из-за страха.

Знаю, — ответила Баранова. — Я и вычистила и высушила его. Это не должно остановить Юрия. Немного мочи в комбинезоне, конечно, не нарушит

его планов, чтобы самоотверженно исполнить свой долг.

— Мне не нравится ваш сарказм в мой адрес, но я выйду в клетку, — парировал Конев. — Неужели вы и в самом деле думаете, что боюсь этого? Единственное, в чем я уверен, так это в том, что Альберт больше настроен на прием информации. Но если он не выйдет еще раз, то это сделаю я.

В надежде... — он сделал паузу, а Дежнев добавил:

— В надежде, что там нет медведя.

С горечью в голосе Конев ответил:

— Нет, старина, в надежде на то, что я буду крепко прикреплен к кораблю. Потеря Альберта стала возможной из-за слабого притяжения, то есть один из членов экипажа сработал не должным образом. Я бы не хотел, чтобы так поступили и со мной.

Калныня проговорила, ни к кому не обращаясь:

— Просто Альберт встретился со структурой, заряд которой он идеально дополнял. Шанс того, что это вообще могло произойти, был чрезвычайно низок. Но если это и так, в следующий раз я попытаюсь использовать все варианты зарядности корабля, чтобы избежать подобных неприятностей.

Конев согласно кивнул.

— Я принимаю это, — сказал он, обращаясь к Барановой. А затем Моррисону: — Ты говорил, что отсутствует передача теплоэнергии?

— По крайней мере, если передача и есть, то очень незначительна. Только в изменении размеров.

— Тогда я не буду снимать эту одежду.

— Пойми, Юрий, ты пробудешь там недолго. Мы не можем постоянно рисковать, — сказала ему Баранова.

— Понимаю, — ответил Конев.

С помощью Моррисона он забрался в гидрокостюм.

71.

Моррисон посмотрел сквозь корпус корабля и увидел Конева. Дважды все было наоборот. Он был там и смотрел внутрь. (А еще было время, когда ему некуда было смотреть).

Моррисона слегка раздражало, что Конев был так спокоен. Он даже не повернулся и не посмотрел в корабль. В руках он крепко держал компьютер, следуя поспешным инструкциям Моррисона об элементарных приемах настройки. Казалось, он с головой ушел в работу. Неужели он и в самом деле был до безрассудства храбр? Неужели у него хватило бы силы воли сконцентрироваться на работе, если бы его унесло, как унесло Моррисона? Возможно, Моррисону стало стыдно за себя.

Он украдкой посмотрел на остальных членов экипажа. Дежнев оставался за пультом управления. Ему пришлось поставить корабль прямо у самой мембраны. Он предложил развернуться и стать на линии, разделяющей оба потока. В этом месте практически не было никакого течения, и им не пришлось бы еще раз так рисковать. Однако Конев тут же отверг

его предложение. Он хотел побывать там, где проходила основная масса скептических волн. А для этого нужно было двигаться вдоль самой мембраны.

Дежнев предложил еще повернуть корабль вверх дном. Здесь, в клетке, точно так же как и в космосе, это не имело значения. Если стать вверх дном, камера подачи воздуха, к которой был прикреплен Конев, выходила не на мембрану, а на противоположную сторону. Опять же с целью предотвращения столкновения с цитоскелетными структурами.

И это очень рассердило Конева. Он сказал, что такие структуры встречаются повсюду и в любом случае, ему не хотелось бы, чтобы его и мембрану разделял корпус корабля. Таким образом, он был там, снаружи, и пока все проходило нормально. Дежнев занимался приборами управления, потихоньку что-то насвистывая.

Баранова следила за своими приборами, время от времени задумчиво поглядывая на Конева. Калныня была явно чем-то обеспокоена. Она уже в сотый раз поглядывала на Конева.

Внезапно Баранова спросила:

— Альберт, это ваш прибор. Как вы думаете, сможет Юрий на нем работать? Слышит он сейчас хоть что-нибудь?

Моррисон улыбнулся:

— В меру возможностей я настроил компьютер на него. Ему ничего не нужно делать. Только, по необходимости, регулировать фокус. Но, Наталья, я знаю, он ничего не слышит и не чувствует.

— Почему?

— Если бы он что-то слышал, я бы тоже это услышал или почувствовал. А если точнее, как и он чувствовал меня, когда я был один в потоке жидкости. Я же сейчас не чувствую ничего. Абсолютно.

Баранова выглядела потрясенной.

— Но как же так? Если он получал какие-то ощущения, когда вы были там, то почему он ничего не чувствует, когда у него в руках ваш прибор?

— Возможно, изменились условия. Не забывайте о состоянии агонии, которое ощутил Конев в процессе приема мыслей Шапирова. Ведь это было совершенно неожиданно. До того момента все проходило мирно, спокойно.

— Да, почти идиллия. Зеленые поля. Математические уравнения...

— Могло случиться так, что живая часть мозга Шапирова, если она еще способна к мышлению, вдруг, наконец, осознала то коматозное состояние, в котором находился организм. И случилось это как раз в течение этого часа...

— Но почему это должно было случиться именно в течение последнего часа? Очень странно. Именно тогда, когда мы находимся в мозге.

— Может, мы стимулировали этот процесс своим активным вторжением и это привело к осознанию сложившейся ситуации? А может, просто совпадение? Самая невероятная вещь в отношении совпадений — это то, что они иногда случаются. А теперь

на смену агонии и боли пришло состояние абсолютной апатии.

Баранова была в нерешительности:

— Я не могу в это поверить. Неужели Юрий действительно ничего не чувствует?

— Но, может, тогда вернуть его?

— Если бы я был на твоём месте, я бы так и сделал. Он там уже десять минут. Этого достаточно.

— А вдруг он что-то улавливает?

— Тогда он откажется вернуться. Ты же знаешь Конева.

— Постучите по обшивке, Альберт. Вы ближе, — сказала Баранова.

Моррисон выполнил её просьбу, и Конев повернулся к ним. Пластиковый шлем искажал черты его лица, но ясно были видны хмуро сдвинутые брови. Баранова жестом показала ему возвращаться. Немного поколебавшись, Конев кивнул головой. Моррисон сказал Барановой:

— Вот доказательство.

Коневу помогли войти в корабль, и все увидели, как горит его лицо. Он отстегнул шлем и сделал глубокий вдох:

— Ух, как хорошо! Там становится все жарче, а вибрация все меньше, чем я ожидал. Помогите мне снять костюм.

— Так ты только поэтому согласился вернуться? Из-за жары? — с надеждой в голосе спросила Баранова.

— Конечно.

— Юрий, ты что-нибудь чувствовал?

Конев нахмурился:

— Нет, ничего. Совершенно ничего.

Моррисон опустил голову, на его правой щеке резко дернулся мускул, но он не улыбнулся.

72.

— Ну что же, Наташа, наш юный капитан, — с улыбкой сказал Дежнев, — что дальше? Есть идеи?

Ему никто не ответил. Казалось, его не услышали. Конев вытирал пот с лица и шеи. В его взгляде на Моррисона не было намека на улыбку.

— Когда вы были снаружи, шла интенсивная передача сигналов...

— Я уже говорил вам, что ничего подобного не помню, — холодно возразил Моррисон. — Может быть, все зависит от того, кто держит прибор?

— Я в это не верю. Наука заключается не в вере, а в доказательствах. Если мы как следует закрепим вам компьютер, то вы сможете поработать там минут десять, не больше.

Моррисон ответил:

— Я не согласен. Однажды мы уже попытались.

— Но я чувствовал мысли Шапирова, даже если вы утверждаете обратное. Вы чувствовали всего лишь эмоции, а не мысли. Слов не было.

— Это потому, что вы для себя сами это признали. Попробуйте еще раз.

— Нет, ничего не получится.

— Вы испугались, потому что вас унесло. Но на этот раз вы не оторветесь. Со мной же ничего не случилось. Вы не будете бояться.

— Ты недооцениваешь мои способности бояться, — пожав плечами, ответил Моррисон.

Конев с возмущением воскликнул:

— Нечего сказать, хорошенькое времечко для шуток!

— А я и не шучу. Меня легко напугать. Мне хватает твоей...

— Смелости?

— Ну, если ты хочешь признания, что мне не хватает смелости, я признаю это.

Конев резко повернулся к Барановой:

— Наталья, ты — капитан. Прикажи Альберту сделать еще одну попытку.

— Не думаю, что могу приказывать ему в такой ситуации. Что толку, если мы опять запакуем его в скафандр и вытолкнем из корабля? Если он не в состоянии работать, мы ничего не добьемся. Я могу только его попросить. Альберт...

— Не трудись понапрасну.

— Еще одна попытка. Всего лишь три минуты. Если вы не получите сигнал...

— Не получу. Я уверен, что не получу.

— Всего лишь три минуты, чтобы доказать это.

— Сколько же можно, Наталья? Если я не получу результата, Юрий обвинит меня в том, что я нарочно сбил настройку компьютера. Если между нами нет доверия, мы ничего не достигнем. Что, если я,

например, начну разыгрывать карту Конева, мол, не соглашаться — значит лгать? Я утверждаю, что не чувствовал ни мыслей, ни эмоций Шапирова. Наталья, а сама ты?

— Я ничего не чувствовала.

— Софья?

— Калныня отрицательно покачала головой.

— Аркадий?

Дежнев произнес обиженно:

— Не похоже, что я вообще способен что-либо чувствовать.

— Что ж, остается один Юрий. Как мы можем знать, что он действительно что-то чувствовал? Я не буду так же суров, как он, и не стану обвинять его во лжи. Но разве не могло случиться так, что его страстное желание почувствовать хоть что-то стало причиной того, что он решил, что чувствует? И выдал желаемое за действительное.

Лицо Конева побледнело, но голос его, лишь слегка подрагивающий, оставался холодным:

— Забудем все это. Мы провели уже несколько часов в теле, и я прошу тебя только об одном — о последнем эксперименте. Он может оправдать все.

— Нет, — ответил Моррисон, — я уже это слышал.

— Альберт, — произнесла Баранова. — На этот раз ошибки не будет. Последний эксперимент...

— Еще бы не последний, — вмешался Дежнев, — у нас гораздо меньше энергии, чем мне бы хотелось. Нам дорого обошлись твои поиски.

— И тем не менее, мы пошли на это, — подхватил Конев. — Я не считался с затратами, я нашел тебя.

Внезапно он неприятно улыбнулся:

— И у меня, кстати, ничего бы не вышло, если бы не сигналы вашего прибора. Это доказательство, что я ничего не придумал и не вообразил. И раз уж я вас нашел, рассчитайтесь со мной.

Ноздри Моррисона дрогнули:

— Ты бросился за мной потому, что взрыв уничтожил бы всех. Ты спасал собственную жизнь и...

Неожиданно корабль сильно тряхнуло. Он накренился, и Конев с трудом удержался на ногах, схватившись за спинку кресла.

— Что это? — воскликнула Баранова.

Калныня склонилась над своим компьютером:

— Я не уверена, но похоже, это была рибосома.

— Рибосома? — изумленно переспросил Моррисон.

— Вы удивлены? Они здесь повсюду. Это — органеллы, производящие белок.

— Я знаю, что это такое, — оскорбленно ответил Моррисон.

— Одна из них нанесла нам удар. Вернее сказать, мы нанесли ей. Впрочем, это не имеет значения. Всего лишь броуновское движение...

— Все гораздо хуже, — с ужасом произнес Дежнев.

— Посмотрите на вибрацию поля.

Моррисон повернулся и с отчаянием узнал явление, с которым уже столкнулся, оказавшись один в

клетке. Молекулы воды интенсивно расширялись и сокращались.

— Остановите это! Остановите! — закричал Конев.

— Я пытаюсь, — с трудом проговорила Баранова.

— Аркадий, отключи все двигатели, передай всю энергию мне. Отключи кондиционеры, свет — все.

Баранова склонилась над слабо мерцающим компьютером. Они находились в абсолютной темноте клетки, похороненной глубоко в мозгу. И хотя Моррисон не мог видеть ничего, кроме света компьютера Барановой и Калныни, не было никакого сомнения в том, что процесс продолжался. Он почувствовал холод под ложечкой. Вибрировали не молекулы воды. Вибрировало минимизированное поле — все предметы, находящиеся в нем. И он сам. Каждый раз, когда он расширялся (а молекулы воды, казалось, сжимались), поле превращало часть своей энергии в тепло, и он мог чувствовать, как жар волной прокатывался по кораблю. Но после того как Баранова сконцентрировала энергию в поле, жар исчез. На какое-то время вибрация уменьшилась. Однако вскоре стала вновь расти. Моррисон понял, что Баранова не может справиться с начавшейся спонтанной деминимизацией и через несколько секунд он погибнет. Он и все они, и то тепло, в котором они находятся, при взрыве превратятся в водяной пар и углекислый газ. У него закружилась голова. Он был на грани обморока. Его малодушие было верным признаком надвигающейся гибели. Его пронзил стыд.

73.

Но время шло, и ничего не происходило. Моррисон шевельнулся. Он уже должен быть мертв? Или он на том свете? Но эту мысль Моррисон тут же прогнал. Рядом слышались всхлипы. Нет, это чье-то тяжелое дыхание. Он открыл глаза (до этого он не отдавал себе отчета в том, что они закрыты) и увидел в тусклом свете Калныню. Поскольку вся энергия была брошена на то, чтобы удержать корабль от деминимизации, единственным источником света был компьютер. Моррисон смог различить ее склоненную голову, растрепанные волосы и тяжелое, со свистом вырывающееся дыхание. Он с надеждой огляделся вокруг. Вибрация уменьшалась на глазах и через некоторое время совершенно прекратилась. Калныня подняла голову, на ее лице появилась слабая улыбка.

— Вот и все, — произнесла она хриплым шепотом.

Корабль медленно, как бы нехотя, осветился огнями. Первым, с дрожащим вздохом, заговорил Дежнев:

— Если я не умер, значит, еще поживу. Как говаривал мой отец: «Жизнь была бы невыносима, если бы смерть не была еще хуже». Спасибо, Наташа.

— Не меня нужно благодарить, — ответила Баранова. Ее лицо выглядело настолько старым, что Моррисон не удивился бы, увидев седые пряди в ее волосах. — Я не смогла удержать энергию в поле. Это сделала Софья?

Глаза Калныни были закрыты, грудь тяжело вздымалась. Она слегка шевельнулась, словно не желая ни отвечать, ни делать ничего, а хотя бы несколько секунд понаслаждаться покоем и жизнью. Затем она ответила:

— Не знаю...

— Может быть. Но что-то ты сделала.

— Не могла же я просто сидеть и ждать смерти. Я превратила корабль в электрическую копию молекулы Д-глюкозы, в надежде, что клетка адекватноотреагирует на это и вступит во взаимодействие с молекулой АТФ-аденозинтрифосфата. При этом накапливалась фосфатная группа и энергия. Энергия должна была пойти на усиление поля минимизация. Затем я нейтрализовала корабль, и фосфатная группа уменьшилась. И снова Д-глюкоза, и снова выигрыш в энергии, снова нейтрализация, и так далее, далее... — Она сделала глубокий и тяжелый вздох... — Снова и снова. Я так спешила, что не была уверена, что нажимаю верные клавиши. Но, выходит, все делала правильно. Корабль получил достаточно энергии, чтобы стабилизировать поле.

— Как же это тебе пришло в голову? — спросила Баранова. — Я никогда и не слышала, что это может...

— Я тоже, — ответила Калныня. — Я тоже. Просто сегодня утром, еще до того, как мы ступили на корабль, я задумалась, что можно будет сделать, если начнется спонтанная деминимизация. Нам будет нужна энергия, но если системы корабля не спра-

вятся, может ли сама клетка обеспечить нас энергией? Если да, то только с помощью АТФ. Я не знала, сработает ли этот принцип. Пришлось расходовать энергию корабля. Я понимала, что энергии, полученной из АТФ, может или не хватить, или же она просто не будет использована для того, чтобы противостоять деминимизации. Это был огромный риск.

Дежнев тихо произнес:

— Как сказал бы мой отец-старик, «если тебе нечего терять, рискуй, не задумывайся». — Его голос окреп: — Спасибо тебе, маленькая Софья. Моя жизнь теперь принадлежит тебе. Я отдам ее по одному твоему слову. Больше того, я женюсь на тебе, если ты не против.

— Ты — настоящий рыцарь, — улыбнулась Калныня, — но об этом я тебя не попрошу. А вот моя жизнь... в случае необходимости этого будет вполне достаточно.

Баранова, полностью успокоившись, сказала:

— Я обязательно опишу это в отчете. Твой ум и быстрота реакции спасли нас всех.

Моррисон все еще не мог произнести ни слова. Все, что он мог сделать, это взять ее руку, поднести к губам и поцеловать. Затем, решительно откашлявшись, сказал с огромной нежностью:

— Спасибо, Софья...

Она смутилась, но не сразу убрала руку.

— Могло и не получиться. Я не думала, что это возможно.

— Если бы не получилось, мы бы здесь не сидели, — сказал Дежнев.

За все это время только Конев не произнес ни слова, и Моррисон повернулся к нему. Конев, как и всегда, сидел очень прямо, отвернувшись от них. Внезапно окрепшим голосом и с гневом Моррисон спросил:

— Что ты скажешь, Юрий?

Конев бросил на него взгляд через плечо и ответил:

— Ничего.

— Ничего?!

— Софья спасла экспедицию. Она исполнила свою работу.

— Свою работу? Это больше, чем ее работа! — Моррисон резко наклонился и схватил Конева за плечо. — Она спасла всех нас. Если ты все еще жив, то только благодаря ей. По крайней мере, ты бы мог ей сказать спасибо.

— Я буду делать то, что считаю нужным, — ответил Конев, резко дернув плечом и освободившись от руки Моррисона. Но тот потянулся к его горлу:

— Ты жалкий эгоист, варвар, — прохрипел он. — Ведь ты же любишь ее, но не скажешь ни одного доброго слова, подонок!

Конев вырвался, и они неловко схватились, пытаясь достать друг друга кулаками. Им мешали пристегнутые ремни и невесомость.

— Не бей его! — закричала Калныня.

«Он не ударит меня», — подумал Моррисон,

пыхтя. Последний раз он дрался лет в шестнадцать, и его смущало чувство, что он нисколько не прибавил с тех пор.

Внезапно прозвучал резкий голос Барановой:

— Прекратите! Оба! — Они остановились. Баранова продолжала: — Альберт, вы здесь не для того, чтобы учить мордобойю. А тебе, Юрий, не нужно стараться, чтобы выглядеть грубияном. У тебя это легко и так получается. Если ты не желаешь признать...

С заметным усилием Софья произнесла:

— Я не прошу ничьей благодарности, ничьей.

— Благодарности?! — с гневом воскликнул Конев.

— Перед тем, как началась деминимизация, я пытался заставить этого труса-американца поблагодарить нас за его спасение. Мне не нужны были его слова. Здесь не танцевальный зал. Нечего приседать и кланяться. Я хотел, чтобы он делом доказал свою благодарность. Но он отказался. Так почему меня будут учить, как и когда говорить спасибо?

Моррисон ответил:

— Я уже сказал, что не сделаю этого, и повторяю это сейчас.

Вмешался Дежнев:

— Мы ведем пустой разговор. Мы расходует энергию, словно водку на свадьбе. Из-за поисков и деминимизации у нас осталось ее только на проведение контролируемой деминимизации. Мы должны выбираться отсюда.

Конев ответил:

— Чтобы провести там пару минут, не нужно много энергии. После этого можно уходить.

Конев и Моррисон с враждебностью уставились друг на друга, и тут Дежнев произнес совершенно безжизненным голосом:

— Мой старый бедный отец говаривал: «Самая страшная фраза в русском языке “Это странно”».

Конев сердито набросился на него:

— Заткнись, Аркадий.

Дежнев тихо ответил:

— Я упомянул это только потому, что теперь пора сказать: «Это странно».

74.

Баранова отбросила черные волосы со лба (слегка устало, подумал Моррисон и заметил, что волосы влажные). Она спросила:

— Что странно, Аркадий? Давай не будем играть в игры.

— Скорость молекулярного движения уменьшается.

После непродолжительной паузы Баранова спросила:

— С чего ты взял?

Дежнев тяжело произнес:

— Наташа дорогая, если бы ты сидела на моем месте, ты бы знала, что существуют волокна, пересекающие клетку...

— Цитоскелетон, — вставил Моррисон.

— Спасибо, Альберт, мой дорогой, — продолжил Дежнев с изящным взмахом руки. Мой отец любил говорить: «Гораздо важнее знать сущность, чем название». Итак, то, что как-то там называешь, не задерживает ни внутриклеточный поток, ни корабль, но я вижу, как оно вспыхивает позади. Так вот, оно вспыхивает все реже и реже. Так как волокна не двигаются, значит, мы замедляем ход. Раз я не делаю ничего, чтобы замедлить корабль, выходит, что внутриклеточный поток останавливается. Это называется логика, Альберт, в этом отношении меня учить не надо.

Калныня, потрясенная, сказала тихим голосом:

— Я думаю, мы повредили клетку.

Моррисон заметил:

— Одной клеткой больше, одной меньше, это не причинит вреда Шапирову, особенно в его состоянии. Я не удивлюсь, если клетка погибнет. В конце концов, корабль мчался за мной на огромной скорости, вибрация была очень сильной, это могло повредить клетку.

Конев нахмурился:

— Это сумасшествие. Мы же размером с молекулу! Неужели вы считаете, что мы чем-то могли повредить клетку?

— Нам не нужно обосновывать это, Юрий. Это факт. Внутриклеточный поток останавливается, и это ненормально.

— Прежде всего, это лишь впечатление Аркадия, — сказал Конев, — а он не невролог...

— А что, глаза только у неврологов? — с жаром закричал Дежнев.

Конев бросил быстрый взгляд на Дежнева и продолжал:

— Кроме того, мы не знаем, что является нормальным для живой клетки мозга на этом уровне наблюдений. В потоке могут быть свои вспышки и затишья, и даже если мы это сейчас наблюдаем, это временное явление.

— Факт заключается в том, что мы больше не можем использовать эту клетку, а у нас не хватает энергии, чтобы найти другую.

Конев скрипнул зубами:

— Все-таки что-то мы должны сделать. Мы не можем сдатьсь.

Моррисон обратился к Барановой:

— Наталья, принимайте решение. Есть ли смысл в дальнейшем исследовании этой клетки? Нужно ли нам искать другую?

Баранова подняла руку и в задумчивости покачала головой.

Все повернулись к ней, и Конев, воспользовавшись ситуацией, схватил Моррисона за плечо и притянул его к себе. Его глаза потемнели от гнева. Он прошептал:

— С чего вы взяли, что я влюблен в... — он кивнул головой в сторону Калныни. Что дает вам право так думать? Отвечайте.

Моррисон равнодушно взглянул на него.

В этот момент Баранова тихо заговорила, но не отвечая на вопрос Моррисона:

— Аркадий, что ты делаешь?

Дежнев, склонившийся над пультом управления, поднял голову:

— Я восстанавливаю связь.

— Разве я велела тебе это сделать?

— Мне велела необходимость.

Конев вмешался:

— Тебе не приходило в голову, что мы не сможем управлять кораблем?

Дежнев хмыкнул и с мрачной иронией спросил:

— А тебе не приходило в голову, что никакого управления кораблем может больше и не быть?

Баранова терпеливо проговорила:

— Что за необходимость заставила тебя?

Дежнев ответил:

— Я думаю, что дело не в одной клетке. Температура вокруг нас падает. Медленно.

Конев насмешливо улыбнулся:

— По твоим измерениям?

— Нет. По измерениям корабля. По фону инфракрасного излучения.

— Это ни о чем не говорит. Уровень излучения постоянно меняется. Колебания могут взлетать вверх и падать вниз, словно лодка, попавшая в тайфун, но все на более низком и низком уровне, — его рука опускалась все ниже и ниже.

— Но почему температура падает? — воскликнула Баранова.

Моррисон мрачно улыбнулся:

— Продолжайте, Наталья. Я думаю, вы знаете почему. Я знаю, что Юрий знает почему. Аркадий должен узнать это. Вот та необходимость, что заставила его восстанавливать связь.

Неловкое молчание повисло над экипажем, и некоторое время были слышны лишь невнятные ругательства Дежнева, сражавшегося с системой связи корабля.

Моррисон оглянулся. Теперь, когда освещение корабля было восстановлено, он видел обычное тусклое мерцание молекул, путешествующих вместе с ними. Только после слов Дежнева он обратил внимание на редкие отблески света на линию, которая протянулась прямо перед ними, и исчезала над или под кораблем с высокой скоростью.

Это, несомненно, были очень тонкие коллагеновые волокна, сохраняющие форму нерегулярного нейрона и предохраняющие его от сворачивания в грубое сферическое образование под воздействием натяжения его поверхности. Если бы он был повнимательнее, то заметил бы это и раньше. Ему впервые пришлось в голову, что Дежнев, как пилот, должен был следить за всем, и в этой непредсказуемой ситуации, в которой оказался корабль, у Дежнева не было ни советчика, ни инструкции, ни опыта, чтобы разобраться в ней и решить, на что обратить особое внимание. Вне всяких сомнений, Дежнев находился в гораздо большем напряжении, чем все остальные. Но, как само собой разумеющееся, все, да и Мор-

рисон тоже, относились к нему, как к самому незначительному из членов экипажа.

«Несправедливо», — подумал Моррисон.

Но тут Дежнев выпрямился, надел наушники и сказал:

— Грот, вы меня слышите? Грот? — Затем он улыбнулся. — Да, в этом смысле мы в безопасности. Сожалею, но я уже говорил вам, что приходится выбирать между связью и управлением кораблем. Как дела у вас? Что? Повторите, медленнее. Да, я так и думал.

Он повернулся к остальным членам экипажа:

— Товарищи, академик Петр Леонович Шапиров умер. Тринадцать минут назад исчезли последние признаки жизни, и теперь наша задача — покинуть тело.

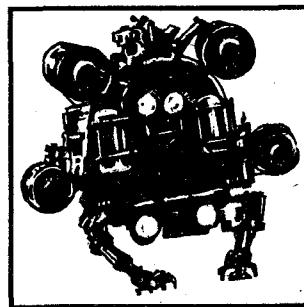
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

БЛАГОПОЛУЧНЫЙ ИСХОД

«Если бы из неприятностей было бы так же легко выбраться, как и попасть в них, жизнь была бы легкой прогулкой».

Дежнев Старший.

75.

Мрачная тишина опустилась на корабль.

Калныня закрыла лицо руками и после долгого молчания прошептала:

— Ты уверен, Аркадий?

Дежнев, часто моргая, пытаясь сдержать слезы, ответил:

— Я уверен? Он уже сколько недель был на грани смерти. Внутриклеточное движение замедляется, температура падает, а Грот, подключивший к нему всю аппаратуру, которая только изобретена, сообщает, что он мертв. В чем тут сомневаться?

— Бедный Шапиров. Он заслужил лучшей смерти,
— вздохнула Баранова.

— Мог бы продержаться еще хотя бы час, — буркнул Конев.

— Ему не приходилось выбирать, Юрий, — нахмурилась Баранова.

Моррисона охватила дрожь. До сих пор он обращал внимание лишь на окружавшие их красные кровяные тельца, на специфические частицы внутриклеточного пространства нейрона. Его восприятие действительности было ограничено минимумом окружающего его пространства.

Теперь он понял, что в их положении, когда корабль был размером с молекулу глюкозы, а сам он чуть больше атома, тело Шапирова было для них больше, чем планета Земля.

Итак, он был замурован в огромной массе мертвого органического вещества. Он почувствовал раздраженное нетерпение из-за затянувшегося молчания. Этим можно заняться и попозже, а сейчас... Его голос прозвучал громче, чем следовало бы:

— Как мы отсюда выберемся?

Баранова с удивлением взглянула на него широко раскрытыми глазами. (Моррисон не сомневался, что горечь утраты вытеснила мысль о необходимости покинуть тело).

Ей пришлось приложить заметные усилия, чтобы принять свой обычный деловой вид.

— Ну, для начала нам нужно до некоторой степени деминимизироваться.

— Почему только до некоторой? Почему бы нам не провести полную деминимизацию? — И, словно предупреждая возможные возражения, он продолжил: — Да, мы повредим тело Шапирова, но это мертвое тело, а мы еще живы. В первую очередь нужно думать о себе.

Калныня с упреком взглянула на Моррисона:

— Даже мертвое тело заслуживает уважения, Альберт, особенно тело такого великого ученого, как академик Петр Шапиров.

— Да, но не настолько же, чтобы рисковать жизнями пяти человек.

Нетерпение Моррисона росло. Он знал Шапирова лишь понаслышке, и для него он не был тем полубогом, каким его считали остальные.

Дежнев сказал:

— Помимо вопроса об уважении, хочу напомнить, что мы находимся в черепе Шапирова. Если мы попытаемся разрушить череп с помощью минимизационного поля, то на это уйдет слишком много энергии, и деминимизация примет неуправляемый характер. Мы должны найти другой выход.

Баранова согласилась:

— Альберт прав. Давайте начинать. Я произведу деминимизацию до размеров клетки. Аркадий, пусть Грот определит наше точное местонахождение.

Моррисон взглянул на клеточную мембрану, находящуюся на удалении от них. Первым признаком деминимизации являлось то, что молекулы начинали уменьшаться (это было единственным словом, при-

шедшим на ум Моррисону, чтобы описать происходящее).

Словно эти маленькие шарики, которые заполняли пространство вокруг них и которые Моррисон, скорее воссоздавал в своем воображении по их мерцанию, чем ясно их видел, сжимались.

Точь-в-точь, как воздушные шары, из которых выпускают воздух. И отдаленные макромолекулы — белки, нуклеиновые кислоты и еще более крупные клеточные структуры — также сжимались и в результате этого все удалялись от них.

Клеточная мембрана, казалось, приближалась к ним, и изображение ее становилось все четче.

Было очевидно, что она вот-вот столкнется с кораблем, и Моррисон инстинктивно сжал зубы, напрягшись в ожидании удара.

Но ничего не случилось. Мембрана подходила все ближе и ближе, и вдруг ее просто не стало. Это была слишком слабая структура, чтобы противостоять миниатюризационному полю. Хотя корабль до некоторой степени увеличился, ему по-прежнему было слишком далеко до размеров нормального мира, и молекулы мембраны, попадая в поле и уменьшаясь в размерах, теряли контакт друг с другом, так что целостность картины происходящего исчезала.

Моррисон, словно замороженный, следил за всем. Постепенно среди окружающего их хаоса он начал узнавать внутриклеточные коллагеновые джунгли, с которыми они столкнулись, прежде чем попасть в нейрон. Они также продолжали сжиматься, и вскоре

коллагеновые стволы и канаты превратились в тонкие нити.

Баранова сказала:

— Вот и все. Нам нужно помнить о размерах малой вены.

Дежнев хмыкнул:

— Это однозначно. Энергии у нас немного.

— Ее хватит, чтобы выйти из черепа, — уверенно ответила Баранова.

— Надеяться можно. Однако, Наташа, ты командуешь кораблем, но не законами термодинамики.

Баранова с укоризной покачала головой:

— Аркадий, определи наши координаты и не читай мне лекций.

— Я уверен, что это не самое главное сейчас, — вступил в разговор Конев. — Расстояние, пройденное нами после капилляра, слишком мало, чтобы его можно было измерить.

Через несколько минут они получили данные, и Конев удовлетворенно хмыкнул:

— Как я и говорил.

— Что толку от этих данных, Юрий? Мы не знаем, в какую сторону направлен корабль, а двигаться мы можем только туда. Ведь восстановлена связь, а это значит, мы не можем управлять кораблем.

— Ну что ж, раз так, мы будем двигаться в том направлении, куда идет корабль. Я уверен, что у отца Аркадия было высказывание по этому поводу, — усмехнулся Конев.

Дежнев тут же откликнулся:

— Он говорил: «Когда возможен только один способ действия, нет необходимости принимать решение».

— Вот видишь, — сказал Конев, — и в каком бы направлении мы ни двигались, мы выберемся. Давай, Аркадий.

Корабль двинулся вперед, прокладывая себе путь сквозь хрупкие коллагеновые нити, прорываясь сквозь нейрон, разрезая аксон.

(Было трудно поверить, что совсем недавно они находились в одном из таких аксонов, и он, казалось, простирался на многие километры.)

Моррисон сухо сказал:

— Предположим, Шапиров все еще жив, а нам необходимо покинуть тело. Как бы мы это сделали?

— Что вы имеете в виду? — спросила Баранова.

— Я хочу знать, есть ли альтернатива. Нам что, не пришлось бы определять местонахождение корабля? А для этого нам что, не пришлось бы восстанавливать связь? А раз так, разве мы могли бы двигаться в каком-то другом направлении, а не только вперед? Неужели нам не пришлось бы деминимизироваться, чтобы сократить наш путь с десятков тысяч до нескольких километров? Короче, разве для того, чтобы выбраться отсюда, нам не пришлось бы прокладывать свой путь по живым нейронам живого Шапирова, как мы это делаем сейчас по умирающим и уже мертвым?

— В общем, да, — ответила Баранова.

— А где же тогда уважение к живому телу? В

конце концов, мы ведь не сразу решились нарушить неприкосновенность мертвого?

— Вы должны понять, Альберт, это — вынужденная мера. Корабль поврежден, и у нас нет выбора. Да и, в любом случае, это не сравнить с вашим предложением провести деминимизацию прямо в мозгу, разнеся череп Шапирова вдребезги. Продвигаясь этим курсом, даже если бы Шапиров был жив, мы бы разрушили десяток-другой, ну, может быть, сотню нейронов, а это вряд ли заметно ухудшило бы состояние Шапирова. Нейроны мозга постоянно погибают, так же как и красные кровяные тельца.

— Не совсем так, — Моррисон был неумолим. — Красные кровяные тельца постоянно восстанавливаются. Нейроны — никогда.

Конев резко прервал их:

— Аркадий, остановись. Нам нужно вновь определить местонахождение корабля.

Тут же полная тишина снова повисла над кораблем, словно любое произнесенное слово могло повлиять на точность производимых Гротом расчетов.

Наконец, Дежнев передал результаты Коневу.

Моррисон отстегнул ремни и осторожно переместился так, чтобы видеть экран церебрографа Конева.

На нем горели две точки. Тонкая красная линия соединяла их.

Карта, воспроизведенная на экране, уменьшилась в масштабе, и обе точки устремились навстречу друг другу, а затем вновь вернулись на исходные позиции. По мере того, как пальцы Конева мелькали над

пультом, карта становилась все сложнее и непонятнее. Моррисон знал, что Конев будет работать с ней при помощи специального прибора, который сделает изображение стереоскопическим.

Через некоторое время Конев обратился к Барановой:

— На этот раз нам повезло. В каком бы направлении мы ни двигались, рано или поздно мы попадем в малую вену. В нашем случае это произойдет скоро. Мы недалеко от нее.

Моррисон облегченно вздохнул, но не удержался от вопроса:

— А что бы вы делали, если бы мы оказались далеко от вены?

Конев холодно ответил:

— Тогда бы Дежнев снова отключил связь, и с помощью управления мы подошли бы к ней поближе.

Дежнев, тем не менее, повернулся взглянуть на Моррисона и с явным несогласием в голосе сказал:

— Слишком мало энергии.

— Двигайся вперед, Аркадий, — безапелляционно произнесла Баранова.

Через несколько минут Дежнев обратился к Коневу:

— Твоя карта верна, хотя еще несколько минут назад я бы за это не поручился. Вена — впереди.

Моррисон увидел причудливо изогнутую стену, теряющуюся в туманной дымке. Если это была вена, то она была не слишком удалена от капилляра. Он

задумался, сможет ли корабль без проблем войти в нее.

76.

Баранова спросила:

— Софья, есть ли у нас шанс с помощью электрического разряда войти в вену?

Калныня с сомнением взглянула на Моррисона и ответила:

— Не думаю, Наталья. Отдельные клетки, может быть, еще не совсем погибли, но в целом организм мертв. Я не думаю, что какая-нибудь клетка может нас принять с помощью пиноцитозиса или еще как-нибудь.

— И что мне делать? — невесело спросил Дежнев. — Прокладывать путь силой?

— Конечно, — отозвался Конев. — Подойди вплотную к стенке вены. Небольшой ее участок подвергнется минимизации и дезинтеграции, мы сможем войти. Тебе не придется перегружать двигатели.

— Ага, — отозвался Дежнев, — слова знатока. Все это произойдет за счет нашего поля, и на это потребуется еще больше энергии, чем при прокладывании пути силой.

— Аркадий, не сердись. Сейчас не время. Время от времени запускай двигателя и используй ослабление стенки вены, возникающее из-за минимизационного поля. Комбинируя оба способа, мы затратим

меньше энергии, чем при использовании одного из них.

— Надеяться можно, — отозвался Дежнев, — но сказать — еще не значит сделать. Когда я был маленький, мой отец однажды сказал: «Горячность — это не гарантия правды». Он сказал мне это, когда я со страстностью клялся, что не ломал его трубку. Он спросил, понял ли я его. Я ответил, что нет, тогда он очень тщательно объяснил мне это, а потом задал трепку.

— Хорошо, Аркадий, — сказала Баранова, — а теперь двигайся вперед.

Вмешался Конев:

— Ты вовсе не зальешь мозг кровью. Шапиров мертв, и кровотечения не будет.

— Ага, — отозвался Дежнев, — ты затронул интересную проблему. При обычных обстоятельствах, как только мы вошли бы в вену, поток крови подхватил бы нас и понес в нужном направлении. Так как кровь не движется, мне придется включить двигатели — но в каком направлении?

— Раз уж мы заговорили об этом, — спокойно ответил Конев, — тебе нужно повернуть направо. Так говорит мой цереброграф.

— Но если там нет течения, чтобы повернуть меня направо, а мы войдем под углом налево?

— Аркадий, ты войдешь под углом направо. Это тоже показывает мой цереброграф. Главное — войди в вену.

— Давай, Аркадий, — сказала Баранова, — нам

не остается ничего другого, как только положиться на показания церебрографа.

Корабль быстро двинулся вперед, и как только нос корабля коснулся стенки вены, Моррисон почувствовал слабую дрожь работающих двигателей. А затем стенка просто поддалась, и корабль оказался внутри вены.

Дежнев сразу же остановил моторы. Корабль двигался с быстро уменьшавшейся скоростью, оттолкнувшись от дальней стенки вены так аккуратно, что Моррисон не заметил никаких повреждений. Ширина корабля оказалась примерно в два раза меньше ширины вены.

— Ну что, — сказал Дежнев, — направление верное? Если нет, то уже ничего не поделать. Я не смогу развернуться. Тут слишком тесно, и Альберт не сможет выйти наружу, чтобы повернуть корабль, а энергии, чтобы произвести минимизацию, не хватит.

— Направление верное, — строго сказал Конев. — Двигайся вперед, и мы скоро выберемся. По мере продвижения вена расширится.

— Будем надеяться. Какое расстояние нам нужно пройти?

— Я пока не могу сказать, — ответил Конев. — Мне нужно проследить вену по церебрографу, посоветоваться с Гротом, подготовиться к введению иглы в вену как можно ближе к тому месту, где мы выйдем из черепа.

Дежнев сказал:

— Можно мне объяснить, что мы не можем двигаться бесконечно? Что с минимизацией и деминимизацией, движением с низкой эффективностью, не по тем капиллярам, с погоней за Альбертом, когда он потерялся, мы использовали гораздо больше энергии, чем могли себе позволить?

Баранова спросила:

— Ты хочешь сказать, что мы использовали всю энергию?

— Почти. Я только и делаю, что говорю об этом, — ответил Дежнев.

— Неужели нам не хватит ее, чтобы выйти из черепа?

— В обычных условиях хватило бы, даже сейчас. Если бы мы были в вене живого организма, нас подхватил бы поток крови. Но никакого движения нет. Шапиров мертв, и сердце его не бьется. Это значит, что мне придется прокладывать путь с помощью двигателей, и чем холоднее и вязче будет становиться кровь, тем интенсивнее придется работать моторам, тем быстрее будет расходоваться энергия.

Вмешался Конев:

— Но нам нужно пройти всего лишь несколько сантиметров.

Дежнев яростно набросился на него:

— Всего лишь несколько? Меньше ладони? Неужели? При наших размерах нам придется пройти километры.

Моррисон спросил:

— Может, нам еще раз деминимизироваться?

— Мы не можем, — Дежнев говорил теперь очень громко. — У нас не хватит энергии. Неконтролируемая деминимизация не требует энергии, она высвобождает энергию. Но контролируемая... Послушайте, Альберт, если вы прыгнете с верхнего этажа высокого здания, вам не придется прилагать усилия, чтобы достичь земли. Но если вы захотите остаться в живых и спуститься с помощью веревки, то вам придется потрудиться, понимаете?

— Понимаю, — проворчал Моррисон.

Ладонь Калныни дотронулась до его руки и нежно пожала ее. Софья тихо сказала:

— Не обижайся на Дежнева. Он ворчит и рычит, но вытащит нас отсюда.

Баранова обратилась к Аркадию:

— Если горячность не является гарантией правды, как ты нам только что объяснил, то не гарантирует ее и холодная голова и рассудочность. Скорее даже наоборот. Почему бы тебе просто не начать движение, и, может быть, нам хватит энергии, чтобы добраться до иглы?

Дежнев хмуро ответил:

— Это как раз то, что я собираюсь сделать, но если ты хочешь, чтобы я не терял головы, надо же мне выпустить пар.

Корабль начал движение, и Моррисон подумал про себя: «С каждым метром мы приближаемся к игле».

Это было не слишком успокаивающее рассужде-

ние, так как остановиться в метре от иглы было бы настолько же опасно, как если бы двигатели заглохли в километре от нее. Тем не менее, его сердце билось ровнее.

Теперь им попадалось гораздо больше эритроцитов и лейкоцитов, чем в артериях и капиллярах несколько часов назад. Тогда существовало движение крови, и в непосредственной близости от них находилось не так уж много объектов. Сейчас же корабль двигался, расталкивая налево и направо бесчисленные разнообразные тела, оставляя их безмолвно раскачивающимися в кильватере.

Конев сказал:

— Мы идем правильным курсом. Вена становится заметно шире.

И это действительно было так. Моррисон заметил это еще раньше, но не придал этому факту особого значения. Он был слишком сосредоточен на самом движении.

Альберт почувствовал, что к нему возвращается надежда. Ошибка при выборе курса могла стать непоправимой. Вена начала бы сужаться, и они вновь попали бы в мозг. В этом случае у них вряд ли хватило бы энергии, чтобы еще раз найти выход в другую вену.

Конев что-то записывал под диктовку Дежнева, затем кивнул и сказал:

— Пусть Грот подтвердит расчеты. Отлично.

Он на некоторое время склонился над церебрографом и затем сказал:

— Послушайте, они знают, в какой вене мы находимся, и введут иглу в том самом месте, которое я отметил на церебрографе. Мы будем там примерно через полчаса или даже раньше. Мы продержимся еще полчаса, Аркадий?

— Пожалуй, меньше. Если бы сердце билось...

— Да, я знаю, но оно не бьется.

Затем он обратился к Барановой:

— Наталья, ты можешь дать мне твои записи, все, что узнали о мыслительном процессе Шапирова? Я передам эту информацию, пусть и необработанную, в Грот.

— На тот случай, если мы не выберемся?

— Именно так. Мы здесь ради этих данных, и им нельзя погибнуть вместе с нами.

— Ты прав,— ответила Баранова.

— При условии,— и его голос приобрел твердость,— что они вообще имеют хоть какую-то ценность.

Он бросил быстрый взгляд на Моррисона.

Конев подвинулся к Дежневу, и они начали электронную передачу информации от компьютера к компьютеру, от маленького к большому, из вены мертвого человека во внешний мир.

Калныня все еще держала руку Моррисона.

«Может быть, больше для своего собственного спокойствия, чем ради него», — подумал Альберт.

Он тихо произнес:

— Софья, что произойдет, если энергия закончится раньше, чем мы подойдем к игле?

Она подняла брови и ответила:

— Нам придется остаться на месте и ждать. Люди из Грота постараются помочь нам.

— Но разве сразу после того, как закончится энергия, не начнется спонтанная деминимизация?

— Да нет же. Минимизация — это метастабильное состояние. Помнишь, мы уже говорили об этом? Мы останемся здесь на неопределенное время. В конечном счете, когда-нибудь это случайное псевдоброуновское расширение и сжатие подтолкнет спонтанную деминимизацию, но кто знает, когда это произойдет?

— Может быть, через годы?

— Возможно.

— Что толку от этого? — спросил Моррисон. — Мы умрем от асфиксии. Без энергии мы не сможем восстанавливать запас воздуха.

— Я уже говорила, люди в Гроте постараются вытащить нас отсюда. Компьютеры будут работать, и они всегда смогут определить наше местонахождение,

— Но как они смогут найти нашу клетку среди пятидесяти триллионов таких же?

Калныня погладила его руку:

— У вас пессимистическое настроение, Альберт. Нашу клетку легко отличить от других, к тому же из нее ведется передача сигналов.

— Думаю, что почувствую себя лучше, когда мы доберемся до иглы и им не придется искать нас.

— Я тоже. Просто хочу доказать вам, что даже

если у нас закончится энергия и мы сможем сами добраться до иглы, то еще не все потеряно.

— А если мы не сможем добраться до нее?

— Тогда нас вытащат отсюда, и Грот своими силами займется деминимизацией.

— А сейчас они не могут сделать это?

— Мы окружены огромной массой неминимизированного вещества, и будет слишком трудно сфокусировать поле с необходимой точностью. Как только они смогут вычленить нас из общей массы, все будет гораздо проще.

В этот момент Дежнев спросил:

— Это все, Юрий?

— Да, все.

— Тогда я обязан предупредить вас, что мы сможем продолжать движение еще пять минут. Может быть, меньше, но уж никак не больше.

77.

Моррисон судорожно так сильно сжал руку Калныни, что молодая женщина вздрогнула от боли.

Моррисон извинился, выпустил ее руку, и Софья стала энергично ее растирать.

Баранова спросила:

— Где мы сейчас, Юрий? Мы сможем дойти до иглы?

— Пожалуй, да, — ответил Конев. — Замедли ход, Аркадий. Экономь энергию.

— Нет, — сказал Дежнев. — При этой скорости

я сталкиваюсь с относительно слабым сопротивлением. Если я замедлю скорость, сопротивление усилится, и мы потеряем энергию.

Конев возразил:

— Но мы не должны проскочить отметку.

— А мы и не проскочим. Как только ты прикажешь остановить двигатели, ход замедлится из-за вязкости крови. Сопротивление усилится, и через десять секунд мы остановимся. Если бы у нас была наша обычная масса и инерция, при быстром торможении нас бы просто расплющило о стену.

— В таком случае остановись, когда я скажу.

Моррисон поднялся и вновь через плечо Конева взглянул на экран церебрографа. Он решил, что прибор работает с максимально возможным увеличением. Тонкая красная линия, показывающая движение корабля, приближалась к маленькому зеленому кружку, который, как догадался Моррисон, означал местонахождение иглы.

Но это было движение по лагу, поэтому вероятность погрешности была велика.

Моррисон неожиданно сказал:

— Нам нужно было воспользоваться одной из артерий, они ведь пусты после смерти. Нам не пришлось бы тратить энергию на вязкость крови и сопротивление.

Конев ответил:

— Бесполезно. Корабль не может двигаться в воздухе.

Он хотел продолжить, но в этот момент выпрямился и закричал:

— Останавливай, Аркадий! Останавливай!

Дежнев резко нажал на кнопку, и почти сразу же корабль остановился.

Конев указал рукой на большой светящийся оранжевый круг и сказал:

— Они используют волоконнооптические методы, чтобы осветить кончик иглы. Грот сказал, что мы не сможем пропустить ее.

— Но мы пропустили ее, — откликнулся Моррисон. — Мы смотрим на нее, но мы не в ней. Чтобы попасть туда, нам нужно развернуться, а это значит, что Дежневу придется разобрать связь.

— Бесполезно, — сказал Дежнев. — Энергии хватило бы еще секунд на сорок пять, но начать движение с нуля нельзя.

— И что же теперь? — Моррисон вновь был на грани истерики.

— Ну что ж, теперь они будут двигаться к нам, — ответил Конев. — На том конце иглы есть кое-какой интеллект. Аркадий, скажи им, чтобы они медленно приблизились к нам.

Оранжевый круг начал увеличиваться, постепенно превращаясь в эллипс.

Моррисон выдохнул:

— Они опять пропустят нас.

Конев ничего не ответил, но перегнулся через Дежнева, чтобы самому связаться с Гротом. На какой-то момент оранжевый эллипс еще больше

вытянулся, но после резкого окрика Конева вновь превратился в круг. Игла была теперь совершенно рядом и была направлена на них. Неожиданно все вокруг пришло в движение. Неясные очертания эритроцитов и случайных лейкоцитов задвигались в направлении иглы. Корабль двинулся вместе с ними.

Моррисон видел, как оранжевый круг надвинулся на них и внезапно исчез. Конев сказал с мрачным удовлетворением:

— Они всосали нас. Так что теперь мы в безопасности. Грот обо всем позаботится.

78.

Моррисон сделал все, чтобы прогнать мысли, чтобы отключиться от происходящего. Будет ли он возвращен в нормальный мир или ему суждено провести остаток своих дней в пробирке — от него ничего не зависит.

Он закрыл глаза и попытался ни на что не обращать внимания, даже на биение сердца. В какой-то момент он ощутил легкое прикосновение к своей левой руке.

Это, наверное, была Калныня. Моррисон медленно убрал руку, словно говоря: «Не сейчас».

Через некоторое время он услышал слова Барановой:

— Аркадий, передай им, пусть эвакуируют Сектор С.

Моррисон невольно задумался, будет ли проведена эвакуация.

Сам бы он эвакуировался и без приказа, но там могли оказаться безумцы, готовые отдать все, лишь бы оказаться рядом при возвращении первого экипажа, исследовавшего живое тело. «Будет что рассказать внукам», — усмехнулся он.

«А что происходит с такими людьми, — задумался он, — если у них не оказывается внуков, если они умирают слишком молодыми, чтобы увидеть их, или если...»

Смутно он осознавал, что намеренно погружается в эту философию. Нельзя не думать абсолютно ни о чем, особенно если ты провел большую часть жизни в размышлениях, но можно думать о чем-нибудь незначительном. В конце концов, на свете столько всего, что...

Он, должно быть, уснул. Он никогда бы не подумал, что может быть таким хладнокровным. Но это не было хладнокровием.

Это — усталость, спад напряжения, чувство, что кто-то другой, а не он, будет принимать решение. И; возможно (хотя он не хотел признавать это), нагрузка была слишком велика для него, и он просто отключился.

Он вновь почувствовал легкое прикосновение к руке, пошевелился, открыл глаза. Слишком яркий и слишком обычный свет заставил его быстро заморгать, на глазах появились слезы.

На него смотрела Калныня:

— Просыпайтесь, Альберт.

Он вытер глаза, начиная осознать окружающее, и спросил:

— Мы вернулись?

— Вернулись. Все в порядке. Мы в безопасности и ждем, пока вы придете в себя. Вы ближе всех к двери.

Моррисон оглянулся на открытую дверь, попытался приподняться и рухнул в кресло:

— Я слишком тяжел.

Калныня ответила:

— Я знаю. У меня такое ощущение, что я — слон. Не спешите, а я помогу вам.

— Нет, нет, все в порядке, — он отстранил ее.

Комната была заполнена людьми. Он видел чужие лица, наблюдающие за ним, улыбающиеся ему. Моррисон не хотел, чтобы они видели, как молодая советская женщина помогает американцу встать на ноги.

Медленно, слегка покачиваясь, он поднялся и очень осторожно направился к двери. Несколько рук тут же подхватили его, не обращая внимания на его слова: «Все в порядке. Мне не нужна помощь».

Внезапно он резко произнес:

— Подождите.

Перед тем, как ступить на землю, он обернулся и нашел взгляд Калныни.

— Что случилось? — спросила она.

Он ответил:

— Мне просто захотелось последний раз взглянуть

на корабль, потому что вряд ли я когда-нибудь еще увижу его.

Моррисон с облегчением заметил, что сойти на землю помогали не только ему, но и всем членам экипажа. Казалось, все идет к импровизированному празднику, но Баранова сделала шаг вперед (она выглядела очень взволнованной) и сказала:

— Товарищи, я уверена, у нас еще будет время для торжеств, но сейчас мы просто не в состоянии присоединиться к вам. Нам нужно отдохнуть и прийти в себя после трудного испытания.

Ее слова были встречены приветственными криками. И только Дежнев сохранил присутствие духа. Он взял стакан с какой-то прозрачной жидкостью, водой или водкой. Что касается Моррисона, то у него не было никаких сомнений в содержимом стакана. Широкая улыбка на влажном лице Дежнева подтверждала его догадку.

Моррисон спросил у Калныни:

— Сколько прошло времени?

— Думаю, больше одиннадцати часов, — ответила она.

Моррисон покачал головой:

— А словно больше одиннадцати лет.

Она слабо улыбнулась:

— Я знаю, но часам не хватает воображения.

— Еще один из афоризмов Дежнева Старшего?

— Нет. Один из моих.

— Чего я по-настоящему хочу, так это ванну, душ, свежую одежду, хороший обед, возможность

покричать вволю и хорошенько выспаться. И именно в этом порядке, на первом месте — обязательно ванна.

— Вы все это получите, — ответила Калныня, — как и все мы.

Так и было. Обед показался Моррисону в высшей степени вкусным. Во время их плавания на корабле напряжение подавляло аппетит, и теперь, когда он чувствовал себя в безопасности, голод всюду навалился на него. Главным блюдом за обедом был жареный гусь огромных размеров. Разрезая его, Дежнев приговаривал:

— Не торопитесь, друзья мои. Мой отец говорил: «Переедание убивает быстрее, чем недоедание». Сказав это, он положил себе в тарелку самый огромный кусок.

Единственным не из экипажа за столом был высокий светловолосый мужчина. Его представили как военного представителя Грота, что и так сразу было видно. Он был в форме и с множеством наград. Все были чрезвычайно вежливы с ним и в то же время скованны.

Во время обеда Моррисон снова почувствовал какое-то напряжение. Военный часто посматривал на него, но ничего не говорил. Из-за его присутствия Моррисон так и не сумел задать самый важный вопрос, а когда тот ушел, Альберта совсем разморило. Если бы возникли какие-то осложнения, он бы не смог отстоять свою точку зрения.

И когда он наконец-то бросился в постель, его

последней мыслью было то, что осложнения возникли бы так или иначе.

79.

Завтракали поздно, в два часа дня. К Моррисону присоединилась только Баранова. Он был слегка разочарован, так как ожидал увидеть Калныню, но раз ее уже все равно не было, он решил не спрашивать о ней. У него было много других вопросов.

Баранова выглядела усталой, невыспавшейся, но счастливой. «Или же, — подумал Моррисон, — “счастливой” было слишком сильным словом, скорее удовлетворенной».

— У меня, — сказала она — был серьезный разговор ночью с представителем вооруженных сил и с Москвой. Товарищ Рашин сам беседовал со мной, и он очень доволен. Он не любит выставлять напоказ свои чувства, но сказал, что все время был в курсе событий. Когда мы отключили связь, он не мог ни есть, ни пить. Ну, это, может быть, и преувеличение. Он даже сказал, что прослезился, когда узнал, что мы в безопасности, и это похоже на правду. Сдержанные люди могут быть очень эмоциональными, когда прорывает дамбу чувств.

— Звучит неплохо, Наталья.

— Для всего проекта. Вы понимаете, что при расписании, по которому мы работали, путешествие в живой человеческий организм планировалось не раньше, чем через пять лет? Совершить его в несо-

вершенном корабле и остаться в живых — это настоящая победа. Даже бюрократы в Москве понимают, в каких чрезвычайных условиях мы работали.

— Сомневаюсь, что мы получили то, за чем отправлялись.

— Вы имеете в виду мысли Шапирова? Это, конечно же, было мечтой Юрия. В целом, хорошо, что он уговорил нас. Если бы не он, мы бы не решились. Но эта неудача не умаляет нашего успеха. Если бы мы не вернулись, то наверняка было бы много нападков и критики нашего безрассудства. А так как мы первыми побывали в живом человеческом организме и благополучно вернулись — это навеки войдет в историю как подвиг советских людей. Еще долгие годы никто не сможет повторить этого, нам обеспечено лидерство в этой области. Я думаю, что нас обеспечат материально на долгое время.

Она широко улыбалась, и Моррисон вежливо кивнул. Он положил себе на тарелку омлет с ветчиной и спросил:

— Будет ли дипломатично подчеркнуто, что одним в экипаже был американец? Обо мне вообще упоминали?

— Не надо так плохо о нас думать. То, что вы с риском для жизни вручную развернули корабль, особо выделено в отчете.

— А смерть Шапирова? Я надеюсь, нас не обвинят в ней?

— Все понимают, что смерть была неизбежной. Хорошо известно, что лишь с помощью последних

достижений врачи поддерживали в нем жизнь. Сомневаюсь, что его смерти вообще будет уделено особое внимание.

— В любом случае,— сказал Моррисон,— кошмар позади.

— Кошмар? Ну что вы, пройдет месяц-другой, и вы будете с удовольствием вспоминать это приключение.

— Сомневаюсь.

— Вот увидите, придет время, и вам будет приятно сказать: «Я был членом первого экипажа», и вам никогда не надоест рассказывать об этом своим внукам.

«Вот и начало», — подумал Моррисон. Вслух же он произнес:

— Как вижу, вы допускаете мысль, что я когда-нибудь увижу своих внуков. Что же будет со мной после завтрака?

— Вас снова отвезут в отель.

— Нет-нет, Наталья. Мне нужно большего. Что дальше? Хочу предупредить тебя, что если информацию о минимизационном проекте собираются опубликовать и устроить парад на Красной площади, то я не собираюсь принимать в нем участия.

— О парадах не может быть и речи, Альберт. И до публикаций еще далеко, хотя и ближе, чем день назад.

— Тогда я скажу прямо: я хочу вернуться в Штаты. Сейчас же.

— Разумеется, как можно быстрее. Я думаю, что ваше правительство очень обеспокоено.

— Надеюсь, — сухо ответил Моррисон.

— Они вряд ли бы захотели, чтобы вы вернулись раньше времени, — она взглянула прямо ему в глаза, — не получив шанса, как они считают, пошпионить за нами. Но теперь, когда все закончено, а я убеждена, что они так или иначе узнают об этом, вас потребуют назад.

— И вы отправите меня? Мне постоянно обещали это.

— Мы сдержим наше слово.

— Вам не нужно думать, что я шпионил за вами. Я видел только то, что вы позволили мне видеть.

— Я знаю. Но неужели вы думаете, что после возвращения вами не будут бесконечно интересоваться спецслужбы?

Моррисон пожал плечами;

— Об этом нужно было думать раньше.

— Правда, но это не мешает нам вернуть вас. Вы не сможете рассказать ничего для них нового. Они только и делают, что суют свой нос в наши дела и...

— Как и вы в наши, — с возмущением прервал ее Моррисон.

— Несомненно, — ответила Баранова с небрежным жестом. — Конечно, вы сможете рассказать о нашем успехе. Мы ничего не имеем против. Сегодня американцы убеждают себя в том, что советская

наука и технология далеко отстали. Это послужит им хорошим уроком. Хотя одна вещь...

— А? — произнес Моррисон.

— Пустяк, но все-таки ложь. При любом публичном выступлении вы должны утверждать, если этот вопрос возникнет, что приехали сюда добровольно для того, чтобы проверить свою теорию в тех условиях, которые невозможно создать где-либо еще в мире. Это очень похоже на правду. Кто поставит это под сомнение?

— Мое правительство знает правду.

— Да, но и оно заинтересовано в этом. Ваше правительство, так же как и наше, не хочет ввергнуть мир в кризис из-за вас. Помимо того, что обострения в отношениях между Соединенными Штатами и Советским Союзом сразу же восстаноят против них весь остальной мир, Соединенные Штаты так же не хотят признавать того, что позволили выкрасть вас, как и мы не хотим признавать, что сделали это. Ну же, Альберт, это такой пустяк.

Моррисон вздохнул:

— Если вы вернете меня, как и обещаете, я буду молчать об этом похищении.

— Вы постоянно говорите «если...» — Баранова нахмурилась. — Вам явно трудно поверить в то, что я — человек слова. Почему? Потому, что я из Советского Союза? Два поколения живут в условиях мира, а старые предрассудки остались. Неужели нет места надежде на человечность?

— Доброе новое время или нет, нам по-прежнему не нравится ваша система.

— Но кто дает вам право судить нас? Нам ведь тоже не нравится ваша. Впрочем, не обращайтесь внимания. Если мы начнем ссориться, это испортит день, а он должен быть счастливым для вас и меня.

— Отлично. Не будем ссориться.

— Тогда давайте прощаться, Альберт. Когда-нибудь мы встретимся при нормальных обстоятельствах, я уверена.

Она протянула руку, и он пожал ее.

Баранова продолжила:

— Я попросила Софью проводить вас в отель и позаботиться о вашем отъезде. Думаю, Вы не будете возражать.

— Нет, мне понравилась Софья.

Баранова улыбнулась:

— Я как-то почувствовала это.

80.

Это был счастливый день для Барановой, и даже усталость не могла помешать ей.

Усталость. Сколько потребуется безмятежных дней и ночей дома с Николаем и Сашей, чтобы избавиться от нее?

Но сейчас она одна, и какое-то время можно ничего не делать. Пользуясь случаем, Баранова с наслаждением вытянулась на диванчике в своем кабинете и погрузилась в странную путаницу мыс-

лей. Благодарность из Москвы и повышение — все перемешалось с теми днями на пляже в Крыму рядом с мужем и сыном. Она задремала и увидела, как пытается догнать маленького Сашу, который упрямо приближался к набегаящим волнам морского прибоя, не думая о том, что может утонуть. В руках у нее был барабан, в который она била, чтобы привлечь его внимание, а он даже не оглядывался. Вдруг видение исчезло: стук барабана превратился в стук в дверь.

Она поднялась, поправила блузку и поспешила к двери. Открыв, она увидела хмурого Конева с занесенным для стука в дверь кулаком.

— В чем дело, Юрий? — возмущенно спросила она.

— Никто не отвечал, а я знал, что ты должна быть тут.

Баранова впустила его, хотя не испытывала никакого желания видеть его, да это и не было приятным зрелищем.

— Ты что, совсем не спал? Выглядишь ужасно.

— У меня не было времени. Я работал.

— Над чем?

— А ты как думаешь, Наталья? Над теми данными, что мы получили.

Баранова почувствовала, как исчезает ее гнев. В конце концов, это была его мечта. Мысль об успехе была приятна всем, кроме него. Только он потерпел поражение.

Она сказала:

— Сядь, Юра. Попытайся взглянуть правде в лицо. Мыслительный анализ не сработал, да и не мог. Шапиров был слишком плох. Даже в начале эксперимента он был на грани смерти.

Конев смотрел на Баранову абсолютно пустым взглядом, словно не слыша ее слов:

— Где Альберт Моррисон?

— Нет смысла обвинять его, Юра. Он сделал все, что мог, но мозг Шапирова умирал. Послушай меня: он умирал.

И снова пустой взгляд:

— О чем ты говоришь, Наталья?

— О тех данных, что мы получили. О данных, над которыми ты бьешься. Оставь это. То, что мы сделали, и без них великолепно.

Конев опустил голову:

— Великолепно и без них? Ты не понимаешь, что говоришь. Где Моррисон?

— Он уехал. Все закончено. Он летит в Соединенные Штаты. Как мы и обещали.

Глаза Конева широко раскрылись:

— Но это же невозможно. Он не может уехать. Он не должен уехать!

— Ну, перестань, — спокойно сказала Баранова, — о чем ты говоришь?

Конев вскочил на ноги:

— Я просмотрел все данные, ты глупая женщина, ведь все очень просто. Мы должны задержать Моррисона. Любой ценой мы должны задержать его.

Лицо Барановой покраснело:

— Как ты смеешь оскорблять меня? Немедленно объяснись или я отстраню тебя от проекта. Что у тебя за новая идея фикс?

Конев взмахнул рукой, словно его переполняло желание ударить по чему-нибудь, но ничего подходящего не было.

Он вздохнул:

— Извини, извини. Я снимаю прилагательное. Но ты должна понять. Все это время, что мы провели в мозгу Шапирова, все это время, что мы пытались перехватить его мысли, Альберт Моррисон обманывал нас. Он знал, что происходит. Он должен был знать и нарочно вел нас не в том направлении. Мы должны задержать его и прибор. Мы не можем отпустить его.

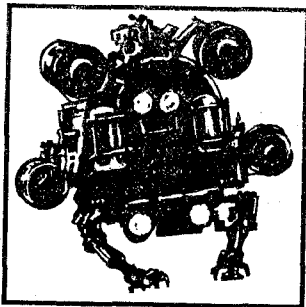
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ?

*«В успехе неприятно то,
что может оказаться не на твоей стороне».*

Дежнев Старший.

81.

Моррисон изо всех сил старался контролировать свои чувства. Это — обычная радость. Он отправляется домой. Он будет свободен. Он будет в безопасности.

Больше того, он сможет...

Но об этом он даже не осмеливался думать. Конев чертовски умен и подозрителен. Моррисон мог выдать себя даже выражением лица. А если они просто играют с ним? Это — другая сторона вопроса. Что, если они решили сломать его и использовать в своих собственных интересах? Это — старый трюк, пробудить в душе

человека надежду, а затем разрушить ее. Это куда хуже, чем если бы ее не было вообще. Способна ли Баранова на такое? Она не колебалась ни секунды, угрожая погубить его репутацию, чтобы только заполучить его на корабль. Насколько далеко она может зайти? Остановится ли она хоть перед чем-нибудь?

Его сердце облегченно дрогнуло, когда появилась Софья. Уж она-то не станет принимать участие во всем этом.

Он еще больше укрепился в своем мнении, когда она улыбнулась ему счастливее, чем когда-либо.

Она взяла его под руку и сказала:

— Итак, вы возвращаетесь домой. Я рада за вас.

И вновь Моррисон не мог поверить, что ее слова, интонация, выражение лица не были частью хорошо продуманной игры.

Тем не менее он осторожно ответил:

— Надеюсь, что домой.

И она снова улыбнулась:

— Ну конечно же! Вы когда-нибудь летали на скиммере?

На секунду Моррисон споткнулся о слово «скиммер» и переспросил:

— Ты имеешь в виду флайер на солнечных батареях?

— Советский вариант. Гораздо лучше. У него есть легкие моторы. Не всегда можно положиться на солнце.

— Тогда почему скиммер?

Они быстро шли к выходу из здания.

— А почему нет? Мы будем в Малграде через пятнадцать минут, и раз уж вы никогда не летали на скиммере, вам понравится. Это еще один способ отпраздновать наше возвращение.

— Я немного побаиваюсь высоты. Это безопасно?

— Абсолютно. Кроме того, я просто не могу устоять перед таким соблазном. Мы сейчас в замечательной ситуации, и я не знаю, сколько это еще продлится. Стоит только захотеть, и все желания тут же исполняются. Я сказала: «Нам потребуется скиммер», — и все заулыбались и ответили: «Ну конечно же, доктор Калныня. Скиммер в вашем распоряжении». Еще позавчера мне бы пришлось заполнить кучу бумаг из-за лишней тарелки борща. Сегодня я — Герой Советского Союза, неофициально пока, как и все мы. И вы, Альберт, тоже.

— Я надеюсь, мне не придется ждать официальной церемонии, — все еще настороже, сказал Моррисон.

— Официальные церемонии пройдут прямо здесь, в Гроуте, и вам обязательно передадут вашу награду. Возможно, это сделает наш посол в Вашингтоне.

— Нет необходимости, — ответил Моррисон. — Я бы предпочел получить ее по почте.

Они свернули в коридор, в котором он никогда не был, и шли по нему так долго, что Альберт начал беспокоиться. «И совершенно зря», — подумал он, когда они вышли на небольшой аэродром.

Они подошли к скиммеру. У него были длинные крылья, поблескивающие от фотогальванического покрытия, совсем как у американских флайеров.

Но их самолеты полностью полагались на солнечные батареи, а у советского скиммера были, вдобавок ко всему, небольшие бензиновые моторы. Калныня могла говорить об этом как об улучшении в конструкции, но Моррисон подозревал, что советское фотогальваническое покрытие не так эффективно, как американское.

Калныня обратилась к механику, стоящему возле скиммера:

— Как прошла проверка?

— Как сладкий сон, — ответил тот.

Она улыбнулась и кивнула, но как только механик отошел, прошептала Моррисону:

— Я проверю еще раз. Я уже видела, как сны превращаются в кошмары.

Моррисон оглядел скиммер со смешанным чувством любопытства и опаски. Он был похож на скелет самолета, и каждая деталь казалась тоньше и длиннее, чем положено. Кабина была крошечной, похожей на мыльный пузырь.

Калныня забралась на место пилота и склонилась над приборами. Через некоторое время она развернула скиммер, проехала по взлетной полосе и вернулась, проверила работу двигателей на разных оборотах и, наконец, сказала:

— Все работает отлично, запас топлива достаточный, и солнце светит всюду. Что еще нужно?

Моррисон кивнул и оглянулся:

— Нужен пилот. Где он?

Калныня сразу же посерьезнела:

— Где он? Существуют лишь сексуальные ограничения? Я сама вожу свой скиммер.

— Ты?! — непроизвольно воскликнул Моррисон.

— Да, я. А почему бы и нет? У меня есть права и квалификация мастера. Забирайтесь.

— Извини, — запинаясь, произнес Альберт. — Я... Я редко летаю и ничего в этом не понимаю. Я просто считал, что пилот не занимается ничем, кроме вождения самолетов, а если он делает еще что-то, то он не пилот. Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Даже и не собираюсь, Альберт. Забирайтесь.

Моррисон вскарабкался в кабину, следуя ее указаниям и стараясь не удариться головой о какую-либо часть скиммера и не повредить его.

Он сел на сиденье и с ужасом увидел, что справа от него скиммер совершенно открыт.

— Здесь что, нет двери?

— Зачем она вам? Она только испортит замечательное ощущение полета. Пристегнитесь, и вы будете в полной безопасности. Вот здесь, я покажу. Теперь готово?

Она выглядела абсолютно уверенной и довольной.

— Насколько это вообще возможно, — ответил он.

— Не глупите. Вам обязательно понравится. Мы взлетим с помощью моторов.

Послышался высокий звук и ритмичные хлопки пропеллеров. Скиммер медленно поднялся в воздух и так же медленно развернулся.

Во время поворота он накренился в правую сто-

рону, и если бы не ремни, то Моррисон вывалился бы. Он с трудом удержался от страстного желания обхватить обеими руками Калныню, хотя мысли его были далеки от эротики.

Скиммер выпрямился и Калныня сказала:

— А теперь слушайте, — она выключила двигатели и нажала на кнопку, над которой кириллицей было написано: «СОЛНЦЕ». Моторы умолкли и начал вращаться передний пропеллер. Скиммер медленно и практически бесшумно продолжал движение.

Калныня прошептала:

— Послушайте, какая тишина.

Моррисон напряженно глянул вниз.

Калныня сказала:

— Мы не упадем. Даже если облако закроет солнце или короткое замыкание выведет из строя фотогальваническое покрытие, у нас хватит топлива на многие километры. Мы сможем благополучно приземлиться. И даже если топливо закончится, скиммер приземлится, как планер. Я не думаю, что мы сможем попасть в катастрофу, даже если захотим. Единственная настоящая опасность — это сильный ветер, но его нет.

Моррисон с трудом проглотил слюну и сказал:

— Очень плавное движение.

— Конечно. Мы движемся не быстрее автомобиля, но ощущения гораздо приятнее. Я обожаю летать. Попробуйте расслабиться и посмотрите в небо. Нет ничего более мирного, чем скиммер.

Он спросил:

— Когда ты начала летать?

— В двадцать четыре года я получила права мастера. Так же, как и Ю... Как и он. Сколько прекрасных летних часов мы провели в воздухе вместе! Ее лицо слегка дрогнуло, и Моррисону внезапно пришло в голову, что она выбрала скиммер для этого краткого полета в Малград только ради воспоминаний.

— Это может быть и опасным,— сказал он.

— Не очень, если ты знаешь, что нужно делать. Однажды мы летали в предгорьях Кавказа, и вот это было опасным. Шквал ветра запросто может ударить тебя о склон горы, и тут уже не до смеха. Но мы были молодыми и беспечными. Хотя для меня, может быть, было бы и лучше, если бы это случилось.

Ее лицо потемнело, но через секунду осветилось улыбкой.

Моррисон почувствовал, как в нем снова просыпается недоверие. Если сама мысль о Коневе делает ее такой счастливой, то почему же она не могла заставить себя на корабле даже взглянуть на него?

Он сказал:

— Я вижу, ты не прочь поговорить о нем, Софья... — он намеренно произнес запрещенное слово, — о Юрии. Похоже, это доставляет тебе даже удовольствие.

Калныня процедила сквозь зубы:

— Удовольствие мне доставляют вовсе не сентиментальные воспоминания, смею вас заверить, Аль-

берт. Гнев, разочарование и разбитое сердце могут испортить человека. Я мечтаю о мести, и у меня настолько подлый характер, хотя и достаточно человеческий, чтобы насладиться ей.

— Месть? Я не понимаю.

— Все очень просто, Альберт. Он лишил меня любви, а мою дочь — отца в тот момент, когда я не могла защищаться. Ему было наплевать на нас, у него была мечта — воплотить в жизнь минимизационный проект и в один миг стать самым известным ученым в мире, а может быть, и в истории.

— Но у него ничего не вышло. Мы не получили необходимой информации из мозга Шапирова. Вы же знаете.

— Только вы не знаете его. Он никогда не сдается. Я случайно увидела, как он смотрел на вас после возвращения. Я знаю этот взгляд, Альберт, я читаю его мысли по движению ресниц. Он считает, что вы знаете ответ.

— Мысли Шапирова? Но откуда?

— Знаете вы или не знаете — это не имеет никакого значения. Он считает, что знает, и хочет получить вас и ваш прибор больше всего на свете, уж, конечно, больше, чем хотел меня или ребенка. И я увожу вас от него, Альберт. Своими собственными руками я увожу вас из Грота и сделаю все, чтобы вы покинули страну. Я хочу увидеть, как он кусает локти.

Моррисон с изумлением взглянул на нее. Он и не

подозревал, что Калныня способна на такую злую радость.

82.

Баранова выслушала сбивчивый рассказ и почувствовала, как ей передается его убежденность. Это уже случалось и раньше — когда он смог убедить ее, что *можно изучить мозг умирающего Шапирова* и что американский нейрофизик — ключ к нему.

На этот раз она попыталась сопротивляться. Наконец, она сказала:

— Это звучит невероятно.

Конев спросил:

— Какая разница, как это звучит, если это правда?

— А это правда?

— Я уверен.

— По моему мнению, нам не хватает Дежнева. Он бы напомнил тебе высказывание своего отца, что убежденность — это не гарантия правды.

— Не гарантирует ее и обратное. Если ты согласишься со мной, ты поймешь, что его нельзя отпускать. Ни в коем случае сейчас и, возможно, никогда.

Баранова решительно покачала головой:

— Слишком поздно. Ничего нельзя поделать. Штаты хотят получить его обратно, и наше правительство согласилось на это. Отступить сейчас от своего слова — значит, ввергнуть мир в кризис.

— Принимая во внимание, что поставлено на карту, мы должны рискнуть. Будет много шума

месяц-другой, но мы получим то, что нам нужно, потом, если будет так уж нужно, можно будет его отпустить... Или устроить несчастный случай...

Баранова вскочила на ноги:

— Нет! То, что ты предлагаешь, — немыслимо. Это же двадцать первый век!

— Наталья, какой бы век ни был, перед нами стоит один и тот же вопрос — им или нам будет принадлежать Вселенная.

— Ты же знаешь, что не сможешь убедить Москву. Правительство получило, что хотело, — благополучное путешествие в человеческое тело. Большого сейчас ничего не нужно. Они никогда не поймут, что мы хотели узнать. Мы не объясняли им это.

— И это было ошибкой.

— Юрий, ты знаешь, сколько времени пришлось убеждать их в необходимости заполучить Моррисона любым способом? Они не хотели рисковать тогда, а уж теперь и подавно.

— Правительство состоит не из одного человека. Есть много высокопоставленных чиновников, убежденных, что мы слишком легко уступаем первенство Америке. Есть люди, к которым я могу обратиться...

— Это я знаю. Ты играешь в опасную игру, Юрий. Более опытные люди, чем ты, запутывались в подобных интригах и плохо заканчивали.

— У меня есть шанс, и я должен воспользоваться им. В этом вопросе я смогу управиться с правительством. Но мы должны вернуть Альберта Моррисона. Без него все пропало. Когда он должен улететь?

— Поздно ночью. Мы с Софьей решили, что не нужно привлекать к себе внимание тех, кто против сотрудничества с Америкой, и ночь лучше, чем день.

Его глаза, казалось, были готовы вылезти из орбит.

— С Софьей? А она тут при чем?

— Она отвечает за его возвращение. Она сама так захотела.

— Она сама захотела?

— Да, мне показалось, что она захотела побыть с ним еще немного. — В ее голосе появилась злость:

— Может, ты и не заметил, но ей понравился этот американец.

Конев с презрением хмыкнул:

— Ни капельки. Уж я-то ее знаю. Она увозит его от меня. Сидя рядом с ним в корабле, видя каждое его движение, она догадалась о том, насколько он важен. Она хочет лишиться меня его и не станет ждать ночи.

Он вскочил на ноги и выбежал из комнаты.

— Юрий! — крикнула ему вдогонку Баранова, — Юрий, что ты собираешься делать?

— Остановить ее, — бросил он через плечо.

Она задумчиво смотрела ему вслед. Она могла бы остановить его. У нее была власть. У нее были средства. И тем не менее...

Что, если он прав? Что, если на карту поставлено не больше и не меньше, чем господство над Вселенной? Если она остановит его, все, абсолютно все, может оказаться в руках американцев. Если она

позволит ему действовать, может разразиться невиданный скандал. Ей нужно сейчас же принять решение. Она начала обдумать все сначала.

Если она остановит его, ей нужно что-то сделать. Если потом окажется, что он был прав, ее обвинят в том, что они потерпели поражение. Если же он не прав, то никто и не вспомнит о том, что она остановила его. Нет ничего страшного в ошибке, которая не сделана.

Если же она не остановит Коневу, за все будет отвечать он. Если так или иначе ему удастся задержать Моррисона и разразится правительственный скандал, во всем будет виноват он. Баранова ничего не потеряет, так как он бросился в погоню, не сказав ей, что он собирается делать. А она вполне может заявить, что ей и в голову не могло прийти, что он попытается помешать выполнению решения правительства. Она будет вне подозрений. С другой стороны, если он прав в отношении Моррисона и правительство выиграет ту битву нервов и воли, которая последует, она может претендовать на часть успеха. Она может сказать, что он действовал с ее разрешения. Итак, если она остановит его, в худшем случае на нее падет вина, в лучшем — ничего. Если же она не станет ничего делать, то в лучшем случае будет успех, в худшем — ничего. Поэтому Баранова не стала ничего делать.

83.

Моррисон решил, что Калныня была права. С каждой минутой он чувствовал себя все увереннее в скиммере и даже начал испытывать какое-то удовольствие. Он видел, как земля медленно уплывала назад. Софья была абсолютно поглощена приборами, хотя Моррисону казалось, что у нее немного работы. Он спросил:

— А что будет, если мы попадем во встречный ветер?

Она ответила, не поднимая глаз:

— Тогда мне придется запустить двигатели. Если бы был сильный ветер, не стоило бы вообще брать скиммер. Но сегодня прекрасная погода.

Он в первый раз осмелился представить возвращение в Соединенные Штаты, затем спросил:

— Что будет после того, как мы доберемся до отеля в Малграде?

— Автомобилем в аэропорт, — решительно ответила Калныня, — а затем самолетом в Америку.

— Когда?

— По расписанию, сегодня ночью. Но я постараюсь, чтобы это случилось быстрее.

Моррисон сказал с каким-то почти весельем:

— Не терпится избавиться от меня?

И к своему удивлению тут же получил ответ:

— Да. Именно так.

Он внимательно оглядел ее профиль. Выражение ненависти исчезло, он дрогнул, увидев, насколько

она обеспокоена. Картина возвращения в Соединенные Штаты постепенно растаяла. Он спросил:

— Что-то не так?

— Нет, пока все в порядке. Просто я думаю, что ... он наверняка преследует нас. Волк вышел на охоту, и я должна отправить вас отсюда как можно скорее.

84

Под ними появился Малград. Он был, действительно, маленьким и представлял собой «спальный городок» для сотрудников минимизационного проекта. Днем он казался совершенно пустынным. Кое-где были видны машины, редкие прохожие и, конечно, дети, играющие на пыльных улицах. Моррисон неожиданно подумал, что он не имеет ни малейшего представления, в какой части этой огромной страны находятся Малград и Грот. Рядом не было ни березовых лесов, ни тундры. Возможно, это была центральная Азия или Прикаспийские степи. Скиммер плавно опускался на землю. Моррисон никогда бы не поверил, что возможно такое плавное снижение. Скиммер коснулся земли и подрулил к ближайшей стоянке. Они были позади отеля.

Калныня легко прыгнула на землю и жестами показала Моррисону, как лучше спуститься.

Он спросил:

— Что будет со скиммером?

Она беспечно ответила:

— Если погода продержится, я вернусь на нем в Грот. Пойдемте в вашу комнату. Там вы сможете немного отдохнуть, и мы подумаем, что делать дальше.

— В комнату с охраной?

Она нетерпеливо ответила:

— Там не будет никакой охраны. Считается, что вы не попытаетесь сбежать. — Быстро оглядевшись вокруг, она добавила:

— Хотя я бы предпочла охрану.

Моррисон также огляделся, начиная нервничать, и подумал, что он в ней не нуждается. Ему пришло в голову, что если Конев попытается вернуть его, как этого опасается Калныня, то он скорее всего прибудет с охраной. Затем он подумал: «А этого ли нужно опасаться? Она ведь просто помешана на Юрии и поверит всему, что он скажет». Эта мысль также не добавила спокойствия.

Моррисон в прошлый раз не видел отель при ярком дневном свете. Сейчас он решил, что в нем останавливаются только официальные чиновники и специальные гости, такие, как, скажем, он. Интересно, а бывает он когда-нибудь полон людей? Те две ночи, которые он здесь провел, были очень спокойные. Он не помнил ни шума в коридорах, ни людей в ресторане во время обеда.

В этот момент они подошли к центральному входу и увидели полную рыжеволосую женщину, греющуюся на солнышке и уставившуюся в книгу. С ее носа свисало пенсне. (Моррисон был поражен этим пред-

метом старины. Сейчас, когда корректировка зрения стала обычным явлением, и очки-то редко увидишь). Пенсне и задумчивое выражение лица так изменили ее, что Моррисон не сразу понял, кто это. Женщина была той самой официанткой, к которой он три вечера обращался с призывом о помощи и которая выдала его. Валерия Палерон. Он строго и враждебно сказал:

— Доброе утро, товарищ Палерон.

Не похоже было, что она пришла в замешательство. Палерон подняла голову, сняла пенсне и сказала:

— А, товарищ американец. Вы вернулись целы и невредимы. Поздравляю.

— С чем?

— Об этом говорит весь город. С успешным экспериментом.

Калныня резко вмешалась:

— Город не должен говорить об этом. Нам не нужны болтуны и хвастуны.

— А кто болтает и хвастается? Покажите мне хоть одного человека, который бы не работал в Гроде или у него не было родственника, работающего там. Почему нам нельзя знать, что там происходит, и говорить об этом? Как я могу не слышать этих разговоров? Мне что, уши затыкать? Я не могу одновременно нести поднос и затыкать уши. — Она повернулась к Моррисону: — Я слышала, что вы отлично справились с заданием.

Моррисон пожал плечами.

— И этот человек,— она снова повернулась к хмурой Калныне, — хотел сбежать отсюда. Он обратился за помощью ко мне, к официантке. Я, конечно же, сразу доложила об этом, и он был очень огорчен. Даже сейчас, посмотрите, как он смотрит на меня.— Она погрозила ему пальцем.— Но подумайте только, какую услугу я вам оказала. Если бы я не остановила вас, разве вы добились бы такого грандиозного успеха? И маленькая царица Софья наверняка влюбилась в вас.

Калныня сказала:

— Если вы сейчас же не прекратите этот дурацкий разговор, я доложу о вас руководству.

— Давайте,— Палерон уперлась руками в бедра и удивленно подняла брови. — Я выполняю свою работу, я — благонадежный гражданин и не сделала ничего дурного. О чем вы доложите? Кстати, вас ожидает потрясающий автомобиль.

— Не вижу никакого потрясающего автомобиля, — сказала Калныня.

— Он не на парковочной площадке, а с другой стороны отеля.

— Почему вы думаете, что он ждет меня?

— Вы — единственная важная персона в отеле. Для кого же он еще? Для портье? Или, может быть, для администратора?

— Пойдемте, Альберт,— сказала Калныня, — мы зря теряем время.

Она прошла так близко от официантки, что на-

ступила ей на ногу. Возможно, не случайно. Моррисон смущенно пошел за ней.

— Ненавижу эту женщину,— проговорила Калныня, поднимаясь по лестнице на третий этаж.

— Вы думаете, она здесь работает по заданию Центрального Координационного Комитета? — спросил Моррисон.

— Кто знает? Но что-то здесь не так. Она просто одержима бесом дерзости. Она не знает своего места.

— Своего места? А что, в Советском Союзе есть классовые различия?

— Ваш сарказм здесь ни к чему. Может быть, считается, что их нет и в Соединенных Штатах, но ведь это не так. Я знаю, что говорит по этому поводу наука, но никто не может жить голой теорией. Если отец Аркадия и не сказал ему однажды этого, то должен был бы.

Они поднялись в ту комнату, в которой Моррисон жил неделю назад.

Он осмотрел ее с каким-то неприятным чувством. Здесь было неуютно, хотя солнечный свет делал ее не такой мрачной, да и надежда вернуться домой прибавляла всему происходящему оптимизма. Калныня села в лучшее из двух кресло, закинула ногу на ногу. Моррисон уселся на кровати и задумчиво уставился на ее ноги. У него никогда не было случая порадоваться собственной невозмутимости в трудной ситуации, поэтому видеть, что кто-то нервничает еще больше, чем он, было для него странным и необычным.

Он спросил:

— Похоже, ты очень беспокоишься, Софья. В чем дело?

Она ответила:

— Я уже говорила вам. Меня беспокоит эта женщина, Палерон.

— Она не могла так тебя взволновать. В чем дело?

— Я не люблю ждать. Дни сейчас длинные. Еще девять часов до захода солнца.

— Надо удивляться, что мы говорим о часах. Переговоры дипломатов могли бы затянуться на месяцы. — Он сказал об этом легко, но подобная мысль заставила его сердце сжаться.

— Только не в этом случае. Делом занялись шведы. Прилетит не американский самолет. Пропустить его вглубь территории страны — на это наше правительство еще не может пойти. А вот шведский... Они выступают в роли посредников и стараются свести все возможные недоразумения к минимуму.

— Мы в Штатах считаем, что шведы, в лучшем случае, относятся к нам равнодушно. Я думал, что это будет Великобритания.

— Ну-ну, с таким же успехом вы бы могли назвать Техас. Может быть, к вам Швеция и равнодушна, но к нам она относится лучше. В любом случае, чтобы разрядить ситуацию, нужны шведы и их принципы.

— Послушайте, это я должен торопиться, я больше всего на свете хочу уехать. Почему вы так волнуетесь из-за нескольких часов?

— Я уже говорила вам. Он — рядом.

— Юрий? Но что он может сделать? Если ваше правительство выдает меня...

— В правительстве есть люди, которым вовсе не хочется отпускать вас, и наш... друг знает кое-кого из них.

Моррисон приложил палец к губам и огляделся.

Калныня спросила:

— Бойтесь, что нас подслушивают? Сюжет для американского шпионского романа. В наши дни обнаружить «клопа» и уничтожить очень просто. Я всегда ношу с собой детектор и еще ни разу он не сработал.

Моррисон пожал плечами:

— Тогда говорите, что хотите.

— Наш друг — сам не политический экстремист, но он может использовать кое-кого из них в правительстве. В Америке ведь тоже есть экстремисты, не так ли?

— Те, кто считают, что наша политика в отношении Советского Союза слишком мягкая? — Моррисон кивнул. — Да, я встречал некоторых.

— Вот видите. Его пожирает честолюбие, и если экстремизм поможет осуществлению его планов, он станет экстремистом.

— Надеюсь, вы не думаете, что он способен организовать переворот в Москве и привести консерваторов к власти, причем успеть это сделать до моего отлета?

— Вы неправильно меня поняли, Альберт, он может убедить кого-нибудь в правительстве занять жесткую позицию и отложить ваше возвращение на неопределенное время. Он может быть очень убедительным.

тельным, наш общий друг, особенно, когда он в полной власти своей мании. Он может повлиять даже на Наталью.

Калныня замолчала и прикусила нижнюю губу. Наконец, она посмотрела на него и сказала:

— Он не откажется от своего замысла. Я уверена. Необходимо срочно вывезти вас отсюда. — Она неожиданно встала и короткими мягкими шагами пересекла комнату. Остановилась перед дверью, прислушалась и резко рванула ее на себя. Перед дверью с вкрадчивым выражением лица и приготовленной для стука рукой стояла Палерон.

— Что вы хотите? — грубо спросила Калныня.

— Я? — переспросила официантка. — Я — ничего. А вот вы? Я хотела узнать, не хотите ли вы чаю?

— Мы не заказывали чай.

— Я и не говорю, что заказывали. Я пришла из вежливости.

— Тогда уйдите из вежливости. И больше не возвращайтесь.

Палерон с покрасневшим лицом сквозь зубы произнесла:

— Может, я не вовремя?

— Убирайтесь! — крикнула Калныня. Она хлопнула дверью, медленно сосчитала до десяти (ее губы беззвучно шевелились) и затем вновь распахнула дверь. Никого не было. Она закрыла дверь на замок, отошла в другой конец комнаты и сказала:

— Она простояла там какое-то время. Я слышала шаги.

Моррисон ответил:

— Ну если время электронного прослушивания прошло, то появился спрос на старомодное подглядывание в замочную скважину.

— Но для кого она это делала?

— Ты думаешь, для Юрия? Вряд ли у него есть деньги, чтобы нанимать шпионов, или все же есть?

— Это может недорого стоить. Такая женщина может заниматься этим ради удовольствия.

Какое-то время они молчали, затем Моррисон сказал:

— Софья, если ты окружена шпионами, почему бы тебе не улететь со мной в Америку?

— Что? — она, казалось, не расслышала его.

— У тебя могут быть неприятности из-за того, что ты мне помогаешь.

— Почему? У меня есть официальные документы, чтобы поместить тебя на самолет. Я выполняю приказ.

— Если им понадобится, из тебя могут сделать козла отпущения. Почему бы тебе просто не улететь со мной в Америку?

— Вот как? А что будет с моим ребенком?

— Мы пошлем за ней позже.

— Мы пошлем за ней? Что ты мне предлагаешь?

Моррисон слегка покраснел:

— Я не знаю. Но мы, конечно, можем быть друзьями. Тебе понадобятся друзья в новой стране.

— Но это невозможно, Альберт. Я ценю твою доброту и заботу, или жалость, но это невозможно.

— Нет, возможно, это ведь не двадцатый, а двадцать первый век. Люди могут свободно передвигаться по всему свету.

— Дорогой Альберт, — сказала Калныня, — тебе хочется жить теорией. Да, люди могут передвигаться повсюду, но у каждого народа есть свои исключения. Советский Союз не позволит высококвалифицированному ученому с опытом минимизации покинуть страну. Подумай об этом, и ты поймешь, что это резонно. Если я отправлюсь с тобой, Советский Союз немедленно заявит протест, будет объявлено, что меня похитили. Во всех уголках мира поднимется шум, и, чтобы избежать кризиса, меня выпшлют из страны. Шведы сработают так же быстро, как и в случае с тобой.

— Но в моем случае действительно было похищение.

— Многие поверят, что и меня тоже похитили, или предпочтут поверить. Десятки кризисов удалось погасить таким образом.

— Если ты будешь настаивать на том, что хочешь остаться в Соединенных Штатах...

— Тогда я больше никогда не увижу своего ребенка, да и моя жизнь будет в опасности. Кроме того, я не хочу лететь в Соединенные Штаты.

Моррисон был удивлен.

Калныня спросила:

— В это так трудно поверить? А ты хочешь остаться в Советском Союзе?

— Конечно же нет. Моя страна... — он замолчал.

Она сказала:

— Вот именно. Ты постоянно говоришь о гуманнос-

ти, о важности глобального взгляда на мир, но если добраться до твоих чувств, то там окажется твоя страна. У меня тоже есть страна, язык, литература, культура, образ жизни. Я не хочу отказываться от всего этого.

Моррисон вздохнул:

— Ты права, Софья.

Калныня сказала:

— Я не могу больше оставаться в этой комнате, Альберт. Нет никакого смысла ждать. Давай спустимся в автомобиль, и я отвезу тебя к шведскому самолету.

— Он, наверное, еще не прилетел.

— Тогда мы будем ждать на аэродроме и, по крайней мере, я буду уверена, что как только он прилетит, ты сразу же взойдешь на его борт. Я хочу убедиться в том, что ты спокойно улетишь. А вот потом я хочу увидеть его лицо.

Она вышла из комнаты и начала спускаться по лестнице. Моррисон поспешил за ней. Они прошли по коридору, покрытому ковром, и вышли с другой стороны отеля. Там, у стены, стоял сверкающий черный лимузин. У Моррисона на мгновение перехватило дыхание:

— Это — роскошная машина. Ты сможешь ее вести?

Калныня улыбнулась... и замерла. Из-за угла отеля вышел Конев. Он остановился, и какое-то время они неподвижно стояли, словно пара Горгон, каждая из которых превратила другую взглядом в камень.

85.

Первым заговорил Моррисон. Он слегка хрипло произнес:

— Ты приехал проводить меня, Юрий? Если так, то прощай, я улетаю.

Он сам почувствовал фальшь своих слов, сердце его заколотилось. Юрий бросил быстрый взгляд на него и вновь повернулся к Софье. Моррисон сказал:

— Пойдем, Софья.

С таким же успехом он мог и ничего не говорить. Когда она, наконец, заговорила, ее слова были обращены к Коневу.

— Что ты хочешь? — резко спросила она.

— Американца, — ответил Конев тоном не мягче.

— Я его увожу.

— Нет. Он нужен нам. Он нас обманул, — голос Конева стал спокойнее.

— Это ты так говоришь, — ответила Калныня. — У меня есть приказ. Я должна посадить его на самолет и увидеть, как он взлетит. Ты его не получишь.

— Он нужен не мне, а стране.

— Говори, говори. Скажи, что он нужен Священной Матери России, и я рассмеюсь тебе в лицо.

— Этого я не скажу. Он нужен Советскому Союзу.

— Ты думаешь только о себе. Уйди с моей дороги.

Конев сделал несколько шагов и преградил им путь к автомобилю:

— Нет, ты не понимаешь, как важно, чтобы он остался. Поверь мне. Мой доклад уже в Москве.

— Не сомневаюсь и даже догадываюсь, у кого. Но этот старик ничего не сможет сделать. Он не посмеет и слова сказать в Президиуме, а если и посмеет, Альберт будет уже далеко.

— Нет, он не улетит.

Моррисон сказал:

— Я сам позабочусь о нем, Софья. Открой дверь машины.

Он слегка дрожал. Конев был не очень крупным мужчиной, но выглядел крепким и выносливым. Моррисон не считал себя удачливым гладиатором. Калныня подняла руку, повернув ее ладонью к Моррисону:

— Стой там, Альберт.

Она вновь обратилась к Коневу:

— Как ты собираешься остановить меня? У тебя есть оружие?

Конев удивился:

— Нет, конечно, нет. Это запрещено законом.

— Неужели? А вот у меня есть.

Она вытащила из кармана жакета маленький пистолет, почти полностью скрывшийся в ее ладони. Конев отшатнулся, его глаза расширились.

— Это станнер.

— Конечно, пострашнее, чем пистолет, не так ли? Я предполагала, что ты можешь вмешаться, поэтому я подготовилась.

— Это противозаконно.

— Тогда заяви обо мне, и я в свое оправдание сошлюсь на необходимость выполнить свои обязанности несмотря на твое преступное вмешательство. Пожалуй, я получу благодарность.

— Не получишь, Софья...

Он сделал шаг вперед. Она отступила.

— Не подходи. Я могу выстрелить даже сейчас. Помнишь, что с человеком делает станнер? Он взрывает твой мозг. Ты ведь так мне это объяснял? Ты потеряешь сознание и придешь в себя с частичной амнезией. Чтобы выздороветь, тебе потребуются часы, а может быть, и дни. Я даже слышала, что некоторые люди больше никогда не выздоравливали. Представь, что твой замечательный мозг никогда не восстановится.

— Софья... — повторил он.

Она произнесла сквозь сжатые губы:

— Ты называешь меня по имени? Почему? Последний раз ты сделал это, когда сказал: «Софья, мы больше никогда не будем разговаривать, никогда не будем смотреть друг на друга». Убирайся и держи свое слово, ты, жалкий...

(Она употребила русское слово, которое Моррисон не понял).

Конев в третий раз произнес побелевшими губами:

— Софья... Выслушай меня. Можешь считать, что каждое мое слово — ложь, но выслушай. Этот американец представляет собой смертельную угрозу Советскому Союзу. Если ты любишь свою страну...

— Я устала от любви. Что она сделала со мной?

— А что она сделала со мной? — прошептал Конев.

— Ты любишь только себя, — с горечью сказала Калныня.

— Нет. Ты постоянно повторяешь это, но это не так. Если я хоть сколько-нибудь уважаю себя, то потому, что только я могу спасти страну.

— Ты веришь в это? — изумилась Калныня. — Ты что, действительно веришь в это? Да ты сумасшедший.

— Нисколько. Я знаю, чего стою. И я никому не позволю удержать меня, даже тебе. Ради нашей страны и нашей работы я должен был расстаться с тобой. Я должен был расстаться с моим ребенком. Мне пришлось разорвать себя на две части и отбросить лучшую из них.

— Твоим ребенком? — переспросила Калныня. — Ты что, признаешь ответственность?

Конев опустил голову:

— Что я мог сделать? Ничто не должно было мешать работе. Я люблю тебя. Я всегда любил тебя. И я всегда знал, что это мой ребенок.

— Тебе так нужен Альберт?

Ее станнер не дрожал.

— Ты готов признать, что это твой ребенок, что ты любишь меня, я поверю, ради этого отдам тебе Альберта, а потом ты снова от всего откажешься? Как же мало ты меня знаешь!

Конев покачал головой:

— Как мне убедить тебя? Хорошо, если я созна-

тельно отказался от всего, что имел, то я не могу рассчитывать получить все это назад, не так ли? Ну что ж, может быть, ты отдашь мне американца ради нашей страны? Позволь мне объяснить тебе всю необходимость в этом.

— Я не желаю слушать твои объяснения.

Калныня бросила взгляд на Моррисона:

— Ты слышишь его, Альберт? Ты не представляешь, с какой жестокостью он отшвырнул прочь меня и мою дочь. А теперь он ждет, что я поверю в то, что он всегда любил меня.

И тут Моррисон услышал свой голос:

— Это правда, Софья. Он любит тебя и всегда любил — отчаянно.

На мгновение Калныня застыла:

— Откуда ты знаешь, Альберт? Он и тебя обманул?

Конев взволнованно закричал:

— Он знает. Он сам признал это. Ты видишь? Он почувствовал это с помощью своего компьютера. Если ты позволишь мне все объяснить, ты все поймешь.

Калныня спросила:

— Это правда, Альберт? Ты подтверждаешь его слова?

Моррисон прикусил было язык, но глаза выдали его. Конев сказал:

— Моя любовь была неизменна, Софья. Я страдал так же, как и ты. Но отдай мне Альберта, и все будет кончено. У меня будет моя работа, ты и наш

ребенок, чего бы мне это не стоило, и будь я проклят, если я не справлюсь.

На глазах Калныни появились слезы.

— Как я хочу верить тебе, — прошептала она.

— Тогда поверь. Ведь он сказал тебе.

Двигаясь словно во сне, Калныня подошла к Коневу. Моррисон крикнул: «Твой приказ...», — и кинулся на них. Но тут же чьи-то руки обхватили его, и кто-то сказал:

— Спокойнее, товарищ американец. Не надо нападать на советских граждан.

Это была Валерия Палерон. Калныня прижалась к Коневу, рука, сжимающая станнер, безвольно повисла.

Палерон сказала:

— Академик, доктор, мы слишком бросаемся здесь в глаза. Давайте вернемся в комнату. Проходите, товарищ американец, и ведите себя спокойно, не то я буду вынуждена причинить вам боль.

Конев поймал взгляд Моррисона и торжествующе улыбнулся. У него было все — любимая женщина, его ребенок и его американец. Моррисон видел, что его мечта о возвращении домой лопнула, как мыльный пузырь.

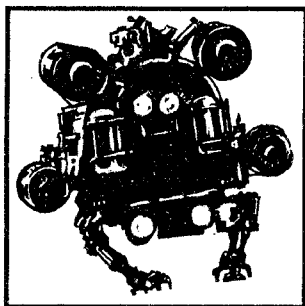
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ПОВОРОТ

«При настоящей победе нет проигравших».

Дежнев Старший.

86.

Еще пятнадцать минут назад Моррисон думал, что больше никогда не увидит эту комнату в отеле. Он был на грани отчаяния, и его состояние было хуже, чем когда он остался один во внутриклеточном пространстве. Что толку? Снова и снова он повторял про себя эти слова. Он проиграл. Он всегда проигрывает. В течение многих часов ему казалось, что он нравится Софье Калныне, но ошибался. Он был всего лишь оружием в борьбе против Конева, и стоило тому только позвать, поманить ее пальцем, она вернулась к нему, и ей больше не нужны ни Моррисон, ни

станнер. Он понуро взглянул на них. Они стояли в потоке солнечного света, льющегося из окна, он сидел в тени, так и должно быть. Они о чем-то шептались, настолько увлеченные друг другом, что Калныня, казалось, не осознавала, что все еще держит станнер. Моррисон хрипло окликнул их:

— Ваше правительство будет недовольно. У вас есть приказ освободить меня.

Конев взглянул на него, его глаза слегка прояснились, словно ему стоило большого труда обратить внимание на своего пленника. Ему не было необходимости следить за ним. Официантка, Валерия Палерон, с удовольствием делала это. Она стояла рядом с Моррисоном и не спускала с него глаз. Конев ответил:

— Моему правительству не о чем беспокоиться. Скоро оно изменит свое мнение.

Калныня подняла руку, словно пытаясь возразить ему, но Конев перехватил ее:

— Ни о чем не беспокойся, Софья. Я уже отправил доклад в Москву. Это заставит их задуматься. Они свяжутся со мной на моей личной волне, и когда я скажу, что удерживаю Моррисона, им придется принимать решение и что-то делать. Я уверен, они смогут убедить Старика в целесообразности сделанного. Я обещаю тебе.

Калныня произнесла взволнованным голосом:

— Альберт.

Моррисон ответил:

— Ты собираешься сказать мне, что тебе очень

жаль, Софья, и что ты вычеркнула меня из жизни по одному слову человека, которого ты, как казалось, ненавидела?

Калныня покраснела.

— Ты не вычеркнут из жизни, Альберт. С тобой будут хорошо обращаться. Ты будешь работать так же, как и в своей стране, только тебя по-настоящему оценят.

— Спасибо, — ответил Моррисон, обнаружив в себе запас сарказма. — Если ты за меня счастлива, то какое значение имеют мои чувства?

Нетерпеливо вмешалась Палерон:

— Товарищ американец, вы слишком много говорите. Почему бы вам не присесть? Садитесь.

Она толкнула его в кресло.

— Раз вы ничего не можете поделать, то почему бы вам спокойно не посидеть?

Она повернулась к Калныне. Конев нежно обнимал ее за плечи.

— А вы, маленькая царица, все еще планируете вывести своего любовника из игры и поэтому все еще держите станнер? Двумя руками вы обнимете его крепче.

Палерон взяла станнер из руки Калныни, и та не сказала ни слова. С любопытством глядя на станнер, Палерон сказала:

— Вот так-то лучше. Я боялась, что в пароксизме вновь обретенной любви вы начнете палить налево и направо.

Она подошла к Моррисону, все еще изучая стан-

нер и поворачивая его в разные стороны. Моррисон неловко поднял руку.

— Не цельтесь в меня. Он может выстрелить.

Палерон надменно посмотрела на него:

— Не выстрелит, если я этого не захочу. Я знаю, как с ним обращаться.

Она улыбнулась Коневу и Калныне. Софья двумя руками обняла Конева и покрывала его лицо быстрыми нежными поцелуями. Палерон повторила:

— Я знаю, как с ним обращаться. Вот так. И вот так.

Сначала Конев, а затем и Калныня рухнули на пол. Палерон повернулась к Моррисону:

— А теперь, идиот, помоги мне. Мы должны действовать быстро, — она сказала это по-английски.

87.

Моррисон ничего не понимал. Он бессмысленно уставился на нее. Палерон потрясла его за плечо, словно пытаясь разбудить.

— Ну, давай же. Ты возьмешь его за ноги.

Моррисон автоматически подчинился. Сначала Конев, а затем и Калныня были перенесены на кровать, с которой Палерон сняла тонкое покрывало. Она быстро обыскала Калныню.

— Вот, — сказала она, найдя сложенный лист бумаги с какими-то печатями. Палерон сунула его в карман своей белой куртки и продолжила обыск. На свет появились другие предметы — среди них пара

маленьких ключей. Так же быстро она обыскала Конева, сорвав с внутренней стороны лацкана его пиджака небольшой металлический диск.

— Его личный передатчик, — сказала она и тоже сунула его в карман.

Наконец, она достала черный прямоугольный предмет и спросила:

— А ведь это твое, не так ли?

Моррисон кивнул. Это была его программа для компьютера. Он даже не знал, что Конев взял ее у него. Моррисон выхватил программу из рук Палерон. Валерия повернула Конева и Калныня лицом друг к другу и накрыла их покрывалом.

— Не надо так смотреть на меня, Моррисон, — сказала она, когда закончила. — Пойдем.

Она крепко взяла его за руку. Он попытался сопротивляться.

— Куда? Что происходит?

— Я объясню тебе позже. А сейчас ни слова. У нас нет времени. Ни минуты, ни секунды. Пойдем.

Она сказала это со сдерживаемой горячностью. Моррисон последовал за ней. Они вышли из комнаты, как можно тише спустились по лестнице и вышли к лимузину. Палерон открыла дверь автомашины одним из ключей Калныни и резко сказала:

— Садись.

— Куда мы едем?

— Садись.

Она буквально втокнула его в машину. Палерон села за руль, и Моррисон едва удержался, чтобы не

спросить, умеет ли она водить машину. До него наконец-таки дошло, что она не просто официантка. Палерон завела двигатель и огляделась. На улице никого не было, кроме прогуливающегося кота. Автомобиль медленно набирал скорость, и к тому времени, когда индикатор показал девяносто пять километров в час, они уже мчались по просторному шоссе. Изредка им попадались встречные машины. Моррисон теперь уже снова мог нормально рассуждать. Он посмотрел в заднее зеркало. Автомобиль, ехавший за ними, свернул с дороги. Похоже, за ними никто не гнался. Моррисон повернулся к Палерон. Она казалась мрачной, но уверенной в себе. Теперь ему было ясно, что она не только не официантка, но и не советский человек. Ее английский имел тот акцент, которому не научиться в школе, не приобрести каким-то другим способом. Тут его ухо нельзя было обмануть.

— Вы специально ждали у отеля с книгой, чтобы не пропустить Софию и меня?

— Правильно, — ответила Палерон.

— Вы — американский агент, так? Все теплее и теплее. Куда мы едем?

— В аэропорт, где вас заберет шведский самолет.

— А вы знаете, как туда добраться?

— Конечно. Я провела в Малграде гораздо больше времени, чем ваша Калныня. Но объясните мне, зачем вы сказали ей, что этот человек, Конев, любит ее? Она только и ждала, что это подтвердит кто-то

еще. Она хотела это услышать, и вы это сказали. Вы же сыграли на руку Коневу. Почему?

— Потому что это правда.

— Правда?

Палерон была изумлена. Она покачала головой:

— Да вы не от мира сего. Честное слово. Удивляюсь, как это никто до сих пор не пристукнул вас? Кроме того, откуда вы знаете, что это правда?

Моррисон ответил:

— Я знаю. Мне стало жаль ее. Вчера она спасла мне жизнь. Она всех нас спасла. И Конев тоже меня спас.

— Вы спасли жизни друг другу, насколько я знаю.

— В общем-то, да.

— Но это было вчера. Сегодня — это сегодня, нельзя позволять прошлому влиять на вас. Она бы никогда не простила его, если бы не ваша глупая выходка. Он мог клясться до посинения, что любит ее и все такое прочее, но она не поверила бы. Она не посмела бы поверить. Опять позволить одурачить себя? Никогда. Еще минута, и она бы выстрелила в него, а тут вы: «Да что ты, деточка, он же тебя любит». Ей же только это и надо было. Поверьте, Моррисон, нет, вам без присмотра оставаться нельзя.

Моррисон со смущением спросил:

— А вы откуда все это знаете?

— Я лежала на полу в машине. Я должна была отправиться с вами и Калныней, чтобы убедиться, что она довезла вас. Но тут вы со своими глупостями. Что мне оставалось делать? Схватить вас, вернуть

всех в комнату, где бы мы были одни, и как-нибудь завладеть станнером.

— Спасибо.

— Да, все в порядке. Я придала им вид влюбленной парочки, так что если кто и войдет, то сразу же извинится и выйдет. Это поможет нам выиграть время.

— Когда они придут в сознание?

— Не знаю. Это зависит от того, насколько точно я прицелилась, от состояния организма и бог знает еще от чего. Но когда они очнутся, им понадобится время, чтобы вспомнить, что произошло. Надеюсь, что в их положении первое, что они поймут, — это то, что они любят друг друга. Это займет их на некоторое время. К тому времени, как они вспомнят про вас, будет уже поздно.

— Их мозг поврежден навсегда?

Палерон бросила быстрый взгляд на встревоженное лицо Моррисона:

— Вы что, беспокоитесь о них? Почему? Кто они вам?

— Ну... мы были в одном экипаже.

Палерон хмыкнула:

— Я думаю, с ними все будет в порядке. Для них же будет лучше, если их сентиментальная чувствительность немного притупится. У них будет отличная семья.

— А что будет с вами? Наверное, вам лучше улететь со мной.

— Не будьте болваном. Шведы не возьмут меня.

У них есть приказ забрать одного человека, и они еще устроят проверку, чтобы убедиться, что вы — это вы. У них будут отпечатки ваших пальцев и сетчатки глаза из архивов Комиссии по народонаселению. Если они возьмут на борт не того человека или двух, будет новый скандал, а шведы слишком умны.

— Что же будет с вами?

— Ну, я скажу, что это вы вырвали у меня станнер и оглушили их, затем заставили меня под дулом пистолета отвезти вас в аэропорт, потому что сами не знали дороги. Вы приказали остановиться мне за воротами, оглушили меня и бросили станнер в машину. Рано утром я пришла в себя и вернулась в Малград.

— Но Конев и Калныня уличат вас во лжи.

— Они не смотрели на меня, когда я стреляла, да и вряд ли кто-то из них вспомнит этот момент. Кроме того, советское правительство приказало вернуть вас домой, и если вы будете возвращены, то, что бы ни говорил Конев, это не принесет ему пользы. Я ставлю рубль к копейке, нет, лучше доллар к копейке, что они предпочтут все забыть, а я снова стану официанткой.

— Они наверняка заподозрят вас.

— Тогда посмотрим. Ничего, — она произнесла это слово по-русски. — Что будет, то будет.

Палерон слабо улыбнулась. Они все еще ехали по шоссе, и Моррисон неуверенно спросил:

— Может быть, нам прибавить скорости?

— Ни на километр, — твердо ответила Палерон. — Мы и так едва не превышаем границу, а здесь следят радары за каждым сантиметром. Им отказывает чувство юмора, когда речь идет о превышении положенной скорости, а я не хочу провести несколько часов в пункте полиции, попытавшись на пятнадцать минут раньше попасть к самолету.

Было далеко за полдень, и Моррисон начал испытывать легкий голод. Он спросил:

— Как вы думаете, что Конев сообщил обо мне Москве?

Палерон покачала головой:

— Не знаю. Но что бы там ни было, он получил ответ на своей личной волне. Передатчик просигналил около двадцати минут назад. Вы не слышали?

— Нет.

— Да, в моей профессии вы бы долго не продержались. Они, естественно, не получили никакого ответа, поэтому человек в Москве, с которым связался Конев, постарается выяснить почему. Кто-нибудь обнаружит их, и они поймут, что вы на пути в аэропорт. Будет послана погоня, чтобы помешать вам. Как колесницы фараона.

— Только с нами нет Моисея, чтобы раздвинуть для нас Красное море, — ответил Моррисон.

— Если мы доберемся до аэропорта, у нас будут шведы. Они вас никому не выдадут.

— Что они смогут сделать против военных?

— Это будут не военные. Это будут официальные лица, работающие на экстремистскую политическую

группировку, которые попытаются ввести в заблуждение шведов. Но у нас есть официальные бумаги, подтверждающие вашу выдачу, поэтому у них ничего не выйдет. Главное — первыми добраться туда.

— И тем не менее мы не должны увеличить скорость?

Палерон решительно покачала головой. Через полчаса она сказала:

— Ну вот мы и на месте. Удача на нашей стороне. Шведский самолет уже приземлился.

Она остановила машину, нажала кнопку и дверь со стороны Моррисона открылась.

— Дальше вы пойдете один, меня не должны видеть, но послушайте...

Она наклонилась к нему:

— Мое имя — Эшби. Когда доберетесь до Вашингтона, передайте, что если они считают, что мне пора возвращаться, я готова. Понятно?

— Понятно.

Моррисон вышел из автомобиля, щурясь от солнца. Вдалеке какой-то человек в форме, не в советской форме, махал ему рукой. Моррисон бросился бежать. На скорость бега не было никаких ограничений и, хотя никто не преследовал его, он бы не удивился, если бы погоня выросла из-под земли. На бегу он повернулся и в последний раз помахал рукой в направлении автомобиля. Ему никто не ответил. Человек в форме побежал навстречу, и Моррисон, споткнувшись, упал ему на руки. Теперь

он увидел, что это была форма Европейской Федерации.

— Могу я узнать ваше имя? — спросил человек по-английски.

Моррисон с облегчением узнал шведский акцент.

— Альберт Джонас Моррисон, — ответил он, и они вместе направились к самолету, где его уже ждали, чтобы провести идентификацию.

88.

Измученный и напряженный, Моррисон сидел у иллюминатора, оглядывая взлетное поле. Обед, состоящий, главным образом, из селедки и вареного картофеля, приглушил голод, но не успокоил мозг. Неужели миниатюризационное путешествие, совершенное вчера (только вчера?), навсегда повергло его в постоянное ожидание надвигающейся опасности? Неужели он никогда не сможет относиться к миру, как к чему-то дружественному? Неужели он никогда не сможет идти по жизни, ясно сознавая, что никто и ничто не желает ему зла? Или у него было недостаточно времени, чтобы прийти в себя? Конечно, чувство здравого смысла подсказывало ему, что у него есть причины для беспокойства. Под крылом самолета по-прежнему была советская территория. Хватило ли времени у союзника Конева в Москве, кто бы он ни был, выслать погоню за шведами? Было ли у него для этого достаточно власти? Поднимутся ли колесницы фараона в воздух и продолжат

преследование? И когда он действительно увидел в отдалении сначала один самолет, потом другой, у него на мгновение остановилось сердце. Он повернулся к стюардессе, сидевшей через проход от него. Ему не пришлось задавать вопрос. Она все поняла по его встревоженному выражению лица.

— Самолеты Федерации, — сказала она. — Сопровождение. Мы покинули советскую территорию. В них шведские экипажи.

Когда они пересекли Ла-Манш, к ним присоединились американские самолеты. Теперь Моррисон был в безопасности от колесниц. Но, тем не менее, его мозг не успокаивался. Ракеты? Неужели кто-то решится начать военные действия? Он попытался успокоить себя. Конечно же, ни один человек в Советском Союзе, включая «Самого», не может принять такое решение без множества консультаций, а на это уйдут часы, а может быть, и дни. Но этого не должно произойти. И все-таки, только когда самолет приземлился неподалеку от Вашингтона, Моррисон позволил себе признать, что все закончено и он в полной безопасности, в своей стране.

89.

Было субботнее утро, и Моррисон постепенно приходил в себя. Он уже позавтракал и умылся. Он даже наполовину оделся. Теперь он лежал в постели, подложив руки под голову. За окном было пасмурно, и он только наполовину раскрыл окно. Ему хотелось

побыть в уединении. За те часы, которые прошли после приземления самолета, вокруг него постоянно было столько людей, что он начал подумывать, действительно ли его положение дома лучше по сравнению с тем, что было в Советском Союзе. Доктора наконец-то закончили осмотр, первые вопросы были уже заданы, и его оставили одного в комнате, которая по степени защищенности напоминала крепость. Ну что ж, по крайней мере, ему не придется пройти миниатюризацию. Эта мысль заметно успокаивала его.

Над дверью вспыхнул индикатор. Моррисон дотянулся до кнопки, открывающей глазок. Он узнал лицо человека, стоящего перед дверью, и нажал другую кнопку, позволяющую открыть дверь изнутри.

Вошли два человека. Один из них, тот, чье лицо он увидел в глазок, сказал:

— Я надеюсь, вы помните меня.

Моррисон и не попытался встать из постели. Теперь он был тем центром, вокруг которого все вращалось, по крайней мере пока, и он хотел пользоваться этим. Он просто небрежно приподнял руку в приветствии и сказал:

— Вы — тот самый агент, который хотел, чтобы я поехал в Советский Союз. Родано, не так ли?

— Да, Фрэнсис Родано. А это профессор Роберт Джей Фриар. Я думаю, вы знаете его.

Моррисон поколебался, затем учтивость заставила его подняться с кровати.

— Здравствуйте, профессор. Я, конечно, знаю вас и много раз видел ваши выступления по холовидению. Рад лично с вами познакомиться.

Фриар, один из «видных ученых», чьи фотографии и появления на ХВ сделали его лицо знакомым огромному количеству людей, напряженно улыбнулся. У него было круглое лицо, бледно-голубые глаза, отчетливая вертикальная морщинка между бровями, румяные щеки, крепкое телосложение при среднем росте и живой взгляд. Он сказал:

— А вы, как я понимаю, Альберт Джонас Моррисон.

— Вы правы, — спокойно ответил Моррисон. — Мистер Родано может это подтвердить. Пожалуйста, присаживайтесь и простите мне мою вольность. Я останусь на кровати. Мне понадобится, пожалуй, год отдыха, чтобы все наверстать.

Оба посетителя уселись на большой софе и повернулись к Моррисону. Родано несколько натянуто улыбнулся:

— Я не могу обещать вам столько времени на отдых. По крайней мере, пока. Кстати, мы только что получили сообщение от Эшби. Вы помните ее?

— Официантку? Еще бы. Если бы не она...

— Мы знаем подробности, Моррисон. Она просила передать вам, что ваши друзья уже выздоровели и по-прежнему без ума друг от друга.

— А как сама Эшби? Она сказала мне, что готова покинуть Малград, если Вашингтон сочтет это нужным. Я доложил об этом ночью.

— Да, мы обязательно вытащим ее оттуда. А теперь, боюсь, должен еще раз побеспокоить вас.

Моррисон нахмурился:

— Сколько это будет продолжаться?

— Я не знаю. Вы должны все принимать как есть. Профессор Фриар?

Профессор кивнул.

— Доктор Моррисон, вы не будете возражать, если я запишу наш разговор? Нет, лучше так. Я собираюсь записать наш разговор, Моррисон.

Он достал из портфеля небольшой компьютер последней модификации.

Родано вкрадчиво спросил:

— Куда пойдут эти записи, профессор?

— На мое записывающее устройство, мистер Родано.

— Которое находится...

— В моем офисе в Министерстве обороны, мистер Родано. — Затем с некоторым раздражением он добавил:

— В моем сейфе в Министерстве обороны, и сейфы и записывающее устройство надежно закодированы. Это вас удовлетворяет?

— Начинайте, профессор.

Фриар повернулся к Моррисону и спросил:

— Это правда, что вы подверглись минимизации, Моррисон? Лично вы?

— Да. Я достиг размера атома в то время, как корабль был размером с молекулу глюкозы. Я провел

большую половину дня внутри живого человеческого тела, вначале в крови, затем в мозгу.

— Это правда? Может быть, внушение или что-то еще?

— Пожалуйста, профессор Фриар. Если бы я действовал под гипнозом, мои показания не имеют никакого значения. Мы не сможем продолжать, пока вы не признаете, что я в здравом уме и мои слова адекватно отражают реальность.

Фриар поджал губы и сказал:

— Вы правы. Для начала мы должны сделать заявление, и я его делаю, что вы совершенно здоровы и на ваши слова можно положиться.

— Конечно, — сказал Моррисон.

— В таком случае, — Фриар повернулся к Родано, — мы начинаем с очень важного утверждения, что минимизация возможна и Советы могут проводить ее даже на живых существах без всякого видимого для них ущерба.

Он снова повернулся к Моррисону:

— По-видимому, они достигли минимизации с помощью уменьшения постоянной Планка.

— Да, это так.

— Конечно, так. Другого возможного пути нет. Они объяснили вам, как им это удалось?

— Разумеется, нет. Вы можете также сделать заявление, что советские ученые, с которыми я работал, находятся в здравом уме. Они не раскроют так просто свои секреты.

— Хорошо. Заявление сделано. Теперь расскажите

нам все, что произошло с вами в Советском Союзе. Но пусть это будет не приключенческая история, а наблюдения профессионального физика.

Моррисон начал свой рассказ. Он не жалел об этом. Ему нужно было выговориться, он чувствовал потребность избавиться от бремени ответственности, выпавшей на него, как единственного американца, знающего то, что знал он. Его подробный рассказ занял несколько часов. Он закончил только к обеду. После десерта Фриар сказал:

— Позвольте мне подвести итоги. Прежде всего, минимизация не влияет ни на время, ни на квантовые взаимодействия то есть на сильные и слабые электромагнитные взаимодействия. Гравитационное поле уменьшается в соотношении к массе, как и должно быть. Так?

Моррисон кивнул. Фриар продолжал:

— Свет и электромагнитное излучение могут проникать сквозь миниатюризационное поле, а звук — нет. Поле слабо отталкивает обычное вещество, но под давлением его можно ввести в поле и подвергнуть минимизации за счет энергии самого поля.

Моррисон снова кивнул. Фриар сказал:

— Чем больше объект подвергается минимизации, тем меньше энергии требуется для продолжения этого процесса. Уменьшается ли потребность в энергии в соотношении с массой, остающейся на произвольно взятом этапе минимизации?

— Звучит логично, — ответил Моррисон, — но я

не помню, чтобы кто-то упоминал квантовый характер этого феномена.

— Тогда идем дальше. Чем большей минимизации подвергается объект, тем выше возможность спонтанной деминимизации — и это, скорее, относится ко всей массе, находящейся в поле, чем к любому ее компоненту. Вы, как отдельный индивид, имели больше шансов деминиатюризоваться спонтанно по сравнению с ситуацией, когда вы были частью корабля. Я прав?

— Я так понял.

— И ваши советские коллеги признали, что процесс максимизации невозможен?

— Опять же, я так их понял. Вы должны отдавать себе отчет, профессор, что я могу повторить только то, что мне было сказано. Они могли намеренно ввести меня в заблуждение, или они сами не все знают и поэтому ошибаются.

— Да, да, я понимаю. У вас есть причины считать, что вас намеренно вводили в заблуждение?

— Нет, мне казалось, что они не обманывают меня.

— Что ж, возможно. Самая интересная вещь для меня — это то, что броуновское движение находится в равновесии с миниатюризационными колебаниями и чем выше степень минимизации, тем больше равновесие сдвигается в сторону колебаний поля от обычного броуновского движения.

— Это мое личное наблюдение, профессор, и оно опирается не только на то, что мне говорили.

— И это нарушение баланса имеет какое-то отношение к возможности спонтанной деминимизации?

— Мне так кажется, но я не могу точно это утверждать.

— Хм, — профессор задумчиво глотнул кофе и сказал: — Беда в том, что все это очень поверхностно. Это говорит нам о поведении миниатюризационного поля, но ничего о том, как оно возникает. А уменьшая постоянную Планка, они не затрагивают скорость света?

— Да, но, как я уже говорил, это означает, что создание поля требует огромных затрат энергии. Если они могут ассоциировать постоянную Планка со скоростью света, увеличивая последнюю по мере того, как уменьшается первая... Но у них пока этого нет.

— Так они говорят. Предположительно, Шапиров знал, как сделать это, но они не смогли получить эту информацию.

— Да, это так.

На несколько минут Фриар погрузился в свои мысли и затем сказал:

— Мы разобрали все, что вы рассказали, но боюсь, что это нам не поможет.

— Почему нет? — спросил Родано. — Если человек, который раньше никогда не видел робота или не слышал о его составных частях, должен будет доложить о том, как он действует, он сможет описать, как его голова и конечности движутся, как звучит его голос, как он выполняет команды и так

далее. Ничего из того, что он увидит, не скажет ему о том, как работает позитронный мозг или что такое молекулярная мембрана. Он даже не заподозрит, что они имеют какое-то значение, так же как и те ученые, что будут работать по его инструкциям. Советы разработали технологию создания миниатюризационного поля, и мы о ней ничего не знаем, а Моррисон нам здесь помочь не может. Может, они и опубликовали какие-то данные, приведшие к созданию этой технологии, еще не осознавая, насколько это важно, как это случилось в середине двадцатого века, когда первые работы по расщеплению атомного ядра были опубликованы раньше, чем стало ясно, что это секретная информация. Но Советы не допустят такой ошибки с миниатюризацией. Не удалось нам получить эту информацию и с помощью шпионажа.

— Я посоветуюсь со своими коллегами, но боюсь, что в целом ваше, доктор Моррисон, приключение в Советском Союзе, каким бы удивительным оно ни было, за исключением информации, что минимизация была осуществлена, не имеет смысла. Мне очень жаль, мистер Родано, но с таким же успехом его могло бы и не быть.

90.

Выражение лица Моррисона не изменилось после того, как Фриар сделал свое заключение. Он налил

себе еще немного кофе, неторопливо добавил сливки и спокойно его выпил. Затем он сказал:

— Дело в том, что вы совершенно не правы.

Фриар взглянул на него и спросил:

— Вы хотите сказать, что вы что-то знаете о технологии создания миниатюризационного поля? Но вы говорили...

— То, о чем я собираюсь сказать, не имеет никакого отношения к минимизации. Это относится к моей работе. Советы отправили меня в Малград и Грот для того, чтобы я мог использовать мою компьютерную программу для чтения мыслей Шапирова. У меня ничего не вышло, что, возможно, и не удивительно, принимая во внимание тот факт, что Шапиров находился в коме и был на грани смерти. С другой стороны, когда Шапиров прочитал кое-какие мои статьи, он назвал мою программу ретранслятором, а он был удивительно проницательным человеком.

— Ретранслятор? — на лице Фриара появилось выражение неприятия.

— Что это значит? Вместо того, чтобы читать мысли Шапирова, мой компьютер, находясь внутри одного из его нейронов, действовал как ретранслятор, передавая мысли одного из нас другому.

Неприятность сменилась негодованием:

— Вы хотите сказать, что это телепатическое устройство?

— Вот именно. Я впервые испытал это на себе, когда почувствовал любовь и сексуальное желание к

молодой женщине, которая была вместе со мной на корабле. Естественно, я предположил, что это мои собственные чувства, так как она была очень привлекательна. Но после нескольких подобных случаев я понял, что это мысли одного из мужчин. Они расстались, но чувство, тем не менее, жило.

Фриар с терпимостью улыбнулся:

— Вы уверены, что могли правильно разобраться в этих чувствах? В конце концов, вы находились в таком напряжении. Вы получали подобные мысли этой женщины?

— Нет. Я обменивался мыслями с этим молодым человеком произвольно, несколько раз. Когда я думал о моей жене и детях, он думал о женщине и двух подростках. Когда меня унесло от корабля, это он почувствовал мою панику. Он предположил, что уловил страдания Шапирова с помощью моего компьютера, а он был в это время со мной, но это были мои чувства, а не Шапирова. Я не обменивался мыслями ни с одной женщиной на корабле, но они обменивались. Когда они пытались уловить мысли Шапирова, они обнаруживали одни и те же слова и чувства — передавали один другому, конечно.

— Половые различия? — скептически спросил Фриар.

— Не совсем. Пилот корабля, тоже мужчина, не получал вообще ничего, ни от мужчин, ни от женщин, хотя в одном случае, кажется, что-то было. Но я не знаю, от кого. Мне кажется, существуют типы мозга, как группы крови, возможно, их достаточно

много, и телепатическая связь легко может быть установлена между людьми с одним и тем же типом мозга.

Родано мягко вставил:

— Даже если все это действительно так, доктор Моррисон, что из того?

Моррисон ответил:

— Позвольте мне объяснить. Многие годы я работал, пытаясь с незначительным успехом выделить области человеческого мозга, ответственные за абстрактное мышление. Иногда я получал образ, но всегда неправильно интерпретировал факты. Я считал, что он исходит от мозга того животного, с которым я работал. Теперь я понимаю, что я получал эти сигналы, когда рядом со мной был человек, глубоко погруженный в свои мысли или чувства. Я не замечал этого. Вот в чем моя ошибка. Тем не менее, уязвленный всеобщим равнодушием, откровенным недоверием и насмешками моих коллег, я никогда не публиковал статей о характере пойманных образов, а совершенствовал мою программу, надеясь усилить их. Кое-какие модификации также не описаны. Таким образом, я попал в организм Шапирова с прибором, который был ближе к настоящему ретранслятору, чем когда-либо. И вот теперь, когда я, наконец, понял, что же у меня было, я знаю, как можно улучшить программу. Я уверен в этом.

Фриар сказал:

— Позвольте мне говорить прямо, Моррисон. Вы утверждаете, что в результате вашего фантастического путешествия по телу Шапирова вы поняли, каким

образом нужно усовершенствовать ваш прибор, чтобы сделать телепатию реальной?

— Да, в какой-то степени.

— Это будет потрясающе, если вы сможете продемонстрировать свое открытие.

Скептицизм не исчез из голоса Фриара.

— Куда как более потрясающе, чем вы можете себе представить, — несколько резко ответил Моррисон. — Вы, конечно, знаете, что телескопы, радио или оптические, могут быть размещены на большой площади, и будучи координируемыми компьютером, могут выполнять функцию одного огромного телескопа, который невозможно создать как единое целое.

— Да, но что из того?

— Я привел это как пример. Я убежден, что могу продемонстрировать нечто в этом роде. Если мы телепатически соединим шесть человек, шесть мозгов будут работать как один большой мозг, и возможности его огромны. Подумайте, какие прорывы могут быть сделаны в науке и технологии, в других областях человеческого познания. Без длительной эволюции и опасностей генной инженерии мы сможем создать ментального сверхчеловека.

— Это может быть интересным, — сказал Фриар, явно заинтригованный и так же явно все еще не убежденный.

— Правда, здесь есть ловушка, — продолжил Моррисон. — Все свои эксперименты я проводил на животных, связывая их мозг с компьютером. Теперь-

то я вижу, что это не лучший вариант. Сколько бы мы его ни усовершенствовали, в лучшем случае это будет грубое телепатическое устройство. Нам нужно вторгнуться в мозг и поместить миниатюризированный и нужным образом запрограммированный компьютер в один из нейронов. Там он сможет действовать как ретранслятор. Точность телепатической передачи многократно увеличится.

— А тот бедняга, с которым это сделают, взорвется при спонтанной деминимизации прибора, — добавил Фриар.

— Мозг животного по уровню своего развития находится ниже человеческого, — серьезно сказал Моррисон, — так как в нем меньше нейронов. Но отдельно взятый нейрон, скажем, мозга кролика, не слишком отличается от нейрона человека. Как ретранслятор может использоваться и робот.

В разговор вмешался Родано:

— Американские умы, работающие в телепатическом контакте, смогут раскрыть секрет минимизации, а может быть, и опередить Советы в вопросе ассоциирования постоянной Планка со скоростью света.

— Да, — с энтузиазмом откликнулся Моррисон, — и один из советских ученых, Юрий Конев, тот самый, с кем я обменивался мыслями на корабле, тоже ухватился за это. Именно поэтому он попытался задержать меня и мою программу, бросив открытый вызов своему правительству. Сомневаюсь, что без меня он сможет добиться подобных результатов и через несколько лет. Это не его область.

— Продолжайте, — сказал Родано, — это начинается мне нравится.

— Ситуация такова: сейчас мы можем создать грубое телепатическое устройство. Даже без минимизации это может помочь нам опередить Советы, а может, и нет. Дело том, что без минимизации и без введения в нейрон животного ретранслятора мы не можем быть уверены в успехе. С другой стороны, Советы создали грубое миниатюризационное устройство. С помощью обычных исследований они смогут найти связь между квантовой теорией и теорией относительности и создать действительно эффективное миниатюризационное устройство, но на это уйдут годы. Таким образом, мы владеем телепатией без минимизации, они — миниатюризацией без телепатии, и через несколько лет выяснится, кто победит — они или мы. Победитель будет владеть неограниченной скоростью перемещения в пространстве и ему подчинится Вселенная. Неудачник же потеряет все. Для нас было бы лучше, если бы в этой гонке победили мы, но первыми к финишу могут прийти и они, и тогда наш шаткий мир может взорваться в последней войне. С другой стороны, если мы и Советы сможем работать вместе, используя телепатию с помощью миниатюризированного ретранслятора в нейроне живого существа, мы за очень короткое время добьемся результатов в антигравитации и неограниченной скорости. Вселенная будет принадлежать нам вместе, а значит, всей

Земле, всему человечеству. Почему бы и нет, джентльмены? Не проиграет никто, а выиграют все.

Родано и Фриар с удивлением смотрели на него. Наконец, с трудом проглотив слюну, Фриар сказал:

— Это было бы неплохо, если у вас действительно есть телепатическое устройство.

— У вас есть время выслушать меня?

— Сколько вам будет угодно, — ответил Фриар.

У Моррисона ушло несколько часов на подробное объяснение его теории. Наконец, он откинулся назад и сказал:

— Теперь, насколько я понимаю, вы, да и все остальные, захотите, чтобы я создал систему, демонстрирующую возможность телепатии, и этим я буду занят всю мою оставшуюся жизнь. Поэтому сейчас я прошу только об одном.

— О чем? — спросил Родано.

— Немного отдыха перед началом. Пожалуйста. Мне столько пришлось испытать. Дайте мне двадцать четыре часа. Только один день, а затем я буду в вашем полном распоряжении.

— Справедливо, — сказал Родано, поднимаясь.

— Думаю, что смогу устроить вам это. Двадцать четыре часа — ваши. Постарайтесь как можно лучше использовать это время. После этого у вас, действительно, будет слишком мало времени для себя. Кроме того, подготовьтесь к тому, что с этой минуты вас будут охранять больше, чем президента.

— Отлично, — сказал Моррисон. — Тогда я заказываю ужин.

91.

Родано и Фриар заканчивали ужинать. Это был необычный вечер в изолированной и охраняемой комнате. Родано спросил:

— Как вы считаете, доктор Фриар, Моррисон говорит правду о телепатии?

Фриар вздохнул и осторожно ответил:

— Мне нужно будет посоветоваться с коллегами, но мне кажется, что он прав. Он очень убедителен. Могу я задать вам вопрос?

— Да?

— Считаете ли вы, что Моррисон прав, говоря о необходимости сотрудничества в этой области между Соединенными Штатами и Советским Союзом?

После долгой паузы Родано ответил:

— Да, я думаю, что он прав. Конечно, будет очень много недовольных, но мы не можем рисковать, ведь русские могут опередить нас. Им придется понять это.

— А русские? Они поймут это?

— Они тоже будут вынуждены сделать это. Они также не могут рисковать. Кроме того, мир быстро поймет, в чем дело, и будет настаивать на каких-либо действиях, могущих предотвратить новую холодную войну. На это могут уйти годы, но мы придем к сотрудничеству.

Родано покачал головой и сказал:

— Знаете, что больше всего поражает меня, профессор Фриар?

— А разве в произошедшем есть что-то, что вас не поражает?

— Нет, но больше всего меня поражает вот что. Я познакомился с Моррисоном в прошлую субботу, пытаясь убедить его отправиться в Советский Союз. Он произвел на меня впечатление человека, ничего не стоящего, нуля с академическим складом ума. Я упал духом. Мне казалось, что от него ничего нельзя ждать. Я просто посылал его на смерть. Таково было мое мнение и, прости меня, Господи, я по-прежнему так считаю. Он ничего из себя не представляет, и это просто чудо, что он остался жив. И тем не менее...

— Что тем не менее?

— И тем не менее он вернулся, сделал невероятное открытие и привел в движение процесс, в котором и Соединенные Штаты, и Советский Союз, помимо их желания, вынуждены будут сотрудничать. И в довершение ко всему, он стал самым важным и, к тому же, как только мы опубликуем эти события, самым популярным ученым в мире, может быть, даже всех времен. Он, в каком-то смысле, разрушил политическую систему мира и создал другую, по крайней мере, начал процесс ее создания, и все это он сделал за время, прошедшее с прошлой субботы. Он сделал все это за шесть дней. Меня несколько пугает эта мысль.

Фриар откинулся назад и громко рассмеялся:

— Это еще удивительнее, чем вы думаете. На седьмой день он решил отдохнуть!

СОДЕРЖАНИЕ

Айзек Азимов

ФАНТАСТИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ II

ГЛАВА ШЕСТАЯ	
РЕШЕНИЕ	7
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	
КОРАБЛЬ	42
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	
ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ГОТОВНОСТЬ ..	73
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	
АРТЕРИЯ	104
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	
КАПИЛЛЯРЫ	144
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	
ПУНКТ НАЗНАЧЕНИЯ	177
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	
МЕЖКЛЕТОЧНОЕ ВЕЩЕСТВО	215
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	
КЛЕТКА	252
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	
АКСОН	288
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ	
ОДНИ!	324
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ	
СМЕРТЬ	357
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ	
БЛАГОПОЛУЧНЫЙ ИСХОД	385
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ	
ВОЗВРАЩЕНИЕ?	418
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ	
ПОВОРОТ	448

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Составители серии «БГ» просят Вас
прислать перечень фильмов,
которые Вы хотели бы увидеть в виде романов.
Наиболее часто упоминаемые названия будут
включены в серию «БГ»

Адрес для корреспонденции:

129090, Г. МОСКВА, УЛ. ГИЛЯРОВСКОГО, Д. 29.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭРИКА»

Редакторы — Н.Виноградова, В.Александров

Художник — В. Зорин

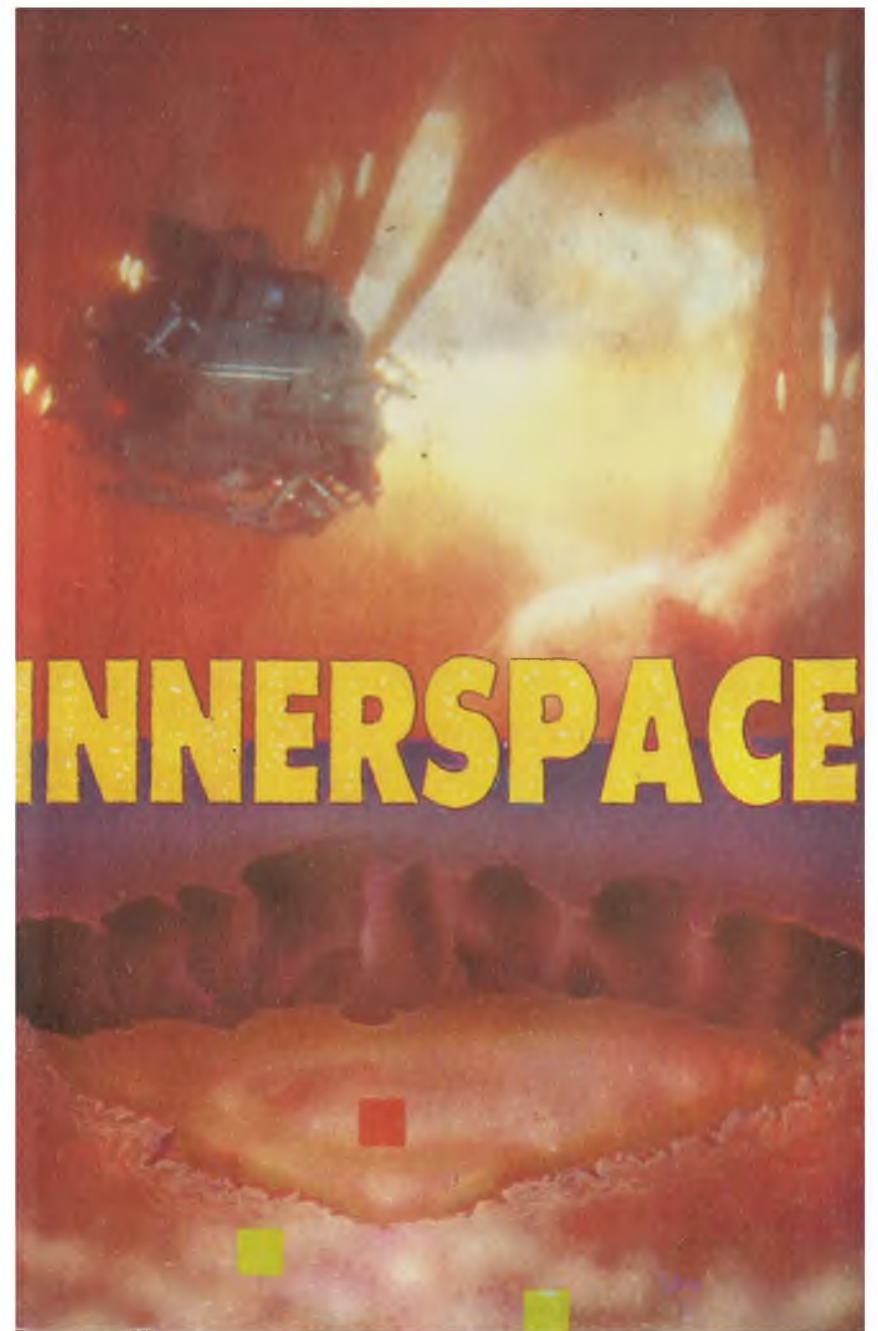
Корректоры — Т.Сологуб, В. Прошутинский

Подписано в печать 26.06.94г. Формат 84х108/32. Гарнитура «Таймс».

Усл. печ. л. 25,2. Тираж 50000. Заказ 1326.

Издательство «Эрика»: 115408, г.Москва, а/я 10, «ЭРИКА»

Отпечатано в издательско-полиграфическом предприятии
«Янтарный сказ», 236000, г. Калининград,
ул. Карла Маркса, 18.

50-00

